

ОТБЛЕСКИ ЭТЕРНЫ

КРАСНОЕ
НА КРАСНОМ

ОТ ВОЙНЫ
ДО ВОЙНЫ

ЛИК
ПОБЕДЫ

ВЕРА КАМША

ЛИК
ПОБЕДЫ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К18

Художественное оформление серии *Елены Куликовой*

В оформлении переплета и блока использованы иллюстрации
Оксаны Санжаровой

Камша, Вера Викторовна.

К18 Лик Победы / Вера Камша. — Москва : Эксмо, 2022. —
832 с.

ISBN 978-5-04-156900-6

Победа... Поражение... Порой их так трудно различить. Кто-то торжествует, кто-то проклинает, кто-то меняет сторону, кто-то не понимает, как подобное могло произойти и почему именно с ним. Ужас в глазах приговоренных, счастье на лице палача, вылетевший из неистового света черный всадник, свист сабли и смерть.

Поражение... победа... Кто-то, взглянув им в лицо, остается человеком, кто-то перестает им быть. Чего стоит уже оказанная услуга? Вырванное силой отречение? Данная сгоряча клятва, верность, дружба, любовь?

Мятеж может кончиться удачей, а удача списывает все долги, победителей не судят, победители получают все, что хотят... или все, что заслужили? Трещат под ударами таранов корабельные борта, мчится сквозь роковую ночь загадочная Охота, предвещают неизбежность скрипки. В поддельных цветах и поддельных клятвах прячется смерть, она готова ужалить. Она ужалит.

Победа... Поражение... Порой они меняются местами. Кто останется человеком, кто вообще останется?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Камша В.В., текст, 2022
ISBN 978-5-04-156900-6 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Автор благодарит за оказанную помощь

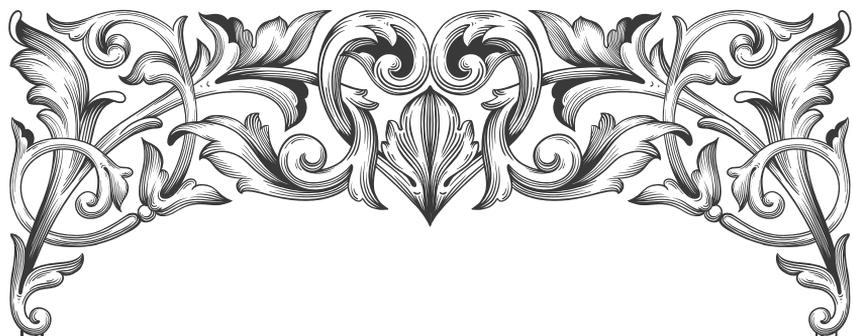
Александра Бурдакова, Георгия Виноградова, Ирину Гейнц, Марину Ивановскую, Дмитрия Касперовича, Александра Куцаева, Константина Линника, Даниила Мелинца, Юрия Нерсесова, Артема Хачатурянца, Елену Цыганову

Во время войн спартанцы носят
одежды красного цвета... Если
кто из спартанцев бывает ранен,
врагам этого незаметно, так как
сходство цветов позволяет скрыть
кровь.

ПЛУТАРХ

БЕЛАЯ ЕЛЬ

АЛАТСКАЯ ЛЕГЕНДА

ПРОЛОГ

F. Schubert. Serenade¹

«Шел 328 год Круга Молний, когда Виктор-Антониан, король агаров и алатов, усомнился в верности господаря нашего Матяша Медвежьи Плечи и решил укрепить союз с Алатом посредством брака племянницы своей Анны-Паолы-Рафаэлы и Миклоша, старшего сына и наследника господаря нашего...»

*Хроника монастыря
Святого Ласло Алатского*

1

Миклош осадил жеребца, любуясь на белый дворец у реки, такой непохожий на суровые алатские крепости. Любопытно, какова живущая там девица, которую, если все сладится, придется называть женой? Кошки б разодрали агарисских святош, выдумавших и навязавших добрым людям законный брак. В былые времена мужчине, чтоб обзавестись наследником, не требовалось привязывать себя к одной-единственной женщине. Старые боги ценили кровь, а не слова, любовь, а не браслет, что запросто может оказаться кандалным.

¹ Франц Шуберт. Серенада.

Вера Камша

— Красивые места, — Янош, побратим алатского наследника и знатный весельчак, с нескрываемым удовольствием глядел на цветущую равнину, — если б не агары, цены бы не было.

— Ты этого только при хозяевах не брякни, — хмыкнул Миклош. — Мы сюда не за яблоками приехали, а за агарийкой.

— Да помню я, — отмахнулся Янош. — Только из змеюки птичку не сделать. Мало в Алати красоток, чужачка занадобилась.

— Красоток и впрямь много, — согласился наследник, — на всех не женишься, а с чужачкой никому обидно не будет. И потом, ты же сам знаешь...

— Знаю. — Лицо побратима сразу поскучнело. В его семье агаров ненавидели даже больше, чем в доме господаря, но сила была на стороне короля и церкви, которой нравилось держать в одной запряжке кошку и собаку. Считалось, что Агария и Алат объединились добровольно. Как бы не так! Сидящий в Крионе хитрохвостый агар с двойной короной на плешивой голове спал и видел превратить алатов в баранов для стрижки. Зимой ему стрельнуло в голову привязать дом Мекчеи к Агарии еще крепче. Отцу предложили на выбор — либо отдать в Агарию дочь, либо женить сына на агарийке.

Витязи не торгуют сестрами и дочерьми, а жена — не стена, можно и подвинуть. Господарь при полном согласии семьи и васалов выбрал меньшее из зол. И теперь Миклош должен привезти это зло, которое зовут Анна-Паола-Рафаэла, в свой дом.

Алатский наследник задумчиво подкрутил темный ус и поправил шапку с журавлиным пером.

— Не робей, Янчи, вывернемся. Считай, что мы на охоте.

— Отродясь на мармалюц не охотился, — не смог не огрызнуться Янош. — А, была не была, пересолим да выхлебнем.

2

У Миклоша Мекчеи были черные глаза, дерзкие и веселые. Самые красивые в мире. Рафаэла смотрела в них и не понимала, как жила без алатского рыцаря почти восемнадцать лет. Подумать только, утром она едва не расплакалась, узнав о приезде жениха, а вечером готова идти в Алат пешком через все горы и реки.

— Прекрасная Рафаэла покажет мне сад? — поклонился Миклош, и отец довольно улыбнулся.

— О да, сударь, — пролепетала девушка и поднялась, благословляя родных, заставивших ее надеть лучшее платье — белое с изумрудной, в цвет глаз, отделкой. Миклош тоже улыбнулся

Белая ель

и подал обернутую плащом руку. Вздогнула, выронила хрустальный бокал мать, кто-то — Рафаэла не поняла кто — пробормотал «к счастью». Братья громко заговорили о соколиной охоте, Миклош тронул свободной рукой темный ус:

— Если прелестная Рафаэла боится, что роса намочит ее милые ножки, найдется рыцарь, готовый ее нести хоть до Рассветных садов.

Прелестная Рафаэла предпочла идти сама, хотя ноги держали плохо, а голова кружилась, как в детстве, когда она нечаянно хлебнула розового ликера. Миклош что-то говорил, она понимала и не понимала одновременно, потому что главное было в другом, в том, что *он* здесь, рядом. Он нашел ее, а ведь они могли никогда не встретиться. Как страшно!

— Что ответит моя звезда? — требовательный голос прорвался сквозь сияющую стену, отделившую Рафаэлу от ставшего вдруг прошлым мира. — Могу ли я надеяться?

На что? От нее что-то зависит, что-то важное для него? Да она отдаст все — сердце, жизнь, душу, только б он не исчез, не рассыпался белыми лепестками, как рыцари ее снов.

— Прелестная Рафаэла молчит, но молчание может значить так много. Оно может убить, а может дать жизнь.

— Что? — выдохнула девушка. — Что я должна сделать?

— Красота не может быть никому должна. — Голос алата стал хриплым, словно он был болен, или это она больна? — Но я воин, я должен знать правду. Если прекрасная Рафаэла велит мне уйти, я уйду. Я смогу жить, смогу сражаться, но мир для меня погаснет.

Она все еще не понимала, только сердце билось часто-часто. Миклош опустился на колено и склонил голову:

— Каков будет приговор?

— Приговор? — пролепетала племянница короля. — Какой приговор?

— Рафаэла отдаст мне свою руку, — рыцарь резко поднял голову, в темных глазах сверкнули золотые искры, — и сердце?

Девушка вздогнула, лунный свет разбился о шитую золотом перевязь любимого. Из раскрытых окон донеслись звуки лютни — пришел менестрель, тот самый, что пел о любви, победившей саму смерть.

— Одно слово, — потребовал ответа Миклош, — только одно. Да или нет?

— Не здесь, — Рафаэла, поразившись собственной смелости, схватила чужую руку, горячую и сильную, — не здесь. Идем.

Вера Камша

Они почти бежали через белую от ночных маков поляну, а вокруг плясали светлячки, а может, это были звезды? Миклош молчал, но, когда девушка споткнулась, подхватил ее на руки.

— Куда? — спросил алат, и агарийка, не в силах разлепить губы, махнула рукой. Вперед, туда, где заросли были всего гуще, но сквозь них упрямо светила вечерняя звезда.

— Голубка, — шептал Миклош, — белая голубка с зелеными глазами... Моя голубка...

Поляна кончилась, над ними сомкнулись усыпанные невидимыми в темноте колокольчиками ветки, пылающие щеки остудила роса. Сюда музыка не доносилось, но где-то рядом заливался соловей.

— Куда? — повторял Миклош, и Рафаэла, все еще не в силах говорить, показывала.

Заросли барбариса, поляна уже увядших примул, форелевый ручей, живая изгородь, старая акация... Девушка тронула гостя за плечо, не находя нужных слов.

— Это здесь? То, что ты хочешь мне показать?

Это здесь, но как рассказать о повязанной ночью ленте, засыпанном колодце, алой бабочке, предсказавшей счастье?

— Сударь...

— Да?

— Это... это очень старое место. Раньше тут было... были...

— Сюда приходили спутники Прежних? — в голосе Миклоша не было удивления, напротив... — В Алате много таких мест — Вешани, Радица, Сакаци...

— Они и сейчас здесь. — Она не будет иметь тайн, нет, не от супруга — от любимого, единственного, бесценного. — Миклош, я люблю тебя, только тебя и навсегда. Я умру за тебя, я... Ты — моя жизнь, я не верила... Не понимала...

— И я не понимал, — рыцарь сжал ее руку до боли, — не знаю, тут ли те, кто помнит, но кровью своей клянусь: ты будешь со мной счастлива! И будь я проклят во веки веков, если я тебя обману.

— Миклош... Я не предаю тебя, никогда не предаю. Только не тебя!

Это был ее первый поцелуй, и он был таким же, как в балладах. Нет, в четыре, в сорок четыре раза прекраснее. Стена из белых лепестков сомкнулась, отделяя двоих от пиров, разговоров, войн, боли, смерти, старости. Рафаэла смеялась, плакала, шептала что-то безумное и слышала в ответ самые нужные в мире слова, а рядом, захлебываясь от весны и радости, пел соловей.

ЧАСТЬ I

J. Brahms. Ungarische Tänz Nr 8¹

Был у господаря нашего Матяша друг и побратим Пал Кáрои. Небогатого он был роду и незнатного, но мужество и верность витязя вознесли его превыше первейших вельмож. Матяш не раз хотел пожаловать Карои за службу богатые владения, но тот отказывался. Так и шли кони Матяша и Пала рядом, пока в бою с беззаконными гайифскими разбойниками Карои не был тяжело ранен. Смерть пощадила витязя, но он ослеп. Матяш просил друга принять лучшие в Алате виноградники, но Пал сказал, что по воле Создателя он одинок и ему некому оставить богатства. Тогда господарь назначил Пала Карои пожизненным управителем Черной Алата и подарил ему замок Сáкаци и все окрестные земли.

*Хроника монастыря Святого
Ласло Алатского*

¹ Иоганнес Брамс. Венгерский танец № 8 ля минор.

Барболка Чёкеи любила петь, а в этот день не петь было невозможно. Особенно на лесной дороге. Близился полдень, внизу, в долине, стояла иссушающая жара, но поросшие буками склоны защищали от зноя.

Дорога была не то чтоб заброшенной, просто в будний день все при деле. Те, кто торопился на торги, проехали утром, остальные — кто в поле, кто на виноградниках, а господа по жаре не ездят, вот Барболка и пела в свое удовольствие. Слышать девушку могли разве что облака да старая собака, увязавшаяся за хозяйкой то ли со скуки, то ли в надежде перехватить в Яблонях пару косточек.

Правду сказать, отправляясь в Яблони к материнской родне, Барболка была зла на весь свет и на отца, пропившего ее монисто и оставшуюся после матери шаль, но долго злиться девушка не умела. Пьяненький родитель и лесная лачуга остались позади, светило солнце, цвела кошачья роза, синие стрекозы гонялись за мухами, и обида куда-то делась. Барболка сошла с дороги, нарвала гвоздики-травянки, соорудила себе венок и поняла, что счастлива, несмотря на папашу и жениха. Хорошего жениха — молодого, красивого, богатого. Фёруш был сыном мельника, Барболка — дочкой спившегося пасечника, за которой приданого — пара черных глаз да косища, хоть на четырех невест дели.

На свой счет девушка не обольщалась, глядеть-то на нее глядели, да женихов у бесприданницы было раз, два да и обчелся. Кто побогаче да повидней, тот или женат, или родители за хвост держат. Когда в Золотую Ночку¹ Фёруш напоил голо drankу молодым вином, мельничиха чуть собственным языком не подавилась, но сын уперся. Или Барболка, или никто. Мельник принял сторону Фёруша, и Барболка надела браслет. Серебряный, с сердоликами, любая обзавидуется. Жаль, папаша его не пропил. Тогда бы от нее все отстали.

Барболка упрямо мотнула головой и запела о веселой малиновке.

¹ В Черной Алати лето начинается в **Соловьиную ночь** (ночь Летнего Излома), осень — в **Золотую ночь** (Осенний Излом), зима — в **Темную/Седую ночь** (Зимний Излом), весна — в **Серебряную ночь** (Весенний Излом).

Белая ель

— *Птичка моя птиченька,*

— выпевала пасечница, шагая между серебристыми расписными стволами, —

*где летала,
Птичка моя птиченька, что видала?
Над горами черными я летала,
Молодых охотников я видала,
Платье в золоте у них, кони быстрые,
И летят из-под копыт звезды искрами.
Кони быстрые у них, стрелы острые
И летят из-под копыт искры звездами...*

Это не горе, что она встала на рассвете и выскочила из дома натошак. Это не горе, что ноги начинают уставать, а до Яблонь еще далеко. Это не горе, что ей не в чем идти в церковь, а Феруш носит синюю жилетку и нос у него утиный...

*В синем небе радуга, радуга,
Кони пляшут, радуйся, радуйся!
В синем небе ласточка, ласточка,
Ты целуй меня, целуй ласково...*

Жужа остановилась и тявкнула. Чего это она? Стук копыт за спиной. Всадники, и много, ну да чего ей бояться среди бела дня? Барболка отступила к обочине и обернулась. Так, из любопытства.

Человек двадцать на сытых конях, в ярких доломанах. Не иначе, в замок сакацкий гостевать едут. Рука Барболки метнулась вверх, поправляя венки. Зачем? Они сейчас мимо проскачут, только пыль и останется, а она пойдет дальше. К троюродной тетке и суженому.

Витязи уже совсем близко. Впереди, конь о конь, молоденький парнишка и седой темноусый воин. Наверное, главный. На всякий случай Барболка поклонилась. Конечно, ее не заметят, но мало ли.

Старший придержал коня и что-то велел молодому. Серый жеребец свернул с дороги. Какая богатая сбруя! Галуны на седле лучше, чем у Феруша на праздничной куртке. А уздечка золоченая, не иначе.

— Это ты сейчас пела на дороге? — голос у парня ломался, как у молодого петушка, а глаза были карими, телячьими.

Вера Камша

— Я, гици¹, — призналась Барболка, проклиная босые ноги и путающуюся в ногах облезлую Жужу.

— Господарь хочет с тобой говорить.

Господарь? С ней? Девушка вскинула подбородок и пошла вперед. Жужа твякнула и потрусилась за хозяйкой. Ну и пусть! Она не гица, а дочка пасечника, вот и ходит босиком.

— Звал, гици? — выпалила Барболка, и в эти два слова ушла вся ее смелость.

— Звал, — подтвердил проезжий, — хорошо поешь. Охотнички б вечные тебе то же сказали, хорошо поешь.

— Благодарствую, — девушка поклонилась и подняла глаза. Господарь был в годах, но хорош собой. Таких в песнях называют горными кедрями и седыми волками. Только вот смотрел как-то странно, вроде на Барболку, а вроде и мимо. А вот спутники его, те не терялись, знай себе подмигивали да подкручивали усы. Настоящие витязи, сразу видать, только куда ястребам до орла.

— Куда идешь, красавица? — Старший по-прежнему смотрел куда-то вдаль.

— До Яблонь, если гици дозволит, — выдохнула Барболка, чувствуя: сейчас что-то случится. — Тетка у меня там. Троюродная.

— Тетка? — Статный злой жеребец дернулся и всхрапнул, показывая белки глаз, но всадник с легкостью его удержал, только камни на цепи сверкнули. Дорогие камни, может, даже рубины... — А живешь-то ты с кем?

— С отцом, — нехотя признала девушка, так как питейные подвиги Гайшпара Чекеи прославили его на всю округу, — здесь, недалече.

— Недалече? — все еще черная бровь дернулась кверху. — Тут же лес кругом.

— А мы и живем в лесу, чай, не гици, — опять вздернула подбородок Барболка, чувствуя, как румянец заливает щеки. Что на нее все мужики плятятся, будь хоть седые деды, хоть сопливые мальчишки, красотка-пасечница привыкла, но отрешенный взгляд завораживал и бесил.

— Что ж, диво лесное, — красивые губы раздвинула улыбка, по всему видать, нечастая, — давай сговариваться. Мы тебя до Яблонь подвезем, а ты нам споешь.

Барболка как стояла, так и обмерла. Въехать в Яблони на одном коне с проезжим господарем было ну никак нельзя.

¹ Гици (гица) (*алат.*) — господин, госпожа.

Белая ель

— Так что скажешь, красавица? — Золотистые да гнедые жеребцы нетерпеливо переступали с ноги на ногу, звякали удила, на щеке гици был шрам, а глаза у него были черными и глубокими, как ночной омут. — Не бойся, не обидим.

— А я и не боюсь, — соврала Барболка, пытаясь поймать ускользающий взгляд, — я ж дома.

Феруш был статным и сильным, у него были кожаные башмаки и шапка с пером. И еще он был ревнивым, а мать его, как и положено мельничихе, с нечистью зналась. Она «приблуду» и так на чем свет костерит, да и тетка озлится. Гици приехал и уехал, а ей здесь жить.

Барболка тряхнула головой и выпалила:

— А и везите, что-то устала я. С вас — кони, с меня — песня.

2

Лес сменился виноградниками, виноградники — садами и показались Яблони. Как быстро! Барболка и заметить не успела, как они доехали. Нужно было прощаться, пока ее не заметили, хотя шила в мешке не утаишь. Кто-то их наверняка видел, а вот девушка не видела никого. Только настороженные конские уши да бегущую впереди дорогу.

На господаря Барболка решила не смотреть, зачем смотреть, если ей до смерти любоваться на Феруша? И потом, она и так все запомнила — шапку с орлиным пером, шрам на щеке, густые усы, глаза-звезды под сведенными темными бровями. Кто он? Куда едет? Неужто это сам Матяш Медвежьи Плечи? Только какие ж они медвежьи? Молчаливый господарь больше на волка смахивает. Или, того вернее, на горного барса.

Впереди, в зелени садов, замаячила церковь. Теперь точно приехали.

— Где тебя ссадить, красавица?

Где? Не все ли равно, жизнь ее так и так пропащая.

— Да здесь и станьте, я сойду.

Сойти ей не дали. Витязь в синем доломане соскочил с коня и бережно снял Барболку с седла. Дай ему волю, еще б и поцеловал, но пасечница умела так глянуть, что руки опускались у самых нахальных ухажеров. До сельчан девушке дела не было, все равно болтать станут и мельничихе донесут, но как бы господарь не решил, что с ней всякий закрутить может.

Вера Камша

— Спасибо, красавица. — Улыбается? Наверное, но смотреть она не будет. — Вот, возьми на сережки.

Кошель был большим, шитым золотом и тяжелым. Страшно подумать, сколько в него влезло серебра! Только бросил его не господарь, а тот юнец, что с ней заговорил у обочины. Барболка мотнула головой:

— Вы меня везли, я вам пела. В расчете мы.

Кошелек снова взмыл в воздух. Вместе с ним взмыли новая шаль, монисто, красная юбка, шитый шелками полушубок. Парень растерялся, но тяжелый мешочек все же ухватил, а господарь даже не пошевелился в своем седле. И смотрел он не на нее, а на церковь. Зачем ему смотреть на пасечниц? У него небось по красоте в каждом замке и все в замшевых сапожках.

— Прощайте, господа хорошие, — голос Барболки зазвенел, — доброй дороги вам.

— Постой, — лицо со шрамом оставалось все таким же каменным, — скажи, как тебя зовут и который год тебе?

— Отец с теткой Барболкой кличут, — буркнула девушка, — а лет после Золотой Ночки семнадцать будет.

— Ну, а я Пал Карои, — витязь зачем-то тронул саблю, — новый господарь Сакацкий. Денег тебе не надо, так возьми мое слово. Если что, приходи. Помогу, чем смогу.

— Благодарствую, — сердце девушки подскочило к самому горлу, а на щеках расцвели маки, — только не надо мне ничего.

— Не загадывай, красавица, — Пал Карои улыбнулся, но как-то невесело, — жизнь, она сегодня добра, а завтра — хуже зверя. Счастья тебе всем сердцем желаю, а в Сакаци тебя всегда примут. Хоть с отцом, хоть с мужем, хоть одну.

3

Последний витязь исчез за церковкой, и тут Барболка поняла, что стоит посреди улицы, а на нее все смотрят. Ну и кошки с ними! Девушка поправила венки и пошла вперед, прямо на двух судачащих кумушек. Прячется глупо, чем больше прячешься, тем больше болтают.

— Барболка, — запела толстая Ката, — и где ж ты господаря подцепила?

— На дороге, — Барболка то ли улыбнулась, то ли оскалилась, — подвез он меня от Лисьего ручья.

Белая ель

— И то сказать, — встряла тетушка Мэргит, — чего ножки-то бить. Ну и как он?

— Что — как? — Барболка постаралась пошире раскрыть глаза. — Господарь и господарь. В Сакаци ехал.

— И чего хотел? — Ноздри Каты раздувались, словно принимаясь к жареной колбасе.

— Песен хотел, — девушке вдруг стало смешно, — ну я ему и пела всю дорогу.

— Оно так, — глаза Мэргит стали сладкими и тухлыми, как сливовая падалица, — певунья ты знатная. Только что на мельнице скажут?

— А то их дело, — пожала плечиками Барболка, — уж и спеть добрым людям нельзя?

— А кто говорит, что нельзя? — Откуда взялась мельничиха, Барболка не поняла. — Ты, дочка, пой, пока поется. Добрым людям на радость.

Скупердяйка Магна назвала ее дочкой? Девушка, не веря собственным ушам, уставилась на будущую свекровь, а та разублалась не хуже Мэргит.

— Пойдем, дочка. Дела у нас. А вам тут счастливо оставаться.

Барболка пошла, чувствуя, что увязает в гнилых сливах все глубже и глубже. Ее не ругали, наоборот, но от этого было еще хуже. Мельничиха затащила ее в лавку к кривому Петё и принялась выбирать сукно. Девушка стояла, не зная, что сказать. Больше всего хотелось выскочить на улицу и припустить бегом из ставших вдруг склизкими Яблонь, но куда ей бежать? К отцу на пасеку?

— Тебе нужно красное, — пыхла Магна, выговаривавшая сыну за алую ленту в косе невесты, — красная юбка, шитая золотом. И сапожки тоже красные. И монисто. И эту синюю, с ягодами, тоже возьмем...

— Матушка, — выдавила из себя Барболка, — не надо... Меда в этом году неизвестно сколько будет.

— Забудь, — бросила мельничиха, роясь в коробке с гребнями, — ты — невеста Феруша. Нельзя тебе в обносках ходить!

— Благодарствую. — Барболка поймала на себе взгляд Петё и чуть не запустила в лавочника его же горшком. — Не надо... Дорого ж.

— Не дороже денег, — проворковала знаменитая своей скупостью Магна, расплачиваясь со сладкомордым лавочником и подхватывая будущую невестку под локоток. — До Соловьиной Ноч-

Вера Камша

ки всего ничего, нужно успеть тебя обрядить. А то перед господарем стыдно будет.

Перед господарем? Барболка не поняла, произнесла она эти слова вслух или нет, но перед глазами встало худое строгое лицо, и девушке захотелось взвыть в голос. Матери Феруша было не до сыновней невесты, она следила за руками Петё — упаси Создатель отмерит на палец меньше. Барболка с тоской глянула в распахнутое оконце. На дворе Жужа обнюхивалась со злоющим цепным кобелем, в пыли копошились куры, на заборе, наблюдая за суетливыми женами, расправлял крылья петух. Мимо распахнутых ворот проехал возчик с бочками, прошли два винодела и кузнец.

— Помогай, дочка, — пропела мельничиха, примериваясь к узлам. Барболка послушно подхватила свалившееся на нее богатство. На невзятые деньги она бы купила в десять раз больше. Петё суетился, открывал двери, цыкал на пса. Петух на заборе прикрыл один глаз и издевательски заорал.

— А я... — Барболка поудобней перехватила узел, — я думала, вы с Ферушем ругаться станете.

— Вот овца дурная, — хмыкнула мельничиха, — что я, сыну своему враг? Пока у тебя всего добра было пьянычка да сучка, не хотела я тебя в дом пускать. А ты господаря нового прихватила! Слышала я, как он тебя в Сакаци зазывал, да не просто, а с мужем. Старая кровь за молодую дорогого дает.

— Матушка, — у Барболки который раз за день заплыла щеки, — не взяла я его денег. И не возьму.

— А и правильно, — кивнула мельничиха. — За песни он тебе серебро давал, за рубашку Ферушу золото выложит, а чтоб не понесла ты, когда не надо, я тебе травку дам. Хорошая травка, на себе пробовала.

— Матушка! — Ну за что ей такое? — А что... что Феруш скажет?

— А что ему говорить-то? — удивилась Магна. — Не нами заведено, не нами и кончится. Гици любую невесту взять может, только чтоб рубашку выкупил.

Они шли мимо харчевни, их все видели — люди, лошади, пегий мул, кот на крыше. Мать Феруша считала господарское золото, а Барболка тащила за ней, волоча узлы со своим приданым. Из-за угла выполз лысый Винци, надо думать, из кабака. Отец наверняка тоже успел напиться, один рой он вчера уже проворонил. Проворонит и второй, а в Сакаци денег и впрямь куры не клюют. Она больше не бесприданница, все довольны, даже

Белая ель

Жужа. Барболка остановилась и положила проклятые тряпки прямо в сухую, горячую пыль.

— Устала? — пропела мельничиха. — Сейчас помогу.

— Не устала, — выдохнула Барболка, понимая, что назад ходу не будет, — забирайте ваши узлы. Совсем забирайте! Не нужны они мне. И браслет ваш не нужен. И Феруш. Другую покупайте и продавайте, а я вам не кобыла и не коза.

— Барболка! — завопила оторопевшая мельничиха. — Куда? Сдурела?! А ну стой, кошка скаженная!

Но девушка уже мчалась по заросшей красавками и еще не жгучей крапивой улице. Все кончено, она не станет оглядываться, возвращаться, просить прощения. И упырей этих с мельницы тоже не простит. Никогда и ни за что!

Глава 2

1

Отец валялся на траве у забора, доползти до дома он не смог, ну и пусть его! Барболка была сильной, зимой она бы затащила пьянчугу в дом, как это делала не раз, но стояла почти летняя жара. Девушка с отвращением отвернулась от храпящего родителя и оглядела убогое хозяйство. Подумать только, еще четыре года назад они жили не хуже других, потом умерла мать, и отец запил пуще прежнего. Не с горя, от лени...

Подошла Жужа, заскулила. Хочет есть. Барболка размочила хлеб в остатках похлебки, вынесла собаке и села за дощатый, вкопанный в землю стол, подперев щеки руками. Она давно подумывала уйти, но кому нужна пасечница? Податься в город в служанки? С ее косами ни одна хозяйка в дом не пустит. Остаются харчевни, а там пьяные гости, да и трактирщики с работниками не лучше. Попробуй уйми, да так, чтоб тебя в первый же вечер не выставили.

Жужа оторвалась от вылизанной до блеска миски и завалила хвостом. Хорошо ей! Девушка вернулась в дом, отыскала желтую праздничную юбку, посмотрела на свет. Пятна и прожженные отлетевшими угольками дырки никуда не делись. На праздник такую не наденешь, а новую взять негде. Барболка немного подумала и отправилась за материнским платком, таким дряхлым, что даже отец не сумел его пропить. В юности мать была краса-

Вера Камша

вицей, жизнь превратила ее в сухонький стручок, и с ней будет то же, если не хуже. Молодость и красота — они уходят, но пока еще весна!

Барболка потрепала по голове твякнувшую Жужу и принялась кромсать старенький атлас, вырезая то ли звезды, то ли гвоздики. Приложила к пятнам, получилось даже лучше, чем думалось. Никогда не скажешь, что под черными лепестками прячется что-то непотребное. Девушка бросилась вдевать нитку в иголку — через минуту она вдохновенно шила, напевая о черноглазом витязе:

*Темной ночью встречу я его,
Никому о встрече не скажу.
На дороге слышен стук копыт,
Это скачет милый мой ко мне...*

Отец спал, Жужа тоже, гудели предоставленные самим себе пчелы, неистово цвела калина, ветер играл белыми лепестками. Она не пойдет в Сакаци, нечего ей там делать! Пасечница подарю неровня. И не возьмет она ничего, пусть не думает, что Барболка Чекеи побежит за любым, кто мощной тряханет. Эх, был бы Пал Карои простым витязем или хотя бы удальцом-разбойником, что агарийских кровопийц по лесам караулят...

*На рассвете милый мой уйдет,
Я его до леса провожу.
Никому о встрече не скажу.
Буду снова темной ночи ждать...*

— Барболка!

— Феруш? — девушка с нескрываемым удивлением уставилась на бывшего жениха.

— Ты браслетами-то не кидайся, — молодой мельник протянул Барболке знакомую вещичку. — Мать, она того... Зря она.

Девушка отложила шитье и встала. Феруш улыбался, Жужа остервенело крутила хвостом, надеялась на подачку. Выходит, все как шло, так и идет? Ничего не было — ни седого господаря на дороге, ни песен, ни ссоры с Магной. Она снова невеста Феруша, ей не нужно идти в наймы. Надо только вильнуть хвостом и получить косточку и муженька.

Барболка осторожно взяла браслет; он был теплый, как молоко из-под коровы... Как же она ненавидит парное молоко!

Белая ель

— А что мать говорит?

— Злится, — признался Феруш, — ну да у отца с ней свой разговор. Он-то ее с довеском взял. С того и мельница у нас.

— Вот оно как... — протянула Барболка, не зная, что говорить.

— А с тобой мы так и так окрутимся, — заверил Феруш, — я, чай, не голодранец. Кого хочу, того и беру.

Он-то хочет, а вот она? Барболка смотрела на статного крепкого парня. Молодой, богатый. Нарядная безрукавка, дорогие сапоги, круглое лицо, русые кудри... Красавец не красавец, а лучше найти трудно.

— Я мамаше сразу сказал, — отрезал Феруш, — так, мол, и так, хоть лопайтесь, а Барболкину рубашку¹ на заборе к Соловьиной Ночке повешу.

— Повесишь, значит? — расхохоталась Барболка. Она сама не поняла, как это случилось, просто запершило в горле, и смех рванулся наружу. Девушка зажимала ладонью рот, кусала пальцы, но остановиться не могла.

Феруш замолк на полуслове, вытаращив глаза, отчего стало еще смешнее.

— Ты что?

— Ни... ничего, — выдавила из себя Барболка, пытаюсь совладать с охватившим ее смехом, — ой... повесишь... ха-ха-ха!..

Лицо Феруша стало медленно белеть, это смешным уже не было. Совсем.

— Ты уже? — выдохнул Феруш, сжимая и разжимая кулаки. — Уже?!

— Ты чего? — пробормотала Барболка прерывающимся голосом.

— Ты ему дала? — Феруш сделал шаг вперед, лицо его было белым, а шея красной, как у рака ошпаренного. — Господарю тому подлому?

— Сдурел? — не очень уверенно произнесла девушка. — Белены объелся?

— Я тебе покажу «сдурел»!

Парень ухватил Барболку за талию и рывком притянул к себе. Больно, неумело, грубо. В нос ударил запах пота, лука и чего-то

¹ Алатский обычай. Если невеста — девственница, ее окровавленная рубашка вывешивается на заборе, чтоб об этом знали все. Если девушка потеряла девственность по вине местного господаря, тот платит мужу за рубашку выкуп, после чего никто не имеет права попрекать молодую женщину, что она «себя не соблюла».

еще, сразу сладкого и кислого. Барболка дернулась, но горячие руки вцепились в нее еще крепче. Ноздри Феруша раздувались, ставшее вдруг незнакомым лицо пошло красными пятнами, мокрый, пакостно пахнущий рот впился в Барболкины губы, девушка всхлипнула, пытаясь оттолкнуть набросившегося на нее зверя, но тот лишь урчал, наваливаясь все сильнее. Затрещало, разрываясь, сукно, запах стал нестерпимым. Барболка сама не поняла, как ее зубы сжались на чем-то склизком и мягком, раздался вой, хватка ослабла, девушка рванулась и оказалась на свободе.

Феруш тряс головой, изо рта вытекала алая струйка. На чело-века он не походил. Барболка прикрыла руками вырывавшуюся из разодранной сорочки грудь и отступила к сараю. Ее трясло, ноги не слушались, рядом оказалась колода для колки дров, а в ней — топор. Барболка не подняла его, нет, только глянула. Она не понимала, что у нее перед глазами. Она вообще ничего не понимала!

— Вот так, да?! — орал Феруш. — Убить хочешь? Сучка! Ты ему уже дала, уже! И выжлятникам¹ евойным, а мне не хочешь?!

Девушка молчала, тиская фартук. Зверь в сапогах и синей безрукавке сжимал кулаки и тяжело, хрипло дышал. Лицо исчезло, осталось какое-то рыло. Отвратное, пористое, блестящее от пота.

Барболка ухватила топор:

— Только сунься!.. Бык скаженный!

Бык сунулся. С каким-то то ли ревом, то ли всхлипом он бросился вперед, споткнулся на случайном полене, упал, с руганью вскочил, растирая ушибленную ногу. Барболка глянула на дверь хибары. Запереться? Еще подпалит! Лучше в лес, там ее не поймать.

Не выпуская топора, девушка метнулась вдоль забора к лопухам, за которыми была дыра. Как хорошо, что ее не заделали!

— Сучка господарева, — проорал Феруш, — все равно раскатаю!

— Уходи! — Барболка махнула тяжеленным топором, словно платочком, лихо свистнул рассеченный воздух. Охотнички вечные, как же это она?

— Ну... тебя... сейчас...

Если он догонит, она ударит... как есть ударит.

— Не подходи!

— Подстилка господарская!

— Ты чего творишь, хряк недоделанный?!

¹ Выжлятник — псать, приставленный к гончим.

Белая ель

Отец! Проспался! Этого еще не хватало. Гашпар Чекеи был силен, как медведь, а спяну сила эта дополнялась звериной злобой. Феруш был не из слабых, но пасечник отшвырнул его, как шелудивого щенка. Парень шлепнулся на землю у покосившегося — никак не доходили руки починить — сарая и сел, смешно разинув рот. Громко и визгливо залаяла Жужа. Папаша выхватил из кучи дров полено поухватистой и с ревом пошел на незваного гостя.

— Сопляк шляпчатый, — здоровенный обрубок порхал в отцовских ручищах, как птичка, — да чтоб тебя... и через нос, и через ухо. А Магну твою я в ... и к... Задница крысиная, да...

— А твоя Барболка... — взвизгнул Феруш, выхватывая нож, — да ноги ее в Яблонях не будет... Сучка порченная, я...

— Ах ты, выкормыш свинячий! — Полено взмыло вверх и обрушилось на голову жениха, из носа брызнула кровь, но Феруш не растерялся и наудачу махнул ножом. Пасечник отбросил дубинку, ухватил парня за плечо и добротный воловий пояс. Феруш взлетел не хуже давешнего полена. На сей раз ему было суждено отправиться в крапивную чащу, окружавшую заброшенный мужник. Нож Феруш выронил в полете, но сдаваться не собирался. Дурень с бранью вскочил и бросился к подпиравшему дверь лому. Гашпар расхохотался и ухватил подвернувшийся дрын. Отчаянно взвыла Жужа. Барболка выронила топор, зажала руками рот и бросилась к заветному лазу.

2

За спиной рычали озверевшие мужчины, но девушка мчалась куда глаза глядят отнюдь не от страха. Это была не первая драка, которую она видела, случалось ей и бросаться между пьяным отцом и матерью, и выуживать расходившегося родителя из кабацких свар, но то было другое. Теперь Барболка чувствовала себя вымазанной в самой вонючей и липкой грязи, какая только может быть. Да неужто она собиралась прожить с Ферушем всю жизнь?! С Ферушем, его матерью, его отцом на мельнице, которой вештский гици расплатился за свои забавы? И Магна еще глядит на нее свысока?! Да пошли они все...

Лес, как всегда, гасил и ярость, и страх. Убаюкивал, окутывал зеленым покоем. Вот так бы идти и идти и никогда не возвращаться. Барболка остановилась на любимой ландышевой поляне, посреди которой росла огромная шатровая ель — переси-

Вера Камша

дишь ливень и не заметишь. Недалеко от ели лежало несколько валунов, меж которых пробирался ручей, и девушка старательно смыла с себя поцелуи Феруша, переплела волосы и в который раз за последние дни задумалась о своей доле.

— Ты не поешь? Почему? — голосок был детским и капризным. — Спой, мне нравится.

Барболка подняла голову и на соседнем валуне обнаружила растрепанную девчонку лет десяти, совсем голую, если не считать длиннющих черных волос, на которых топорщился веночек из ландышей, да на шейке блестела серебряная звезда-эспера. Откуда она у нее?

— Спой, — повторила девочка, надув губы, — а то ску-учно.

— Не поется, — вздохнула Барболка, с удивлением разглядывая странное создание. Солнце стояло высоко, Барболка видела собственную тень и рядом вторую — маленькую, кудлатую. Закатные твари средь бела дня не разгуливают, выходцы тем более.

— На! — Лохматое чудо сдернуло свой веночек и протянуло Барболке, которой ничего не оставалось, как надеть его на голову. — Ты красивая, ты мне нравишься.

— Ты тоже красивая, — засмеялась пасечница, ничуть не погрешив против истины. Личико девочки было точеным, в голубых, как небо, глазах плясали ясные искры.

— Ты кто?

— Я.. — Барболка замялась, голышка не казалась опасной, но имя кому попало не называют, особенно в лесу, — я с пасеки, а вот ты кто?

— Я здесь танцую. — Тоненькая ручка ухватила Барболку за запястье. — Хочешь потанцевать?

Девушка покачала головой, однако незваная собеседница в ответ лишь рассмеялась и, не выпуская Барболкиной ладошки, вскочила в полный рост на камень. Барболка, сама не зная как, тоже оказалась на ногах. Они стояли на скользких валунах, держась за руки, а между ними бежал ручей.

— Видишь, как весело? — Девчонка тряхнула волосами, и Барболка услышала дальний звон колокольчиков, наверное, его донес ветер. — Почему ты не танцуешь?

Танцевать на камне среди ручья, да еще когда тебя держат за руки?!

— Кто тебя держит? — В волосах девчонки вновь белели ландыши. — И кого держишь ты?

Белая ель

— Никого! — огрызнулась Барболка и вдруг увидела Феруша с искаженным от ярости лицом. Парень показался из-за ели, в руке его был нож. Барболка не выдержала и закричала.

— Фу, — девочка свела бровки, — он плохой. Иди вон! Вон!

Феруш остановился, словно налетел на невидимую веревку, покачнулся и исчез.

— А теперь? Теперь тебе весело? Теперь ты будешь танцевать?

Весело? Феруш исчез, но все равно было плохо... Все равно! Потому что седой витязь — господарь сакацкий, а она — пасечница!

— Идем танцевать, — маленькая проказница вновь вцепилась в руку, — ну идем же!

Девушка сделала шаг, еще один, еще... Ландыши пахли все сильнее, тени были черными и четкими, словно в лунную ночь.

— Спой, — потребовала лохматая непоседа, — только веселое!

А почему бы и не спеть?

*В синем небе радуга, радуга,
Кони пляшут, радуйся, радуйся.
В синем небе ласточка, ласточка,
Ты целуй меня, целуй ласково.*

А радуга в самом деле зажглась, дождя не было, а радуга горит, первая радуга в этом году.

— Танцуй! — кричала девчонка, и они кружились, взявшись за руки, и вместе с ними кружилось небо с облаками-птицами.

— Танцуй! — Радуга раздвоилась, сквозь нее пролетела птичья стая!

— Танцуй! — В разноцветном вихре мелькнуло худое орлиное лицо со шрамом на щеке.

— Танцуй! — Это не птицы, птицы не смеются, у них нет рук, только крылья.

Танцуй, танцуй, танцуй!..

3

— Барболка! — кто-то ее тряс, потом девушка почувствовала у своих губ горлышко фляги и отпила жидкого сладкого огня.

— Жива! — голос, такой знакомый, и как же нежно он звучит. — А я уж невесть что подумал.

Вера Камша

«Я»? Кто «я»? Девушка приоткрыла глаза и увидела Пала Карои! На этот раз седой господарь смотрел Барболке прямо в глаза и лукаво улыбался. Светила луна, одуряюще пахли ландыши, так они еще никогда не пахли. Уже ночь? Какой странный сон ей снился.

— Что ты тут делаешь? — Сакацкий господарь отбросил фляжку и уселся на камень, подогнув под себя одну ногу. — Что-то случилось?

— Ничего, — заверила Барболка и тут же вспомнила про разорванную блузку. Девушка торопливо вскочила, прикрывая руками грудь.

— Тебя что, кошки рвали? — покачал головой Карои, его глаза больше не смеялись. — Или хуже?

— Феруш, — призналась Барболка, — только я сбежала от него. Укусила и сбежала!

— Укусила, — господарь поднял темную бровь, — кошечка закатная. И как же ты его укусила?

— За язык. — Что за чушь она несет, что гици о ней подумает?!

— Что же он делал, — удивился господарь, — что ты его за языкхватила?

Ответить Барболка бы не смогла, даже если б захотела, потому что ее руки каким-то образом оказались на плечах Пала Карои, а губы гици приникли к ее губам, и как же это было дивно, только слишком быстро кончилось. Господарь отстранился и, склонив голову к плечу, разглядывал задыхающуюся Барболку, словно диковину.

— Так было дело?

Так?! Сравнил жабу с ласточкой! Девушка замотала головой, не находя слов.

— Что же ты не кусаешься?

Он был рядом, он был совсем другим, не таким, как на дороге. И она тоже была другой. Тогда он давал деньги, она не брала. Тогда рядом было два десятка витязей, и все глазели на нее. Все, кроме господаря.

— Так что же ты не кусаешься? — повторил Карои, стягивая с плеча девушки злополучную кофтенку и осторожно касаясь губами кожи. — Не хочешь?

— Нет. — Было непонятно, чудесно и страшно, и Барболка не знала, что хуже — если он уйдет или если останется.

— Нет? — бровь снова взмыла вверх. — Но почему? Потому что тебе хорошо или потому что плохо?

Белая ель

— Когда хорошо, даже кошки не царапаются! — выпалила Барболка, обомлев от собственной смелости.

— Царапаются, — расхохотался господарь, сильные руки толкнули девушку, она не удержалась и упала в ландыши. — Еще как царапаются. И кусаются. А еще они мячуют. Ты будешь мяукать?

Как хорошо, что она сбежала от Феруша. Как хорошо, что уснула на этой поляне. Как хорошо, что Пал Карои ходит теми же тропами!

— Я все сделаю, как гици хочет, — прошептала девушка, — все...

— Ты сказала, — он посмотрел ей в глаза, — а я слышал. Сними все, что на тебе, и отпусти волосы, пусть летают.

Барболка кивнула. Вот так и бывает: знаешь же, что нельзя, а не можешь остановиться. И не хочешь.

Юбка упала к ногам темной лужицей, рядом легла многострадальная кофта. Как же она все это завтра наденет?

— Расплети косу. — В лунном свете он был совсем молодым и невероятно, невозможно красивым.

Барболка лихорадочно вырвала и отбросила ленту, которой так гордилась, налетевший ветер подхватил освобожденные пряди.

— Волосы — это твои крылья, — засмеялся Пал Карои, — их нельзя связывать, их нельзя резать.

Крылья? А разве она сейчас не полетит к огромным пляшущим звездам? Полетит!

— Ты рада? — Почему ей казалось, что у него черные глаза. Они светлые, как лунные озера. — Тогда зачем плачешь?

Разве она плачет? Не может быть, это роса!

— Весной не плачут. Весной поют. Всему свое время, пойми это и будешь счастлива.

Она и так счастлива, безумно, невозможно, неповторимо.

— Любишь?

— Гици... Мой гици...

И неважно, что про нее скажут... Пусть... Сейчас весна, какое ей дело до осени?! Сейчас он с ней, сейчас он здесь...

— То, что мне назначено, я взял, — губы господаря коснулись сначала одного соска, затем другого, — а остальное — мужу. Или мне, если придешь.

— Приду, — выдохнула Барболка, цепляясь за горячие плечи, — куда скажешь, когда скажешь...

— Смотри же, — господарь шутливо коснулся пальцем губ девушки, — я долгов не прощаю.

Ручеек звенел совсем близко. Барболка подняла разламывающуюся голову. Все осталось на месте — шатровая ель, ландыши, камни, родник, не было только господаря Карои. И не могло быть. Седой витязь ей приснился, отчего же так худо? Неужели от того, что она уснула среди ландышей?

Цветы вчера так сильно пахли, а она позабыла, что эти нежные белые колокольчики ядовиты. Девушка кое-как доковыляла до родника и поняла, что тень от ели смотрит совсем в другую сторону. Выходит, она проспала чуть ли не сутки, хорошо, что вообще проснулась. Нужно бежать домой, объясняться с папашей, идти за хлебом и молоком. В Яблони им теперь ходу нет, остаются Колодцы, потому как в Сакаци ноги ее не будет, хоть он и ближе.

Девушка еще раз хлебнула воды и встала. Елка с длинной острой тенью, белые цветы и кусты кошачьей розы немедленно начали кружиться. Больше она никогда не уснет на поляне с ландышами. А это что такое? Барболка с ужасом оглядела свои пожитки, на которых лежал белый венок, и только сейчас поняла, что стоит в чем мать родила.

Как же так?! Она не плела венки и не раздевалась, все было сном, сном о том, чего никогда не будет. Случись все на самом деле, осталась бы кровь. Нет, она просто сорвала одежду, когда смывала в ручье запах Феруша, а потом уснула, и ландыши выпили память. Недаром их запрещают приносить в церковь!

Барболка окончательно изувечила и без того разодранную кофту, намочила отодранный лоскут, обвязала раскальвающуюся голову и принялась натягивать влажную от росы одежду. Охотнички вечные, на кого она похожа, хотя кому какое дело! Отец не заметит, даже если она голой будет, а Феруш давным-давно на мельнице, и хорошо! Она этого скота видеть не желает и через порог! Барболка нагнулась, подняла венок и решительно нахлобучила на голову. Пусть все было сном, она Леворукому поклонится, лишь бы увидеть седого гици еще раз.

Глава 3

1

Чего-чего, а того, что мельничиха заявится на пасеку, да еще и не одна, Барболка не ждала. Принесли закатные твари! Девушка хмуро цыкнула на путавшуюся в ногах Жужу, обтерла руки перед-

Белая ель

ником и вышла встречать незваных гостей. Голова так и не прошла, в горле першило, знакомые лица казались жуткими харями, да еще в доме шаром кати. Ни закуски путной, ни выпивки!

— День добрый, Барболка, — яблонский староста Ласло поднял шляпу, — и что ты такая бледная?

— Побледнеешь тут, — огрызнулась Барболка и опомнилась: — День добрый, дядька Лаци. Проходите, только не ждали мы гостей.

— Оно и видать, — влезла вездесущая Ката, — небогато живете, хоть порядок бы навела.

— Помолчи! — цыкнул на толстуху староста. — Тут дело такое, Барболка. Феруш пропал, говорят, к тебе он собирался.

— Был он здесь, — чего запирается, папаша выползет, все одно разболтает, — да больше нету.

— Нет, говоришь? — осклабилась Ката. — А не врешь? Парень он видный, мог и задержаться.

— Мог, да я ушла, — отрезала Барболка. — В лес. Уж лучше кабан, чем ваш Феруш.

— Зенки твои бесстыжие, — завопила молчавшая до этого Магна, — подстилка господарская...

— От подстилки слышу! — К глазам подступили слезы, но Барболка не дала им ходу и даже уперла руки в боки не хуже мельничихи. — Свою рубашку продала, за мою взялась, да не вышло! Я — девушка честная, любовь на серебро не сменяю!

— Да вы послушайте! — Магна подняла толстые руки вверх, блеснул дутый золотой браслет. — Вы только послушайте, люди добрые, что эта стервь несет?! Совсем совесть потеряла. На чужом коне в Яблони въехала, все видели!

— Уж лучше на чужом коне днем, чем на вештской мельнице ночью! — хохотнула Барболка. — А задаром ты мужу своему и через порог не нужна была!

— Что ты сказала?! — мельничиха поперла грудью вперед. — Змеюка лупоглазая!

— Я-то лупоглазая, а твои зенки днем с огнем не разглядишь!

— Та замолчите! — рявкнул староста и тут же убоялся собственного рыка. — Тут дело такое... Барболка, ну ее, мельницу, Феруш-то пропал. Куда?

— Нанялась я козлов пасти. — Девушка перевела дух и утерла рукавом пылающее лицо, только что было холодно, теперь стало жарко. — Я побежала, а он с папашей остался.

— Ой, а Гашпар-то где? — пропела Ката. Так вот с чего ее принесло! Отец пьяница-то пьяница, да вдовец, а Кате мужик до за-

Вера Камша

резу нужен. Вот бы и впрямь спелись, а их бы с Жужикой в покое оставили!

— Спит он. — Барболка медово улыбнулась: — Сейчас разбуду. Да вы на двор заходите. Под вишню, лавка там. Что в воротах торчать?

Дядька Лаци важно вступил в скрипнувшую — с осени не мазили — калитку, Ката сунулась следом, мельничиха трошки промедлила, но вошла, брезгливо закусив толстую губу и подобрав цветастые юбки. Дура, сухо же!

— Что ж ты, Барболка, хотя б курей не заведешь? — заныла Ката, у которой на дворе петух на гусака наступал да по уткам топтался.

— Чтоб пчел не поклевали, — отрезала пасечница. Эх, были ведь у них куры. И козы были, и кобылка, да все в кабаке потонуло.

— Кого Леворукий принес? — папаша уже стоял в дверях хибары и яростно скреб кудлатую голову. — Чего надо-то? Меда нет!

— Гашпар, — староста почуял, что надо брать дело в свои руки, — не скажешь, куда Феруш подевался?

— Феруш? — Отец зевнул, показав крепкие зубы. — Какой такой Феруш?

— Мой Феруш, — Магна тиснулась вперед, морда белая, а шея красная, как у сыночка, кошки б его разодрали, — был он здесь, девка твоя призналась.

— Был да сплыл, — папаша снова зевнул, — накостылял я ему, паршивцу, чтоб к Барболке не лез. Не про него товар.

— Да что ты такое несешь? — взъелась мельничиха... Пасть! У нее такая же пасть, как у Феруша... И луком из нее наверняка так же несет. — Совсем стыд пропил!

— Что пропил, не твоего ума дела, — набычился папаша, — а у тебя стыда отродясь не водилось. Замуж шла, брюхо на нос лезло!

Магна кинулась вперед, выставив скрюченные лапы в позолоченных кольцах. Ката повисла у нее на спине, староста сплюнул, папаша захохотал и подкрутил все еще темный ус. Жужа на всякий случай забилась под покосившийся стол и неуверенно твякнула.

Мельничиха билась в объятьях Каты и дядьки Лаци, проклинавшая пасечника, его дочку, Жужу, пчел, дом и мало что не крапиву у забора. Она вопила, а Барболка смотрела на беснующуюся бабу, которая никогда не станет ее свекровью, и не понимала, как взя-

Белая ель

ла по осени этот проклятуший браслет. Уж лучше сдохнуть в этой развалюхе, чем жить с Магной и Ферушем под одной крышей. Да какое там под одной крышей, на одной улице и то тошно.

Порыв ветра сорвал с веревки старый фартук и швырнул в лицо мельничихе. Где-то вдали зазвенели колокольчики, с вишни взметнулось облако белых лепестков и осыпало Барболку с ног до головы. Гашпар захохотал, тыча коричневым пальцем в сторону топающей ногами Магны, голову которой облепила рваная тряпка. Ката тоненько прыснула, прикрыв рот ладонью, усмехнулся в усы дядька Лаци, а Барболке стало муторно. Так муторно, словно ее не цветами засыпало, а дохлыми мухами. Захотелось все бросить и бежать, бежать, бежать до заветной поляны, упасть лицом в ландыши, уснуть, увидеть Пала Карои и никогда не проснуться.

— ...твою за хвост и об стенку! — рев отца слился с тьяканьем Жужи. — Да ни гроба мне, ни могилы, если знаю, что с твоим отродьем!

— Пошли, Магна, — Ката вновь всей тушей повисла на мельничихе, — видишь, нет его тут!

— Если с Ферушем что не так, я тебя и твою девку под землей найду! — Магна вырывалась, на верхней губе блестели капельки пота. Барболка во всю ширь распахнула завизжавшую не хуже мельничихи калитку.

— Здоровьечка всем, а у нас работы немерено. Дядька Ласло, по осени заглядывайте, мед будет. Ката, и ты заглядай, а вас, лица вештская, не прошу. Нечего вам тут делать!

2

Гости убрались, следом двинулся отец, за которым увязалась Жужа. И то сказать, дома — хлеб да каша, а в кабаке нет-нет да косточка перепадет. Папаша еще и десяти шагов не сделал, а Барболка ухватила растрепанный помазок и бросилась к треклятой калитке, словно кто-то после сегодняшнего к ним сунется. Петли перестали скрипеть, но девушке этого было мало. Барболка засучила рукава и взялась за приборку. Злость то ли на весь белый свет, то ли на себя, дуру такую, сотворила чудеса, к вечеру дом и двор было не узнать, но пасечница уже не могла остановиться. Девушка побросала в корзинку белье, выгребла из печки золу и побежала на речку. Пересыпала золой рубашки и занавески, сунула в корзине в воду отмокать и заметила, что ночь на пороге.

Вера Камша

От разбухшей после недавних дождей речки тянуло холодком и белой водооляской, у берега что-то плеснуло. Наверняка рыба. Надо поставить пару верш, мяса нет, хоть уха будет. Барболка на всякий случай привязала корзинку с бельем к ивовому кусту и побрела домой, только сейчас поняв, как устала.

Хата встретила темными окнами и тишиной — папаша с Жужей еще не вернулись, совсем сдурели на старости лет. Барболка с сомнением глянула на стоявший черной стеной лес. До «Четырех петухов» путь неблизкий, а обратно в обнимку с распевающим или сквернословящим родителем и того дольше. Да и зачем? Пьяный дорогу везде сыщет, а свалится в лопухи, так ему и надо. Делать ей нечего, старого бугая пасти всем на потеху! Мать хотя бы вещи спасала, а ей и спастись нечего.

Девушка со злостью захлопнула замолчавшую калитку и подперла полешком. Солнце село, небо на западе было ржаво-красным, и по нему неспешно ползли длинные полосатые облака, между которыми высовывал рог умирающий месяц. Смотреть в закат — дурная примета, но Барболка все равно залюбовалась. Чего ей бояться? Хуже не будет, потому что некуда.

— Мяу! — Это еще откуда? Девушка огляделась — никого. Неужто кошка забежала? Если так, она ее оставит. Та хотя бы по кабакам шляться не станет.

— Мяу, — послышалось совсем близко, — мяу, мяу, мя-яяу!

Это не кошка, кошки орут иначе. Человек это. Нашел время дурачиться!

— Мяу!

— Гей, — прикрикнула Барболка, — не дури, ты не кошка.

— Мяу-мяу! — Мяуканье перешло в хихиканье, сзади раздалось какое-то шуршанье. Барболка обернулась — пусто.

— Мяу! — теперь справа. — Мя-яу!

Охотнички вечные, где ж оно? Тут и впрямь только кошке спрятаться.

— Мяу! Дай молока!

— Да где ты, ни дна тебе, ни покрышки!

— Мяу! Хи-хи... Молока хочу!

— Нет у меня молока, выходи!

— Мяу! — Барболкина коса за что-то зацепилась... За щербатую доску! Девушка кое-как высвободила угодившую в трещину прядку, и тут ее дернуло за юбку. Раздался тоненький смех. Слово колокольчики зазвенели.

— Мяу! — Кто-то легонько шлепнул по плечу.

Белая ель

— Мяу! — Со стола упала и разбилась кринка. Старая, старше Барболки, пустая, с облупившимся рисунком. Мать в ней ставила на стол молоко, тогда у них еще были козы.

— Собери черепки, Барболка, — сказала мамка, — негоже дом запускать. Что ж вы тут без меня все прахом пустили, словно и не люди.

Мать давно умерла, но девушка послушно бросилась собирать осколки. Сгребла в кучку, взяла веник и вдруг разрыдалась, закрыв лицо руками. Из-за разбитой крынки, пропавшей Жужи, горьких материнских слов, подлой Магны, пьяного отца и... из-за седого гици, который и думать забыл о пасечнице, а зачем-то снится.

— Ты чего? — Теперь тоненький голосок казался знакомым. — Глупая! Плакать плохо.

Теплые пальчики сжались на запястьях, отдирая ладони от лица.

— Не надо плакать, — светлые глазища, взлохмаченные кудри, только в волосах на этот раз не ландыши, а цветы рябины, — надо петь. Всегда петь...

— Это ты мяукала? — зачем-то спросила Барболка. — Ты зачем пришла?

— Я забыла, — надула губки девочка, — ты меня рассмешила, и я забыла.

— Ты хочешь здесь жить? — Почему она голенькая? Только волосы до земли.

— Ты глупая, — малявка погрозила Барболке пальчиком, — жить здесь нельзя. Совсем нельзя... Я вспомнила! Пойдем.

— Куда?

— Где их нет, — гостья глянула на поднявшуюся над домом луну, — за живую воду, к живому огню... Идем, а то поздно будет.

Это сон или нет? Гаснущий закат, голышка с эсперой, мамин голос, разбитая крынка. Если сон, может, за ним придет другой сон. Про гици.

— Идем, — торопила девчонка, — не бери ничего, здесь все умерло.

— Как это? — Уйти из родного дома страшно. Даже если знаешь, что это сон. Даже если собиралась уйти наяву — вот так, сразу...

— Ты живая, — гостья склонила головку к правому плечу, — ты поешь, не трогай мертвое. Брось...

Мертвое? И в самом деле... Пчел вечером не было, даже муравьи с комарами куда-то подевались. И все-таки уходить с голым ведьменьшем на ночь глядя...

Вера Камша

— Сейчас отец придет, — зачем-то сказала Барболка, — его кормить надо.

— *«Накормлю его телом розовым, — вдруг запела девчонка, — напою его кровью алою, кровью алою, горячею».*

— Замолчи! — прикрикнула Барболка. — Это гадкая песня.

— Песня? — Гольшка ухватила за калитку и принялась на ней раскачиваться. — Песни поют, мясо едят, от беды бегут. Беги, Барболка, беги!

Шустрая тень отделилась от леса и покатилаь вперед.

— Жужа! — крикнула Барболка, первый раз обрадовавшаяся возвращению родителя. — Жужика!

Собака проскочила сквозь забор — сколько ж в нем дыр! — и молча бросилась к хозяйке. Хвост зажат между ног, глаза закрыты. Сбесилась?! Барболка завизжала и помчалась к дому. Жужа молча потрусила следом. Она не лаяла, не рычала, но от этого было только страшнее. Девушка влетела в сенцы, дрожащей рукой закрыла дверь и вспомнила о девчонке на дворе. Кем бы малая ни была, оставлять ее с взбесившейся Жужей не по-людски.

Барболка схватила кочергу и толкнула дверь, за ней не было никого — ни собаки, ни длинноволосой ведьмочки. Только рогатая луна и пляшущие тени.

3

Может, это и было сном, но не тем, который она ждала. Совсем не тем. Барболка стояла на пороге, не зная, что делать. Вернуться в дом было так же страшно, как выйти на двор. Девушку окутала странная вязкая тишина, все казалось чужим, покореженным или мертвым. Но разве забор, вкопанный в землю стол, сарай, дом могут умереть? Хоть бы летучая мышь пролетела, и то стало бы легче. Барболка отступила за порог, в холодную, заплесневевшую затхлость. Как же так? День был жаркий не по-весеннему, дом прогрелся, а тут как в сарае по осени! Девушка схватилась за огниво, но огонь высекается не хотел. Уж лучше на улицу, там хотя бы луна.

Бледный свет, осколки крынки, мокрые, покрытые мерзким налетом пятна на столе. Откуда они? Еще вечером их не было. И сарай... Когда у него просела крыша? Зиму пережила, а сейчас просела. Барболке отчего-то захотелось подпереть дверь сарая ломом, но там, где он всегда лежал, было пусто. Под ногу подвернулось полено — гнилое, мягкое, расплзающееся в труху. Все

Белая ель

мертвое, все! Дом, двор, луна... За забором чернел лес. Он живой, в нем деревья, комары, птицы!

Девушка опрометью бросилась к калитке, но та не поддавалась. Барболка изо всей силы толкнула сырое, осклизлое дерево, ничего! У поленицы зашевелилось что-то темное. Жужа! Спящая собака медленно и неровно, словно ей отдавили лапу, побрела к хозяйке, хвост исчез между ног, уши обвисли. Рука девушки метнулась к эспере, но мертвой собаке не было дела до отвращающей зло звездочки. Жужа тихонько хромала к Барболке. Мимо завалившегося набок стола, увядшей крапивы, черного вишневого ствола. У вишни была тень, у собаки не было.

Спину Барболки покрыл холодный пот.

— Мама, — прошептала девушка, — ой, мамочка!

Она помнила, что мать умерла, но это была ее единственная молитва, единственное заклятье, которое смогли произнести губы. Сжав бесполезную эсперу, Барболка пятилась к прогнившему сараю, отступая от спящей Жужа.

— Мамочка!

Что-то теплое зацепило ногу, не теплое — горячее! Уголек жизни среди мертвого пепла! Барболка сама не поняла, как ухватила рябиновую ветку. Запах зелени отбросил душную гниль, в небе мелькнуло что-то крылатое. Цапля? Какая большая!

— Вот ты где! — девчонка ухватила Барболку за руку. — Вот ты какая! От меня прячешься, а с ними играешь!

— Беги, — Барболка попробовала отпихнуть малышку за спину, — тут... тут...

— Глупая, — ведьмочка тряхнула черной гривой, — я ж тебе говорила...

— А Жуж... — Горячая ладошка зажала Барболкин рот.

— *Жужжу, кружу, никого вам не рожу*, — запела голышка, кружась вокруг старой вишни, и вместе с ней вертелась ее тень, показавшаяся Барболке крылатой, хотя на самом деле это были волосы. Девушка воровато глянула туда, где в последний раз видела собаку. Никого. Малышка остановилась — белые ровные зубки, блестящие глаза, белые цветы в черных прядях.

— Плохо тут, — девочка сдвинула бровки, — бежим!

Больше Барболка не возражала. Приблудившееся создание было странным, но не страшным. И у него была тень, голос, глаза. Девчонка прикусила губку, босая ножка ткнула калитку, та рассыпалась в труху.

— Бежим!

Вера Камша

И они побежали сквозь замерший лес вслед за ускользающей луной. Меж ветвей мелькали какие-то тени, ветер отбрасывал назад спутанные волосы, под ноги стелилась мокрая трава, о чем-то шумели листья.

— Барболка! — ее зовут; какие тяжелые ноги, как она устала. — Да куда тебя несет, дура малохолдная!

— Отец, он там... вернулся!

— Молчи! — Кто это сказал? Девчонка? Мать? Гици? — Молчи и беги. Не оглядывайся, не думай, просто лети за луной. Луна выведет, луна и весна. Они есть, они с тобой.

— Барболка, сдурела совсем?! Родного отца не признает! Да стой же!

— Лети, забудь обо всем, лети! У тебя есть крылья, крылья и ветер. Четыре ветра не дадут тебе упасть.

У нее есть крылья? Есть, и она летит к шаловливой луне. Луна пляшет и мяучит, у нее голубые кошачьи глаза... Как она близко!

— Барболка, стой... Не то прокляну... Да стой ты, ... твою.

Лунный прыжок, лапы-лучи с серебряными когтями, дикий, надрывный визг за спиной и ветер, пахнущий медом, горячий и ласковый.

— Мы еще станцуем. Ты не забыла? Ты обещала мне песню, я подарю тебе танец. Танец с ветром!

Шум реки, рванувшаяся вверх луна, земля под ногами. Что это за замок? Высокие башни, свет, тепло...

— Ты хотела сюда, тебя сюда звали, я тебя привела. Ты будешь здесь жить! Тебе будет весело, а я к тебе приду.

Она сюда хотела? Это Сакаци?! Конечно... Река под горой, двойная башня, и здесь нет другого замка.

— Я не хочу сюда, не хочу!

— Ты не хочешь, куда хочешь, — длинноволосое создание взмахнуло ночной гривой, — и хочешь, кого не хочешь... Зачем думать? Ты танцуй. Живи и танцуй. День еще растет, иди в замок... Иди радоваться, а я приду... скоро приду.

— Я не пойду туда, — выдохнула Барболка, — там...

— Там живут, ты живая, иди туда. — Слетевшиеся светлячки кружились вокруг головки девочки, словно звездный снег. — Иди к живым. Ты не хочешь к ним? К тем, за воду?

За воду? Лунная река, темный мост и трое на дальнем берегу. Отец, Феруш, Жужа... По колено в тумане. Там есть туман, а здесь — нет. Какой сильный ветер... Жужа спит. Отец опирает-

Белая ель

ся о лом. Так вот почему она его не нашла! А Феруш без шляпы, и лицо у него наполовину в чем-то черном.

Резкий рывок, острые коготки, впившиеся в запястье.

— Ты — живая!.. Забудь!

Скрип ворот, топот, голоса, факелы в руках, удивленные уса-
тые лица.

— Девка, как есть девка!

— А хороша!

— Точно!

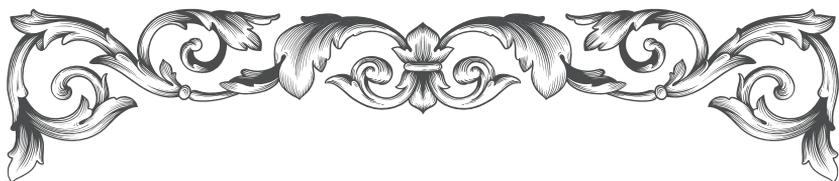
— Видать, гнался за ней кто!

— Ой, дак мы ж ее до Яблонь везли!

— Держи! Падает же!

— Ох ты ж, горюшко...

Звездный туман, запах рябины, метнувшаяся к луне крылатая
тень и теплый, мирный покой. Она живая, она дошла. Все будет
хорошо, ведь здесь ее гици...

ЧАСТЬ II

F. Liszt. Ungarische Rhapsodie Nr 2¹

«Алаты по натуре своей суеверны, замкнуты и склонны к ереси и демонопочитанию. Особенно это относится к жителям Горного Алата, также называемого Черным. В сих краях доселе встречаются примеры самого отвратительного колдовства, от коего местные жители предпочитают обороняться не молитвой и покаянием, но прося защиты у богомерзких демонов, отдавая тем самым себя Врагу...»

**Поучения святого
Стефания Кривонского**

Глава 1

1

Красные с золотом бабочки казались живыми, и молодая хозяйка счастливо улыбнулась. Сын Миклоша появится на свет еще не скоро, она успеет дошить полог для колыбельки. В здешних краях нет приметы хуже, чем загодя готовить детское приданое, но она все равно будет вышивать. Просто никому не скажет, для кого на бледно-зеленом шелке трепещут

¹ Ференц Лист. Венгерская рапсодия № 2, до диэз минор.

Белая ель

алые крылья. А когда она закончит полог, вышьет Миклошу его любимых золотых охотников.

С той весенней ночи, когда в одночасье ставший единственным рыцарь подхватил ее на руки, Рафаэла тонула в своем счастье. Миклош Мекчеи увез ее из отцовского дома, но это было не бедой, а сказкой. Дорога через звенящие от птичьих трелей горы, охапки луговых цветов, веселые люди в странных ярких одеждах, розовый город на шестнадцати холмах, из которых бьют родники, сливаясь в форелевый ручей, и ручью этому, приняв в себя множество рек и речушек, суждено превратиться в великую Рассанну.

Дочь агарийского герцога с легкостью сменила привычные платья на алатские, заплела две косы и стала называть рыцарей витязями. Миклош переделал ее имя на алатский манер в Аполку, и ей это нравилось, хоть и казалось странным. Жена наследника помнила отца, мать, сестер, старую акацию над засыпанным колодцем, в котором исчезли статуи древних богов, но тоски по прошлому юная женщина не испытывала. Как она могла тосковать, ведь рядом был Миклош?!

Как же он любил ее, сколько нежности было в его словах, улыбках, прикосновениях. Племянница короля свято верила, что существуют счастливицы, которым на двоих дано одно сердце, молила о любви Создателя, судьбу, старую акацию, и они ответили, послав ей Миклоша. Аполка не просто любила мужа, она боготворила его. И неукротимый Миклош платил ей взаимностью. Агарийке, само собой, намекали, что до женитьбы сын господаря не пропускал ни одной красавицы, но ведь и она когда-то боялась ехать в Алат, считая горцев варварами и еретиками.

Аполка задумчиво разложила разноцветные шелка, выбирая нужный оттенок. Легко сказать «красный», а попробуй подбери цвет крыла бабочки или сердца мака...

— Ты прямо осенняя всадница, — вошедший Миклош нежно прижался щекой к щеке жены, — вся в золоте да в багрянце.

Молодая господарка счастливо улыбнулась, отвечая на ласку, и развернула свое шитье.

— Они мне предсказали тебя!

— Жаль, у меня уже есть герб. — Миклош уселся на пол у ног жены и принялся по одному целовать ее пальцы. — Но в твою честь я построю дворец. В нем будут золотые витражи с алыми бабочками.

— Нет, — Аполка коснулась губами черных волос, — это будут золотые всадники. Такие, как ты рассказывал. На рыжих конях.

Вера Камша

— Да ты у меня демонопоклонница, — Миклош изловчился и сначала обнял жену, а затем стащил ее с кресла и повалил на себя, — я на ком женился? На агарийской принцессе или на еретичке?

— Еретичка? — прошептала Аполка, отвечая на поцелуй. — Почему?

— Потому, — расхохотался Миклош, — что святоши обозвали охотников демонами, а тех, кто в ночь Излома костры жжет, поет и пляшет, — еретиками. Нет, плясать мы, конечно, пляшем, но витражи с Золотой Охотой — это слишком даже для господаря.

— Мне однажды приснилась охота, — потупилась молодая женщина, — только весенняя. Я сильно болела... Мне привиделось, что я одна в подвале, как же мне было там страшно... Но потом стена рухнула, и появились они...

— Тебе было страшно, потому что там не было меня. — Губы Миклоша скользнули по шее Анны-Паолы-Аполки, и всадники с бабочками тут же унеслись, подхваченные сладким бешеным ветром.

Аполка вновь и вновь летела сквозь вьюгу цветочных лепестков, видя лишь любимые глаза. Она не знала всех слов, которые шептал Миклош, и при этом понимала все: он бредил любовью по-алатски, она по-агарийски, но мелодия была одна — вечная, высокая, светлая, как истоки Рассанны.

Что-то легкое, как паутинка, коснулось щеки, счастливо рассмехался Миклош, и женщина открыла глаза.

— Вот так и лежи, — шепнул витязь, — я хочу запомнить. Твои волосы — почти серебро. Теперь ты будешь влетать в них осень. Смотри!

Миклош поднял светлую прядь, ему так нравилось, что у нее длинные волосы, длиннее, чем у его сестер. В серебристых волосах запуталось что-то красно-желтое. Так вот что коснулось ее щеки. Шелк!

— Как скажешь, — зеленые глаза агарийки сверкнули весенними листьями, — если хочешь, чтоб я стала рыжей, я ею стану.

— Не хочу. — Миклош чмокнул супругу в пополневшую грудь и решительно прикрыл ее недошитым пологом. — Я, знаешь ли, должен тебе кое-что сказать. Закатные кошки, ну почему, когда я иду к тебе по делу, ты такая красивая?

— А когда ты приходишь просто так? — Она готова была до бесконечности вести разговоры сразу ни о чем и обо всем, потому что это были разговоры о любви.

Белая ель

— «Просто» я прихожу ночью, — засмеялся Миклош, — темно, и я тебя не вижу. Может, и впрямь о делах лучше говорить по ночам, а днем мы найдем чем заняться и без этого... Хотя нет, отец не даст.

Наследник Матяша легко поднялся с ковра из медвежьих шкур и с улыбкой взглянул на жену, отчего по ее телу пробежала теплая волна. Миклош погрозил супруге пальцем и вздохнул:

— Мне придется уехать, а тебе остаться.

— Надолго? — выдохнула Аполка.

— На месяц, может, меньше. Может, больше.

— Возьми меня с собой, — прошептала женщина, глядя на сразу потускневший рисунок.

— Не могу.

— Это... это война?

— Глупости, — Миклош наклонился и поцеловал жену в нос, — нет сейчас никакой войны, но, если я могу скакать на тебе, это не значит, что ты можешь скакать на лошади.

— Куда ты едешь? — Не все ли равно куда. Его не будет с ней целый месяц. Как же это страшно!

— В Сакаци. Старик Карои, побратим отцов, женится. Отец ехать не может, придется мне.

— На ком женится? — пролепетала Аполка, понимая, что ненавидит этого самого Карои, к которому должен ехать Миклош.

— На пасечнице какой-то, — хмыкнул супруг. — Дошлая, видать, девка. Железного Пала окрутить уметь надо. Отец и не чаял, что Карои себе пару сыщет, а вот поди ж ты!

2

Черная Алати была прекрасна! Миклош Мекчеи всегда любил эти края, а еще он любил дорогу и свободу, а сейчас эти два слова слились в одно. Он вырвался из столицы, впереди был целый месяц плясок, песен, старого вина и молоденьких красавиц.

Не то чтоб Миклош тяготился своим браком, могло быть много хуже, но витязь не коза и не корова, на одной траве захиреет. Развлекаться на глазах у Аполки молодой супруг не хотел — уж больно трепетной и слабенькой оказалась агарийка, такую обижать, что ребенка. Отец тоже бы не одобрил. Старик не уставал повторять, что с королевской племянницей им повезло, и был прав. Миклош мог смело гордиться изумрудными глазами жены и роскошными серебристыми косами. Если после родов Аполка

Вера Камша

избавится от своей худобы, она станет просто красавицей, но самое главное — агарийка не оказалась змеей в постели. Святоши с королем прогадали, настояв на этом браке, а тесть, того и гляди, станет не просто родичем, но и союзником.

Куда ни глянь, огорчать Аполку нельзя, но чего глаза не видят, о том сердце не болит. Миклош твердо решил порезвиться на славу. Будущий господарь всю дорогу пребывал в отменном настроении, но дальше поцелуев с хорошенькими девчонками не заходил. Зачем? В Сакаци будет все и сразу. За хороший стол нужно садиться голодным, а наследник Матяша был голоден и при этом весел. Он с наслаждением шутил со своими витязями, горячил коня при виде молоденьких крестьянок, а на переправе через разлившуюся Яблонку подхватил в седло топтавшуюся на берегу чернявую девчонку, обещавшую лет через пять стать настоящей красоткой. Малышка хохотала, била в ладоши, а потом, на середине переправы, вдруг поцеловала витязя в губы. Совсем по-взрослому. Миклош пришел в восторг и на прощанье бросил смешливой нахалке золотой.

— Вырастешь, я за тобой приеду!

— Лучше я за тобой, — фыркнула малявка, хватая подарок, — ты еще забудешь.

Миклош расхохотался и вытащил из седельной сумки жемчужное ожерелье. Ну и что, что он вез его невесте Карои? Он много чего вез, от пасечницы, в одночасье ставшей господаркой, не убудет.

— Лови! Да когда за мной придешь, не забудь надеть. А то не признаю!

— Признаешь, гици, — негодяйка ловко ухватила подарок, — ой, признаешь. — Девчонка тряхнула вороными космами и исчезла среди высоких, по грудь коню, росных трав.

— У, шальная, — одобрил Янош, — сразу видно, сердце с перцем.

Сердце с перцем — вот чего не хватало Аполке с ее вышивками и сказками. Перца! Огня, шальной улыбки, громкого смеха, острого словца.

— Эх, — Миклош пустил коня рысью, — сестрицу бы ей, старшую.

— Двух, — поправил лучший друг. — Может, свернем в село, спросим, чья такая?

Миклош на мгновенье задумался и покачал головой:

— Не с руки нам опаздывать. Пал обидится. Ну, а на обратном пути чего б и не свернуть?

Шитая белыми розанами рубашка, алые юбки с золотой каймой, золотые мониста! И это все ее! Барболка Чекеи, обмирая от восторга, примерила свадебный наряд. Если бы только господарь мог видеть свою невесту в эдаком великолепии, но Пал Карои ослеп в бою. Потому-то он и смотрел мимо, а она, дура такая, решила, что чем-то провинилась. Барболка сердце бы отдала за то, чтоб вернуть любимому глаза, но охотников излечить господаря не находилось. Это в сказках приходит на закате старик, творит чудеса и просит за них или жизнь, или красу, или сына нерожденного.

Девушка вздохнула, и тут же улетевшая было радость вновь нахлынула сверкающей волной. Пал Карои ее любит! Даже не видя лица. Услышал в дороге песню и потерял сердце. Он сам так сказал, просто из-за своей слепоты не признался. Теперь Барболка была благодарна сгинувшему Ферушу и его подлой мамаше. Если б не они и не странная поскакушка, она бы никогда не прибежала в Сакаци и всю жизнь прожила без седого господаря с орлиным лицом.

И все-таки хорошо, что она красавица. Палу никто не скажет, что он женился на уродке, у которой только и есть хорошего, что голос. А она любит его и таким, хотя жаль, что он не увидит ее в алых сапожках и венке из калины. Барболка несколько раз повернулась перед зеркалом, теперь у нее было большое зеркало, больше, чем на мельнице, подмигнула глядящей из стеклянной глубины богачке, сменила свадебные одежды на платье попроще и помчалась на кухню.

— Та все хорошо, гица, — стряпуха Моника, краснощекая и грудастая, прямо-таки сияла, — такие пироги, впору самому Матяшу.

— Что мне Матяш, — Барболка от избытка чувств расцеловала повариху, — лишь бы Палу понравилось. И какая это я тебе, к кошкам, гица? Барболка я!

— Ты — гица, — назидательно произнесла Моника, складывая на груди перемазанные мукой руки. — Что нос не дерешь, хорошо, да не всегда. Есть такие, которым по лапам не дашь, на шею сядут и поедут. А гици, думаешь, понравится, что ты со слугами чмокаешься?

— Понравится, — твердо сказала девушка, — а сколько елку розой ни зови, не зацветет. Пасечница я, а ты мне тетушка Моника.

Вера Камша

— Ты Барболку нашу с пути не сбивай, — дядька Пишта, управитель Сакацкий, вошел в поварню и принялся. — Права она. Пала господарем сабля да сердце сделали. Побратим его, Матяш, чего только гици нашему не дарил, хотел бы жабу знатную за себя взять, давно бы сыскал, да не таковский он. Сердцем искал, сердце и встретил. Не нальешь стаканчик, за жениха с невестой выпить?

— Стаканчик тебе, бочонок дырявый? — прыснула Моника. — Ишь чего захотел! Хотя... Ради такого дела и жеребец оскоромится. Барболка, выпьешь с нами?

— Ну разве чуть-чуть, — зарделась девушка. — Это папаша мой пил, а мне мамка заказывала.

— Оно верно, — похвалил управитель, — но за любовь да ласку не выпить грех.

— Гашпара так и не сыскали? — полюбопытствовала Моника, наливая в пузатые стаканы сливовой наливки.

— Как в воду канул, — важно произнес Пишта. — Мы только что землю носом не рыли. Ни Гашпара, ни Феруша. Может, и правда погань какая их прибрала, ну да нашли о чем при невесте говорить! Твое здоровье, Барболка, и чтоб у вас с Палом через год сынок был. Пей, да сразу!

Барболка послушно осушила стакан. Наливка была сладко-горькой и очень-очень крепкой.

Пишта одобрительно подмигнул и подкрутил ус:

— Молодец, гица. Совет да любовь. А скажи, крепко любишь господаря?

Барболка поставила стакан и положила руку на эсперу:

— Люблю. Слов нет, как люблю. Не жить мне без него, вот не жить, и все!..

Глава 2

1

Невеста была потрясающе, невероятно хороша. Как слепец сумел изловить такую красавицу, Миклош не понимал. Какой-нибудь тупица завопил бы, что девушка польстилась на богатство да титул, но алатский наследник разбирался в женщинах даже лучше, чем в лошадях и оружии. Барболка любила седого слепого витязя не меньше, чем его самого любила Аполка. Женщина может лгать, когда смотрит на мужа, жениха, любовника, но не когда глядит мимо других мужчин так, словно их нет.

Белая ель

Невеста Пала не видела никого, даже Миклоша Мекчеи, который к такому не привык. Нет, витязь не завидовал отцовскому побратиму, который никогда не увидит, какая дивная птица к нему влетела. Просто, глядя на стройную девушку с высокой грудью и черными косами, в которых белели цветы калины, Миклош впервые в своей лихой жизни затосковал о том, что никогда не случится.

— Ну и девка, — шепнул захмелевший Янош, — за такой хоть в Закат. Слушай, а может, Пал и не слеп вовсе?

Пал был слеп. Будущий сакацкий господарь принял на себя предназначенный Матяшу удар и свалился под ноги обезумевшим коням. После боя Карои искали всю ночь, отец поклялся похоронить побратима своими руками, но Пал оказался жив. Несмотря на жуткие раны и измятый копытами шлем. Раны зажили, но, когда витязь открыл глаза, его окружила ночь.

— Нет, Янчи, — покачал головой Миклош, — не увидит он ее никогда... Видать, тут другое что.

— Так и есть, — сотник Габор, тоже седой, подлил Миклошу вина, — песнями она взяла. Тут слепой не слепой, а голову потеряешь.

Она еще и поет! Аполка никогда не пела, только слушала других, глядя вдаль огромными зелеными глазами. Жена словно и не живет, а спит и видит сон о жизни. Она никогда не проснется, но он-то живет здесь и сейчас! Миклош Мекчеи встал, высоко подняв кубок лучшего алого стекла. Он привез три сотни таких, свадьбу переживет едва ли половина.

— Здоровье новобрачных! Будь у меня золота больше, чем листьев на деревьях, и отдай я все вам, я бы не сделал вас богаче. Что золото, когда есть любовь? Грязь под конскими копытами! Счастья вам с сего дня и до Рассвета! Радуйтесь!

Миклош выпил драгоценный мансай, не почувствовав вкуса, и с силой швырнул кубок об пол. Сверкнули алые брызги. Пал Карои поднялся, протянув руку невесте. Барболка вскочила, кровь прилила к смуглой коже, делая чужое счастье еще прекрасней и недоступней.

— Радуйтесь! — заорал счастливый Габор, разбивая пустой кубок.

— Радуйтесь... — Янчи казался растерянным, как ребенок, увидевший чудо.

Радуйтесь! Радуйтесь! Радуйтесь!

Темные усы коснулись алых губ, сверкнули золотом обручальные браслеты, полетела в сторону белая вуаль, золотые мониста,

Вера Камша

широкий, увитый лентами пояс, следом на пол одна за другой легли четыре алые юбки. Невеста осталась в длинной, вышитой белыми розами рубашке. В рубашке! Разрубленный Змей, она и впрямь девственница!

Пал Карой подхватил вспыхнувшее смуглым румянцем счастье на руки и уверенно — не знаешь, нипочем не скажешь, что господарь слеп, — понес в спальню. Под ноги молодым полетели цветы калины и листья папоротника. Громко заголосили подружки невесты, оплакивая потерю, а Миклош Мекчеи не мог отвести взгляда от черной головки в белом венке, спрятавшейся на груди высокого седого витязя. Она его любит, а он ее, и с этим ничего не поделать, будь ты хоть четырежды красавец и наследник престола!

Громко хлопнула увитая зеленью дверь, повскакавшие с мест гости плюхались назад, хватались за кубки. Виночерпии сбились с ног, Миклош пил вместе со всеми и больше всех, но отчего-то не пьянел.

— З-зздоровье молод-ддых, — выкрикнул раскрасневшийся Габор, — сына им... хорошего... К Седой ночке.

— Погоди с сыном, — цыкнул кто-то, сбросивший из-за жары доломан, — пускай наиграются... Для начала!

— Оно так, — важно кивнул Габор. — Сначала ц-ццветочки... Потом яб-бблочки.

Миклош, чудом не подавившись, проглотил тюрегвизе¹, тут же вновь протянул больше похожую на кубок стопку, которую не замедлили наполнить, но голова, как на грех, оставалась ясной. Габор с приятелем продолжали гадать о том, что творится в спальне, и вспоминать собственные подвиги. Миклош с досадой отвернулся и увидел на высоком стрельчатом окне давешнюю девчонку. Черноглазое чудо, волосы которого украшал такой же венок, как у невесты, разулыбалось, замахало ручонками, и тут до витязя дошло, что малышка как две капли воды похожа на Барболку. Неужто сестры? А он-то думал, молодая господарка — сирота.

— Ты чего? — Янчи с немалой силой ткнул друга в бок. — Луны не видал?

— Да там малявка эта, — Миклош протянул стопку, — налей!

— Кто? — не понял Янчи, но налил.

— Та, чернявая, что у речки была, на окне сидит.

¹ Тюрегвизе — настоящий на жгучем перце и иногда еще и на травах крепкий спиртной напиток.

Белая ель

— А я думал, ты не пьяный, — удивился Янош. — Нет там никого, на такую высь разве что кошка заберется или воробей залетит.

Миклош обернулся, побратим был прав: на окне никого не было. Значит, он и впрямь напился... Ну и правильно, что делать на чужой свадьбе? Только пить.

— Гици Миклош, — старый Габор был удручающе серьезен, в усах блестели капли подливки, — пора нам.

А он и забыл, что замещает отца и в спальню идти ему, и никому другому. Сын господаря улыбнулся во весь рот и поднял поданную оруженосцем чашу:

— Пью последнюю, други, и за добычей!

Вопли, шутки, улыбки, белые зубы, черные и седые усы, смех, радость. Они рады, еще бы. Их гици наконец-то женился. На красавице-певунье. А как быть ему, привязанному к спящей на ходу бледненькой агарийке? Радоваться?! Миклош отдал чашу Габору, взял протянутую свечу и нарочито медленно пошел словно бы потемневшими переходами. Сзади шептались подружки невесты, что-то звенело, гас, уходил в никуда шум пира, но наследник Матяша будто оглох. Он готовился к тому, что ему предстоит увидеть, и все равно оказался не готов. К счастью, Пал был слеп, а Барболка прятала лицо на груди теперь уже мужа. Миклош видел только спутанные косы, в которых еще держалась белая гроздь, и смуглую гибкую шею. Как бы ей подошел жемчуг, отданный безвестной девчонке с переправы, но разве он мог знать, какова невеста отцовского друга?!

— Здрав будь, господарь Сакаци, — произнес Миклош Мекчеи и снова изо всех сил улыбнулся. — Как охотился? Загнал ли добычу?

— Здрав будь, сын господаря моего, — голос Пала был хриплым, мертвые глаза сияли рассветными огнями, — была охота веселой, да и добыча неплоха. Возьми.

Миклош взял. Расшитая белыми розами рубаха была разорвана от горловины до подола и испятнана кровью. Барболка сохранила себя до свадьбы. Как и Аполка, к которой он завтра же вернется. Потому что оставаться под одной кровлей с юной господаркой сакацкой у Миклоша Мекчеи нет сил.

2

Свечи давно сгорели, черный небесный бархат неспешно выцветал, становясь темно-синим, меж оконных переплетов показалась ясная летняя звезда, предвещающая рассвет. Господарка сакацкая

осторожно убрала с груди мужскую ладонь, откатилась на край кровати и встала. Ноги тонули в звериных шкурах, плеч касалась предутренняя прохлада. Барболка вздохнула и оглянулась на смутно белеющую постель, где лежал человек, ставший вчера ее мужем. Это не было ни песней, ни сказкой, это было больно, стыдно и неудобно. Дочка пасечника понимала, что Пал не виноват. Ей на ландышевой поляне приснилось одно, а вышло совсем другое, сны — они всегда морочат, но как же ей тогда было плохо, да и сейчас не лучше. Тело ноет, на руках синяки, и еще эта тошнота...

Молодая женщина, стараясь не шуметь, доковыляла до окна. Господарская спальня была в угловой башне на самом верху, и Барболка видела залитую туманом долину. Дальше шел лес, в котором она жила всю свою небогатую жизнь. Теперь ей, связанной на горе и радость со слепым витязем, придется жить в Сакаци. Как же она ждала этой ночи, а в памяти остались лишь страх, недоумение и желание вскочить, убежать, забиться в какую-нибудь щелку, чтоб до нее никто никогда больше не дотронулся. Если бы так было со всеми, разве бы люди пели о любви? Значит, дело в ней. Магна их прокляла из-за Феруша, теперь что другим счастье, ей — беда. И ничего с этим не поделаться, потому как отец сгинул, а если родная кровь не имеет покоя, хорошего не жди. Безмогильные сосут из родичей радость, как пиявки.

Будь у нее хоть какая-то одежка, Барболка бы выбралась из спальни и хотя б кровь смыла, но у нее не осталось даже рубашки. Как же было больно, когда Пал рванул белый шелк, аж на груди полосы остались, зато теперь никто не скажет, что сакацкая господарка себя не соблюла, только кому это нужно?! Уж точно не ей, ей вообще ничего не нужно.

Внизу что-то заскрипело, раздались голоса. Утренний холод брал свое, Барболка начала дрожать, но ложиться было страшно. Туман медленно пятился к лесу, на темной от росы дороге показался отряд. Десятка три витязей гнали коней прочь от замка. И кому это не терпится? Она-то думала, в такую рань после свадьбы все спят.

Как бы ей хотелось уехать с ними. Нет, не с ними, хватит с нее хоть мельников, хоть гици, она хочет домой... Только мертвую пасеку сожгла сухая гроза, у сакацкой господарки нет никого и ничего своего. Даже гребенки. Всадники медленно таяли в розовеющем тумане, к полудню доберутся до «Четырех петухов», а ночевать будут в Яблонях. Сельчане наверняка примутся рас-

Белая ель

спрашивать про свадьбу и услышат про жареных кабанов, винные бочки, господарского сына, невестину рубашку. Ката помчится к Магне, та изойдет завистью и злостью. Откуда старой ведьме знать, как заорали внизу пьяные гости, когда сын господаря вернулся к ним с добычей? Пал Карои пил вино, заливая шелковые одеяла, и поил жену, а ей хотелось выть. Правильно сказки кончаются свадьбами, потому что дальше нет ничего.

— Барболка! Барболка, где ты?

Господарь проснулся и слепо шарил по постели. Молодая женщина отскочила от окна, словно ее застали за чем-то гадким, хотя мысли тоже бывают подлыми.

— Я тут... Глядела, кто уехал.

— Ну и кто? — Розовый утренний свет заливал спальню. Медвежьи шкуры, дорогие кубки, сабли в красных ножнах. В здешних краях нет никого богаче хозяина Сакаци и никого бедней его жены.

— Кажись, сын господарский, — чужим голосом произнесла Барболка.

— Миклош? — не понял Пал. — И что ему в голову взбрело? Иди сюда.

Барболка медленно, словно под ногами были не теплые шкуры, а гвозди да битое стекло, пошла к постели, где ее ждал муж. Хорошо, что он не видит, но есть еще Моника, Габор, дядька Пишта... Ей придется улыбаться, смеяться, хлопать в ладоши. Как же трудно быть счастливой, когда хочется упасть и сдохнуть.

— Барболка, — сильная рука сжала плечо, — я тебя ничем не обидел?

— Нет! — Разве это обида, если ненароком растопчешь цветок на дороге? Обида, когда нарочно... — Нет, что ты!

— Значит, показалось, — Пал ее отпустил и улыбнулся: — Давно ничего не боялся, а теперь боюсь, пожалеешь, что со мной связалась. Надо было тебе приданое дать да замуж отпустить, а я... Старый дурак! Разве можно хватать руками песню?!

Слов у Барболки не нашлось, а хоть бы и нашлись? Голос, он тоже выдать может. Юная господарка торопливо прижалась к мужу и обхватила его за шею. Пусть делает, что хочет, что ему нравится, только бы верил в ее любовь, а она потерпит. Да пусть ее на куски режут, она никогда не сделает ему больно, потому что это безбожно.

— Барболка, — она научится смотреть в незрячие глаза, это нужно не ему, а ей, — неужто любишь? Мне правда нужна! Правда!

Вера Камша

— Люблю... Чтоб меня Феруш с отцом забрали, если вру. Нет меня без тебя и не будет!

Все было не так, как во сне, и не так, как ночью, но это есть и это будет. Барболка Карои никогда не предаст Пала, потому что... Потому что и вправду любит. Или полюбит! Таким, как он есть, живым, настоящим, а ландышевый морок развеется, забудется, улетит с горьким изломным дымом.

Глава 3

1

Миклош вернулся раньше, чем Аполка смела надеяться. Муж пробыл в Сакаци всего одну ночь и умчался назад, даже не простившись с хозяевами. Умчался, потому что его ждала любовь, и любовь эта была счастлива, но свекор мог не понять сына, а молодая женщина не хотела становиться между Миклошем и отцом.

Будущая господарка алатская заставила себя высвободиться из объятий.

— Миклош, зачем ты так быстро уехал? Господарь Карои может обидеться.

— Вряд ли. — Ей показалось или Миклош чем-то недоволен? — С такой хозяйкой рухни замок, и то не заметишь.

— Такая красивая? — улыбнулась Аполка. — Красивее меня?

— Красивее тебя никого быть не может. — Миклош поцеловал жену в губы, но глаза его остались тревожными.

— Что-то случилось? — не выдержала молодая женщина. — Ты был у отца?

— Был, — на сей раз муж даже не пробовал скрыть досаду, — признавайся, ты с ним сговоришься, пока меня не было?

— Что ты! — Какая же она глупая! Миклош день и ночь гнал коня ради встречи с ней, а она встречает его так, словно для нее главное услужить свекру. — Я господаря и не видела совсем. Ты уехал, я не жила, только ждала. Понимала, что ты далеко, и все равно на дверь смотрела... Я только не хочу, чтоб тебе из-за меня плохо было.

— Ах ты, рыбка эдакая, — расхохотался Миклош, — да разве может из-за тебя беда приключиться? Да еще со мной?! Нет, малыш, мы свои беды сами сеем, сами растим, сами собираем.

Белая ель

Только вот не выйдет мне тебе волосы заплетать. Надо в Вешани наведаться.

Так вот почему он такой злой и грустный! Опять разлука. Матяш не понимает, что они друг без друга не живут, для него главное — война да мошна. Кузнецов да стеклодувов он видит чаще жены, про витязей и говорить нечего, но Миклош совсем другой, только свекру этого не объяснить.

— Когда едешь? — Только бы не расплакаться, Миклошу и так плохо.

— Завтра утром. Может, оно и к лучшему.

— К лучшему? — Аполке показалось, что она ослышалась. — Почему?!

— Я не только отца видел, но и лекаря. Он говорит, чтобы ребенок здоровым был, ты должна себя беречь. Ты стерпишь, если я под твоей дверью скулить буду?

— Нет, — пролепетала женщина, кусая губы, — но ведь... все хорошо было.

— «Было» — не значит «будет», — голос Миклоша был твердым, но таких грустных глаз Аполка у него еще не видела. — Алати нужен наследник, и не один. Но рожать ты будешь при мне. Слово Мекчеи. Никакие гайифцы меня не удержат, пусть хоть армию высылают.

Он уедет, она это поняла. Уедет потому, что любит. Еще до свадьбы Миклош сказал, что есть соблазны, от которых можно только бежать, потому что противостоять им не в силах человеческих. Это теперь она видит, знает, чувствует каждую мысль любимого, его печаль, надежду, тревогу, а тогда она спросила, что это за соблазны. И Миклош сказал, что не может видеть ее лишь вместе с подругами или родичами. Если он не выдержит и влезет к ней в окно, то опозорит и себя, и невесту. Любимый уехал, она не стала его задерживать. И сейчас не станет.

— Миклош, — голос Аполки все-таки дрогнул, — я не могу жить без тебя.

— Я тоже не могу, — он вздохнул, — но мы ведь не навсегда прощаемся. Вешани славится ювелирами. Я привезу тебе убор из серебра и изумрудов.

Зачем ей изумруды? Ей довольно любви, но он хочет смягчить удар.

— Спасибо, — слезы рвались наружу, но молодой женщине удалось растянуть губы в улыбке, — я люблю изумруды...

— Я знаю. — Миклош прижал жену к себе, горячие губы коснулись затылка, и тут она наконец расплакалась.

Пал склонился с седла, поцеловал свою гицу и направил рыжего к мосту. Барболка птицей взлетела на стену, провожая всадников. Муж не мог ее видеть, но он знал, что она смотрит ему вслед. Она так придумала, чтобы Пал быстрее поверил ее любви, а потом привыкла и к мужу, и к Сакаци. Когда господарь уезжал, становилось пусто, и молодая хозяйка топила разлуку в делах, благо их хватало. Замок — это тебе не пасека, одних кладовых столько, что за неделю не пересмотришь.

Последний витязь скрылся за поворотом, медленно оседала поднятая копытами пыль, монотонно трещали цикады, солнечные лучи танцевали с речными волнами. Господарка сакацкая еще немного постояла, подставляя лицо слабому ветерку, и сбегала вниз, прикидывая, с чего начать. Дел, как и всегда, было невпроворот. Барболка гордилась тем, как она управляет с немалым хозяйством, и еще больше — тем, как Сакаци принял и полюбил бывшую пасечницу. Юная гица не раз слышала, как слуги радовались, что сокол ужился с малиновкой. Она и сама радовалась, хоть и любила Пала днем больше, чем ночью, а теперь муж уехал до осени. Гици объезжает замки и села, гица ждет да дом держит. Так заведено от века, но до осени — это так долго!

— Гица Барболка, — замахал рукой конюшонок, — будете Звездочку глядеть? Дядька Имре говорит, пора ей.

— А как же, Мати, — засмеялась женщина. Она так и не приучила слуг звать ее по имени, но и слуги не вынудили господарку драть нос. Барболка Чекеи стала гицей Барболкой, только и всего. Так ее звали в замке, так ее звали в селах, так ее звал муж. Когда хотел подразнить.

Любимая кобыла Пала со дня на день должна была разродиться, но подсоленную горбушку взяла и позволила погладить себя по раздувшимся бокам.

— К утру ожеребится, — заверил конюх, — точно говорю.

— Смотри не обмани, — засмеялась Барболка, загадавшая на нерожденного жеребенка. Будет жеребчик, родить и ей первым сына.

— Чего ж обманывать, — расплылся в улыбке дядька Имре, — чай, не на базаре. Жеребчик будет!

Господарка чмокнула обалдевшего конюха в желтые усы и помчалась в винный погреб. Пересчитала новые бочки, прове-

Белая ель

дала ткачих, прогнала прихворнувшую Ратку отлеживаться и нырнула на поварню перекусить и поболтать со стряпухами.

То, что стряслась беда, Барболка поняла сразу. Потому что Моника плакала, а остальные молчали. Есть такие слезы, которые не знаешь как утереть. Барболка тихонько шагнула назад, но ее уже заметили. Тетка Магда вздохнула так, словно решила не дышать до Золотой Ночки, и прижала руки к вискам.

— Ой, гица, беда-то какая! Ой, худо худое, смертушка смертная!

Моника вздрогнула всем телом и зашлась в рыданиях, рядом тоненько заголосила остроносая Анелька.

— Да что за беда-то? — Барболка сама не знала, почему ей вдруг стало холодно, может, потому, что она загадала на хорошее. Нельзя ни на что загадывать, беда, она только и думает, как бы со спины зайти.

— Пирожка пропала, — прошептала Моника. — Илька сестренку под дерево посадила да с подружкой заигралась. Оглянулась, нет малой, только кукла лежит. Людей подняли, всю округу перерыли. Так и не сыскали...

3

В прозрачном шаре плавали алые искорки, словно там, внутри, шел закатный снег. Миклош Мекчеи хлопнул гордого своей выдумкой мастера по плечу и бросил ему золотой. Стеклодув с достоинством наклонил голову, принимая награду. Не то что какой-нибудь агар! Тот бы плюхнулся на колени и стал лобызать господарские сапоги.

Да уж, послал Леворукий соседшек. Не друзья, не враги, а рабы во всем. Хоть в молитве, хоть в любви. Аполка глядит собачьими глазами и скулит. И будет скулить год за годом!

Миклош высоко поднял поднесенный ему кубок с игристым вином, выпил до дна, громко засмеялся и вскочил в седло. На сегодня — все! Он свободен и от мастеров, и от витязей, только себя самого к закатным тварям не пошлешь, как бы ни хотелось.

У моста жеребец заартачился, не желая идти вперед. Миклош тоже не хотел под душные крыши, но кто бы пустил его в одиночку таскаться по горам и долам, а созерцать подданных и пересмеиваться с друзьями надоело. Алатский наследник мог подчинить любого коня. Вороной обиженно фыркнул, прижал уши, но вошел в украшенные пляшущими поллюдьми-полуптицами

ворота. Присланный из Криона епископ который год требовал сбить богомерзкие барельефы, но местные жители предпочитали злить святош, а не древних.

Налетевший ветер растрепал волосы, принес запах полыни и звон дальних колокольчиков. Миклош соскочил с коня, кивнул на прощанье свитским, прошел в отведенные ему покои и запер дверь. Обычно сын Матяша не расставался с друзьями раньше полуночи, но сегодня не хотелось видеть даже Янчи. Витязь зажег свечу и распахнул окно, в которое не замедлил влететь предосенний ветер; Миклош слушал дальний звон и думал о жене Пала Карои.

— Гици грустит? Не надо. Ветер смеется. Смейся вместе с ним. Смейся и танцуй. Ты хочешь танцевать, и я хочу!

Она стояла на пороге. Черные кудри до пят, голубые глаза, серебряная эспера, в руках нитка жемчуга...

— Ты кто?

— Гици позабыл, а я помню! Я все помню. — Голубоглазое создание склонило головку к плечу и засмеялось, словно колокольчики зазвенели. — Я нравлюсь гици?

— Вырасти сначала, — засмеялся Миклош, — я малолеток не ем.

— Ты меня не помнишь? — надула губки незваная гостья.

— Нет, — ответил Миклош и тут же вспомнил. Не девочку, ожерелье. Он вез его на свадьбу и не довез. Значит, он спит и видит сон. Бывает.

— Ты не спишь, — засмеялась гостья, теперь глаза у нее были черными, — все спят, ты не спишь. Я не дам тебе спать.

— Вот как? — поднял бровь Миклош. — Значит, не дашь?

Порыв ветра задул свечу, смех рассыпался серебряным звоном, с неба сорвалась и покатилась голубая звезда.

— Где ты? Иди сюда!

Тишина, только на залитой луной крыше выгнула спину лохматая кошка. Витязь пожал плечами и высек огонь. Он был один, дверь заперта на засов, окно тоже закрыто. Станный сон, даже не сон — морок.

— Гици!

Барболка Карои сидела на постели в рубашке невесты и улыбалась, на смуглой шее белели жемчуга.

— Барболка!

— Гици не рад? — Алая губка вздернулась вверх. Какие у нее белые зубы, словно жемчужины. — А я так спешила.

Белая ель

— Это не ты, — резко бросил Миклош, — уходи!

— Я, — в черных глазах плясали кошачьи огни, — и ты это знаешь. Ты звал, ты хотел, я пришла.

— Уходи! — Рука Миклоша метнулась в отвращающем зло жесте. — Улетай с четырьмя ветрами.

— Поцелуешь — уйду. — Барболка засмеялась и встала. — Если захочешь.

Две тени на ковре. Его и ее, у нее есть тень и у нее есть тело — горячее, живое, желанное!

— Кто ты?

— Я — это я, ночь — это ночь, ветер — это ветер, — алые губы совсем рядом, они пахнут степью, — а ты — это ты, и ты боишься...

— Я?! — Миклош рывком притянул к себе жену Пала. — Тебя?!

— Себя, — промурлыкала женщина, — я — это ты, а ты — это ветер...

— Я ничего не боюсь!

— Тогда целуй. Крепче...

Пляшет льдистая луна, под ногами кружатся звезды, словно снег, угодивший в хрустальный шар. Миклош с Барболкой тоже звезды, вмороженные в стекло. Барболка смеется, на шее у нее синяя звезда, за плечами — крылья. Пол, потолок, свечи — все исчезает, остается только полет сквозь пронизанный ветром сон. Утром он очнется в чужом доме, утром все кончится, рассыплется пеплом, холодным, серым, горьким...

— Забудь! Забудь про утро, и оно не наступит.

— Барболка!

Треск рвущегося шелка, ковер под ногами, белый жемчуг, грудной женский смех. Он ее хотел, и она здесь, с ним. Она пришла к нему, как приходили другие. Отец, Аполка, слепой Пал, что им с Барболкой до них?! Они созданы друг для друга, они принадлежат друг другу, их ничто не разлучит — ни утро, ни закон, ни Закат...

— Миклош... Закатные кошки, да что с тобой такое! Миклош!.. Янчи? Откуда он взялся и почему так муторно?

— Миклош! Полдень уже.

Мекчеи попробовал поднять голову, одновременно тяжелую и пустую. Надо же было так напиться, хотя... хотя он же вчера не пил!

— Ты не заболел, часом?

— Сам не знаю. Дай руку.

Вера Камша

Миклош не столько встал, сколько позволил себя поднять. На полу валялась смятая одежда, засов на двери был отодвинут, окно настежь распахнуто, внизу смеялись и звенели железом воины, у них явно ничего не болело, и они собирались в Вешани. Сын Матяша сцепил зубы, поднялся на ноги и остался жив.

— Янчи, у тебя фляжка далеко?

— Смеешься?

— Почти. Дай хлебнуть, и поехали!

Поехали. Сначала — в Вешани, затем — в Сакаци, иначе он сойдет с ума.

Глава 4

1

Пала рядом не было, был страх — липкий, вязкий, отвратительный, но Барболка заставила себя войти. Она бывала в этом доме, когда молоденькой пасечнице и во сне не могло привидеться, что быть ей сакацкой господаркой. Тогда хата кузнеца казалась большой и богатой, но главным было не это, а доброта и веселье хозяев, а теперь Дорка и Тамаш потеряли двоих дочек.

Илька пропала ночью. Вечером легла, как положено, а утром — пусто. Как ушла, когда, куда, никто не слышал — ни отец, ни мать, ни братишка с сестренкой. Все спали как убитые, а у соседей выли собаки и рвались с привязи кони.

— Гица, — хмурый Габор, насилиу согласившийся взять господарку с собой, покачал седой головой, — чего тут глядеть?

Чего глядеть? Много чего. Пирошкины погремушки-тыковки, тряпичная кукла в синей юбчонке с красными ягодами, глиняная расписная кошка... Барболка зачем-то подняла с пола кожаный пояс, положила на смятую постель и вышла. У порога все еще валялся околевший кобелек, остренькая черная морда в кровавой пене, лапы свело судорогой. Отравили? Кто? Зачем?!

За воротами скулили и подвывали медвежьи гончаки, не желая заходить во двор. Чаба, молодой выжлятник, подбежал к Габору, губы парня дрожали.

— Не идут, — выдавил Чаба, — ну никак не идут, хоть волоком волоки.

— А на кой волочь? — огрызнулся Габор и оглянулся на Барболку. — Не пойдут они по следу, да и следа никакого нет, срамо-

Белая ель

тища одна! Едем, гица, нечего тут ловить, а ты, Дорка, собирайся и малых прихвати. У матери поживешь, через воду погани ходу нет.

Кузнечиха ничего не сказала, ровно не слышала. Кузнец вынес из дома девочку, передал Чабе, вернулся за мальчиком, укутал плечи жены красным платком, та не заметила. Предоставленные самим себе собаки путались в ногах псарей и жалобно скулили.

— У толстого Денеша куры передохли, — зачем-то сказал Чаба, — кроме рыжих. А петух онемел.

— Упаси Охотнички, — пробормотал Габор, — и гици, как назло, уехал.

— Монахов от Ласло звать надо, — забормотал подоспевший староста.

— А за какими кошками? — перебил помятый, как с перепоею, Петё. — Как в Колодцах овцы мерли, так монахи семь раз вокруг обошли, надымили да двенадцать фур с шерстью увезли. А овцы все одно повысдохли.

— Осоки накосить бы, — буркнул дядька Пишта.

— И рябины, она как раз в рыжину пошла.

— Мост на ночь спустить и осокой засыпать, она и обойдет...

Четыре костра, живая вода, открытые двери... Все верно, холодные гости с весны до осени не видят открытых дверей, а сквозь закрытые проходят, будто сквозь дым. И огня они не любят, и бегущей воды, а осока отводит пустые глаза от живой крови.

Кузнец взял жену за руку, та пошла за ним, как слепая... Заступнички дальние, какой же веселой Дорка всегда была, как отплясывала в Золотую Ночку в синей юбке с красными ягодами, той самой, из которой сделала потом куклу дочкам.

— Гица! Ехать пора!

Барболка еще раз глянула на опустевший дом с распахнутой настежь дверью и, сама еще не понимая зачем, побежала назад. Холодные гости следов не оставляют, холодные гости ходят своими дорогами.

— Гица Барболка!

Но Барболка уже шагнула в спальный угол. Вот она, куколка в синей юбке, а вот и сундук с одежкой. Сакацкая господарка, недолго думая, вывалила содержимое на пол. Красная безрукавка, золотой в алые птицы платок, платье в зеленых горохах, синяя юбка. Целая! И ягоды на ней другие...

— Гица!

— Постой!

Вера Камша

Вот она, куколка. Льняная коса, намалеванное углем лицо, глазки-пуговицы, синяя юбочка в алых земляничинах. *«Тебе нужно красное, красная юбка, шитая золотом. И сапожки тоже красные. И монисто. И эту синюю с ягодами тоже возьмем...»*

— С ума сошла, девка?! — Бедный Тамаш, забыл, что она теперь гица, а вот Барболка Карои это помнит. И сделает, что должна, хоть и страшно.

2

Сказать, что Барболка боялась, значит ничего не сказать, но любишь мед, люби и пчел. Внучки Моники не виноваты, что в Яблони Холодная гостья заявилась.

Сакацкая господарка отняла руки от лица и оглядела такую безопасную и уютную спальню. А может, она ошибается? Ненависть и обида, они ведь глаза застыят, вот она и прицепилась к синей тряпочке, а остальное примерещилось. И незачем ей идти ночью за ворота! К осени вернется Пал, она все ему расскажет, даже то, о чем молчала как распоследняя дура.

Значит, сидеть за живой водой и четырерьма кострами, а в селах будут дети пропадать? Холодная гостья, раз повадившись, так и будет ходить, пока дверь не захлопнут или гроза не сожжет, только грозу и переждать можно, если есть где. А началось все с ее, Барболки, глупости, ну зачем она взяла Ферушев браслет?! На сытую жизнь позарилась, теперь как хочешь, так и плати, а за чужие спины не прячься.

Под окном орали воробьи, ярко светило солнце, наливалась соком рябина, гнулась под тяжестью рыжих ягод, обещая холодную зиму. Вчера на закате Барболка сорвала четыре тяжелых грозди, никто не удивился — рябину сейчас ломали все. Молодая женщина вдела нитку в иглу, с силой уколола палец, торопливо прошептала «вечерний гость, возьми мою кровь, конь к коню, огонь к огню, гроза к грозе, звезда к звезде» и села низать бусы. Блестящие, пахнущие будущей осенью сочные шарики приникали друг к другу. Смогут ли они защитить? От отца с Ферушем — нет, но, говорят, Холодной гостье женщины не нужны.

Господарка тщательно переплела косы, оделась попроще, чтоб на тракте не удивлялись, и скользнула в спальню Пала. Хорошо, что она соблюла себя до свадьбы, а муж не дал спалить ее рубашку. Рубашка невесты для холодных хуже кости в горле. Белый шелк, белые розы, зеленые листья, бурые пятна на подоле. Какой

Белая ель

счастливой она была в день свадьбы и как плохо стало утром. Ничего, *ту* ночь пережила, и эту перебедеует. Барболка погладила подушку, расправила одеяла, провела пальцами по деревянным завитушкам.

Больше всего хотелось зарыться щекой в медвежий мех и никуда не идти, но сегодня неделя, как пропала Илька, и две, как утащили Пирошку. Сегодня в Яблони снова придет беда. Может прийти. Молодая женщина повернула ключ в замке, запираясь изнутри. Когда ее хватятся? Если повезет, не раньше чем к вечеру. Сакаци — замок большой, а господарка не из тех, кто сидит в своей светелке. Гица тщательно связала сцепленную кровавой ниткой рубашку в узел, обмотала вокруг шеи рябиновые бусы и глянула в окно. До заката далеко, но и дорога неблизкая. Барболка встала на цыпочки и потянула из висевших на стене ножен кинжал. Скрипнула и отошла в сторону деревянная панель, открывая потайной ход, о котором гици говорит гице в день свадьбы.

Охотнички вечные, что скажет Пал, если узнает, что она натворила?! Что с ним будет, если она не вернется?! Что будет с ней, если она права? Выходит, не идти? Барболка тронула эсперу, закусил губу и скользнула в узкую, пахнущую вековой пылью щель.

3

Село спало, но с открытыми глазами. Распахнутые ворота, засыпанные осокой дворы, свечи в окнах, гремящие цепями собаки, светящиеся кошачьи глаза и мертвые улицы. Ни дружков с подружками тебе, ни пьяных. Барболка поплотней закуталась в шаль, и все равно было зябко. Разорванная рубашка хороша для спальни, а не для одинокой ночи в брошенном доме. А может, еще пронесет? Не полезет же Холодная гостья через осоку! Унесла двоих, и хватит с нее!

Господарка медленно прошла по тихому двору. Мертвую собачонку давно сожгли, лошадок приютили соседи, кошка сама ушла. Барболка помнила трехцветную ленивую красотку, днем нежащуюся на крыльце, а к ночи забирающуюся в дом. Если в доме нечисто, первой почует кошка. Почует, уйдет и не вернется. Лохматая девчонка тоже не вернулась.

Барболка так и не поняла, что за создание сначала прицепилось к ней, а потом бросило, но сейчас отдала бы все на свете за дальний звон колокольчиков. Увы, вместо него раздался отда-

Вера Камша

ленный собачий лай. Цепной пес заходился от бессильной, древней ярости. Барболка слышала, как выла по умершей матери Жу-жа и рвался с цепи зачуживший волков Лохмач, но это было что-то иное. Сельские псы не лаяли, они орали от ненависти и ужаса, им вторили обезумевшие лошади, козы и овцы. Только люди молчали. Неужели спят все, кроме нее?! Или не спят, а трясутся среди горящих свечей, моля то ли Охотничков, то ли Создателя, чтоб беда прошла мимо, а там хоть трава не расти. Сакацкая господарка сбросила плащ, оставшись в одной рубашке, схватила проклятую куколку и выбежала на улицу.

Псы и кони сходили с ума по всему селу, но Барболка отчего-то побежала к лавке Петё и угадала. Прямо поперек дороги лежал мертвый волкодав. Женщина с разбегу остановилась и разглядела в проходе меж заборов две фигурки, бегущие меж отцветающих мальв.

Барболка закричала — никого, двое впереди тоже не ответили, как бежали, так и бегут. Вприпрыжку, взявшись за руки. Неужели никто не выйдет?! Хоть бы в окно глянули, нетопыри сонные!

Думать было некогда, господарка отшвырнула поганую куклу и помчалась за уходящими сквозь несмолкающие собачьи хрипы. Как быстро они бегут и какие они маленькие! Кто бы это ни был, та, на кого она грешила, спит в своей постели. Или не спит, это уже не имеет значения. Распахнутые настежь ворота, еще одни и еще, и еще, освещенная церковь, сквозь цветные витражи льется теплое золотое сиянье. Заступнички дальние, есть там кто или нет?

Улица переливалась в улицу, село кончалось, последний дом остался позади, тропинка повернула вдоль берега Яблонки, пошла под гору. Барболка снова закричала, ответили лишь собаки. Вернуться? Нужно вернуться, что она сделает одна? Что тут вообще можно сделать? Улица превратилась в тропинку, резные крапивные листья качались у самого лица, лай стихал, отдалялся. Куда теперь? Направо — к мосту? Налево — к мельнице? Или назад?

— Мама! Мамочка!

Барболка кинулась на крик, словно пришпоренная. Как жарко! Тяжело и жарко, словно она бежит в кожухе! Плач перешел в смех. Кому там смешно?! Нет, все не так! Один голос плачет, другой смеется, тоненько, хрипло, зло.

— Пусти! Илька, пусти! Я домой пойду!

— Домой, хи-хи-хи... домой!

— Илька, я не хочу!

Белая ель

— Не хочу! Не хочу!..

— Отпусти... Я тебе бусики дам... и сапожки.

— Хи-хи-хи...

— Илька-а-а-аа!

Барболка рванулась сквозь крапиву и ежевичник, не разбирая дороги, заросли кончились, в глаза вцепился ядовитый зеленый дым.

— Пусти... Илька, миленькая, пусти...

Трое! Трое на мокром от росы берегу. Трое, луна и она, Барболка. Зеленое марево дрожит, пляшет, издевается. Пропавшая Илька сидит на траве, раскинув ноги, словно кукла. Марица, Илькина подружка, катается по земле и кричит в голос, а рядом — вторая Илька. Стоит и смеется.

— Отпусти ее, слышишь?! — Кому это она? Тому, что смеялось? Холодной гостье? Никому?

— Барболка! — Марица пытается подняться, падает, тянет ручонки. — Барболка!

Зеленый дым ест глаза, душит, шипит, словно попавшая на раскаленные камни вода. Сидящая Илька падает на четвереньки, ползет к подружке. Медленно, словно слепая.

— Марица, беги! В село беги! А ты... пошла вон, подлая! Брысь!

Что она несет?! Молиться надо, а она? Где эспера? Нет, только ожерелье под руками, какое оно горячее! Горячее и мокрое!

Первая Илька доползла до Марицы, ухватилась за лодыжку, вторая захихикала и забила в ладоши.

— Марица, ты живая, иди к живым! Лети... Четыре ветра тебе помогут! Четыре ветра, четыре молнии. *Конь к коню, огонь к огню!*

Зеленое марево прыгнуло назад и вниз, зашипело, полилось удирающим ужом вдоль реки. Марица рванулась, рука гаденьша оторвалась от туловища, но добычи не выпустила. Только задрожала, как недоваренный студень.

— Марица, беги, домой беги! Я их не пущу. *Рябина к звезде, ветер к грозе! Заря близко, тучи низко!*

Свистит, поет в ушах ветер, рычит разбуженный гром. Как гром? Откуда?! Ясно ж на небе!

— Вон, иди вон! Убирайся, разорви тебя четыре ветра! Танцуй с ветром, танцуй, Марица, танцуй! Ты живая!

Хрипло, ненавидяще, мерзко заревел невидимый осел. Илька хохочущая подскочила и оседлала Ильку однурукую, две твари слились в одну, упавшую на четыре ноги. Ослица без тени

Вера Камша

взбрыкнула задом и, хромая, поскакала вслед за зеленой немочью. Через луг, вдоль обрыва и дальше, к плотине.

Что ее прогнало? Рябина? Кровь на рубашке, всплывшие в памяти слова или просто ночь кончается? Все кончается, но она жива, просто не может танцевать... Сейчас не может!

— Барболка, Барболка! Ты где? Мне больно! Ногу больно... И холодно!

— Сейчас, Марица, сейчас! — Голова кружится, но это ничего. — Я уже... уже иду!

Глава 5

1

Миклош понимал одно: перед ним — Барболка, и это снова сон. А как же иначе, ведь на женщине насквозь промокшая от росы свадебная рубашка и алое ожерелье. Алая кровь пятнает белый шелк, черные косы спутались, под глазами темнеют круги, как у него самого, когда он проснется. Ну и пусть! Миклош не мыслил жизни без снов о жене сакацкого господаря. Наследник Матяша улыбнулся, ожидая танца со звездами, но танца не было.

— Помогите! — Барболка просила, словно девчонка с пасеки, но такой она нравилась Миклошу еще больше. — За ради всего доброго, скорее! Пока роса не сошла.

— Что случилось, красавица? Разбойники? — Янчи?! Откуда? В снах Барболка всегда была одна и носила жемчуг, а не сердолики.

— Помогите, — торопила женщина, — тут, близко... Марица там. Я побежала к тракту... Так скорее...

Сердолики оказались ягодами рябины, сквозь разорванную рубашку виднелись крапивные волдыри, и Миклош понял, что не спит и перед ним впрямь жена Пала Карои, невесть как очутившаяся на лесной дороге.

— Да ты же замерзла! — Янчи, на ходу срывая плащ, спрыгнул на землю, сакацкую господарку он не узнал. Как и она его. Барболка смотрела, но не видела. Что с ней? Сбежала от мужа? Неужели?!

Если б не витязи, Миклош подхватил бы красавицу в седло и зацеловал до смерти, но он был наследником дома Мекчеи и помнил, на чьем мече и на чьем слове держится Алати.

Белая ель

— Какая Марица? — собственный голос показался чужим и глупым. — Где?

— Там, — махнула рукой Барболка и покачнулась. Янчи, негодай, поддержал ее, но женщина не заметила. Не стыдилась она ни разорванной рубашки, ни кровавых пятен. Откуда они? Барболка давно жена Пала.

— Ты ранена? — Миклош схватил свою мечту за плечо. — Отвечай!

— Нет, — она вывернулась из его объятий, точно кошка, — не я... Марица. Худо ей!

— Нашел! — Радостный крик Янчи оборвался, словно стакан разбился. Миклош бросился на голос, побратим держал на руках девочку лет семи. Темная головка моталась на тоненькой шейке, правая нога до колена превратилась в багровое бревно.

— Богова Охота, — выдохнул рыжий Золтан, — что с ней?

— Холодная гостья, — прошептала Барболка, — мармалюца... За ногу ухватила. Я ее отогнала, только поздно, боюсь.

Вот так взять и сцепиться с тварью, о которой и говорят-то шепотом! Хотя теперь ясно, с чего господарка сакацкая в одиночку в свадебной рубашке по полям бегаёт. Холодную гостью иначе не догонишь, только догнать — одно, а прогнать — другое.

Миклош тронул лоб девочки и едва не отдернул руку, заглянув в туманную, полную яда пропасть. Ну нет! Миклош Мекчеи не трусливей Барболки Карои.

Марица застонала и попросила пить, Барболка растерянно оглянулась. Может, она и сражалась с нечистью, но теперь перед Миклошем была женщина — одинокая, растерянная, до смерти напуганная и до одури красивая.

— Тюрегвизе! — рявкнул Мекчеи. — И костер разожгите, сразу выжигать будем.

— Так поздно уже, — покачал головой Золтан, — до колена дошло.

— Без ног живут, — огрызнулся Миклош, — а без одной и по-давно. Приданое дам, замуж выдам.

Что-то горячее коснулось глаз и исчезло, стало жарко, словно руки в кипяток окунули. Шальные глаза, блестящие крылья за спиной или это волосы? Барболкины волосы или чьи-то еще?

— *Передай*, — звенит в ушах, — *передай, передай, передай...*

Миклош грохнулся на колени, он еще ничего не сделал, но маляшка дернулась и закричала.

— Барболка, давай руку!

Вера Камша

Женщина подняла измученные глаза. Она ничего не понимала. Миклош тоже не понимал, но знал, что делает правильно.

— Руку!

Чужая ладошка во вдруг одеревеневших пальцах, белая метель в глазах. Не метель — лепестки, бесчисленное множество лепестков. Южный ветер срывает их с вишен, звенят дальние колокольчики, хохочут, пляшут, звенят браслетами крылатые создания, и мчится сквозь весеннюю живую метель вечная охота. Бьют юную траву серебряные копыта, заливаются серокрапчатые синеглазые псы, выются длинные гривы, смеются, горячат коней, подбрасывают и ловят на скаку клинки черноволосые всадники. Так было и так будет, только лепестки разлетятся пчелиными роями, обернутся листопадом, станут снегом и вновь вскипят вишневым цветом... Жизнь вечна, мир вечен, полет вечен!

— Барболка? Где ты, Барболка?!

Откуда взялась малышка с испуганными глазами? Почему у Янчи такое лицо? Куда делись пронизанные солнцем цветущие деревья? Когда кончилась весна? Когда наступило утро?

— Охотнички вечные, сказал бы кто — не поверил...

— Прошло, как есть прошло!

— Как и не было!

— Рука господарская, одно слово!

Чего от него ждут, а ведь ждут! Холодно, больно, но так всегда бывает. Счастье во сне, боль на рассвете.

Миклош Мекчей стер со лба холодный пот. Рядом Барболка гладила по голове чернявую девчущку, а на плечах у нее был плащ Янчи. Это не было сном, но опухоль спала, нога малышки была ногой, а не жутким бревном. Утренний ветер коснулся щеки, словно ладонью, и затих, только качались, осыпая росу, зрелые травы.

— *Бери пока берется... Мы танцевали. Теперь танцуй сам, танцуй и пой! А я с тобой... с тобой...*

— К мамке б ее, не таскать же с собой!

— Точно. На мармалоцу идем, там малым не место!

— Не найдем. Заря встала, след остыл...

— *Танцуй, Миклош, танцуй!*

Сын алатского господаря оглянулся на теребивших сабли ви-тязей и наклонился к девчущке:

— Марица, кто тебя свел?

— Илька, — малышка доверчиво улыбнулась, — она Пирошку нашла... На мельнице. Я и пошла. Барболка! Барболка, ты где?

Белая ель

Дети что солнышко по весне. Вот смеется, а вот уже и плачет. Барболка подхватила Марицу, что-то зашептала. Какие у нее глаза, у оленей и то меньше.

— Гица, — окликнул Янчи, — знаешь, где мельница?

— Знаю, — голос женщины дрогнул, — там она гнездо и свила, больше нигде. Мельничиха прикормила. То из-за меня все...

Из-за нее?! Может, и так. За такую Рассвета и то не жаль. Витязь оглянулся на свиту — губы у всех сжаты, на скулах желваки играют. Миклош Мекчеи поправил ворот и бросил:

— Елек, отвези малышку в село. Остальные — на мельницу!

2

Барболку взял в седло Янчи, и Миклош стерпел — негоже сыну господаря при всех хватать чужую жену, да и не до любви сейчас. Если мармалюца вырвется, тем, кто ее загонял, беды не миновать. Миклош поравнялся с Янчи, заставляя вороного идти голова в голову с рыжим.

— Гица, скольких гостя прибрала?

Женщина задумалась, сведя темные брови, рассветные лучи скрывали бледность, вызывая в памяти крылатые сны.

— Первой Пирошку кузнецову утащила, потом сестричку ее, Илька. Марица третьей была.

Значит, четверых под рукой у ведьмы еще нет. И на том спасибо.

— А на мельнице кто живет?

— Сам мельник, — не хочет Барболка о ведьмином гнезде говорить, а он слушать, да куда денешься, тут восемь раз отмерить нужно, и все одно как в омут головой, — Магна, про нее давно говорят, что с дурным знается. Дочки две у них на выданье да сын мельничихин старший с семейством. Раньше еще один сын был... Пропал по прошлой весне. И отец мой тогда пропал, уж не знаю, кто из них кого убил, но по злобе это вышло.

Вот оно! Убитый, убийца и дурная смерть. Первый вяжет второго мертвой кровью, второй сам себя ложью да злобой, а дальше по-разному бывает. Кто, пока тела не найдут, своих мытарит, кто — чужих, но хуже всего, если родичи на ущербной луне вниз лицом в могилу кинут да собачьей кровью польют. Сам Миклош такого не видел, но слышал... Мерзкое дело было!

— Вот она, мельница, — тихо сказала Барболка. — Тут и Пирошка, и Илька, и... и другие.

Вера Камша

Сын господаря кивнул и огляделся. Мельница как мельница — плотина, омут, ракиты, колесо по воде шлепает, чуть повыше — дом. Большой, крепкий, век бы простоял, да придется ему черным дымом к солнышку лететь. Миклош неторопливо поправил шапку и послал коня к запертым воротам. Береглись бы нечисти, не затворяли бы.

Стучать пришлось долго, хозяева то ли спали, то ли прятали чего. Наконец раздалось хриплое:

— Кто такие?

— Миклош, сын господаря Матяша, — рывкнул Янчи, — да господарка сакацкая. Отворяйте, а то сами войдем.

Один за другим лязгнули два засова, звякнула цепь. Угрюмые створки заскрипели и раздались, показался двор — мешки под навесом, дрова, куча песка. Ни собаки, ни курицы, ни кошки.

— Стерегутся, а пса не держат, — шепнул Янчи, — на помощничков, видать, надеются.

Мельничиха, еще не старая, когда-то красоткой была, выплыла на крыльцо, обтерла руки о расшитый фартук. Лицо сладкое, как мед, на шее — святая эспера, на руке — золотой браслет. Рядом — мельник, здоровенный, румяный, морда как пятка. Миклош спрыгнул с коня, зацепил поводья за луку седла.

— Богатый у вас дом.

— Не жалуемся.

— Сколько работников держите?

— Зачем нам работники, — наморщил лоб хозяин, — сами управляемся.

Ой, сами ли?

— А что, хозяин, кошачья роза у тебя не растет, — вмешался Янчи, — да и рябины не видать?

— А с чего ей расти, — влезла баба, — сыро здесь, да и на кой ляд нам колючки да кислятина?!

— Чтоб гости незваные не захаживали, — ухмыльнулся Миклош, — а то крапивы у тебя и той нет.

— Да что ж вы, гости золотые, с бурьяна-то начали, — расплылась в улыбке тетка, — а в дом зайти? Вино у нас хорошее, хоть кого спросите, тюрегвизе есть, сливовица, хлеб горячий, мясо свежее...

— Не ем я человечины, тетка, — отрезал Миклош, — так что не обессудь. Говори лучше, где работнички ночные лежат?

Мельник судорожно вздохнул и уставился на жену. Мельничиха сложила руки на высокой груди и зачатила:

Белая ель

— Ой, да что это господарь говорит?! Да за что ж нам такое? Живем смирно, никого не трогаем, бедным подаем, подати платим, в церковь святую ходим. Да провалиться мне на этом месте, если нечисто у нас! Да покажите мне того, кто про нас плохо скажет, я ему в глаза его подлые плюну.

— Я скажу. — Барболка вышла вперед и стала, глядя мельничихе в глаза.

— Кто Ильке куклу в синей юбке подбросил? Не ты, скажешь?

— А хоть бы и я? — вскинулась мельничиха. — Чего б дитенка и не порадовать? Живем богато, хоть и не тебе, господарка ты наша, чета, вот и делимся.

— Не к добру ты, тетка Магна, щедрой стала, — тряхнула волосами Барболка. — Раньше у тебя палого листа по осени не допроситься было. Ну да гостью твою я своими глазами видела. И чем прикормила ты ее, знаю.

— Ух, много ты знаешь! — Глаза мельничихи, зеленые в золотую крапинку, плеснули злостью, смыв с лица и мед, и сахар. — Только и я про тебя знаю. Как была сучка течная, так и осталась. Феруш из родного дома по твоей милости ушел, опозорила парня, и все мало тебе?!

— А ну, замолчи, — прикрикнул Миклош, — а мы поглядим, ушел твой Феруш или здесь лежит, в песьей крови купаный! Работничков стережет.

— Ну, так ищи, — огрызнулась ведьма, — двор большой, а Черная Алати и того больше.

— Найдем, — заверил сын Матяша, — и Феруша, и побратима его могильного, и Пирошку с Илькой. И золото то поганое, которм гостья за постой платит, тоже отыщем.

Мельничиха тронула святую эсперу и поклонилась. Жаба ядовитая, и ведь не ущучишь! Миклош знал, что Барболка права. Не верил, а знал, да поди сыщи укрытую мороком могилу, а найти надо до заката, иначе утечет Холодная гостья бледным маревом и не уймется, пока не отомстит.

Хлопнула дверь, выбежал из дома мальчишка лет пяти, уставился на неожиданных гостей, заплакал. Марица тоже плакала. И Илька с Пирошкой, пока были живы. Кто еще знает место могильное? Дочки? Невестка? Муж? Или никто? Ведьма сдохнет, не скажет, хоть перевешай у нее на глазах все ее отродье. Того, кто родимым сыном холодную тварь кормил, жалостью не пропрешь, но до вечера гадука не доживет. Нельзя такую живой оставлять, пусть сгинет под честным солнцем, на рябиновом ко-

Вера Камша

стре сгорит, а пепел по четырем дорогам четыре конника разнесут. Чтоб не вернулось ни мышью, ни птицей, ни мухой, ни грибом ядовитым.

Ветер кошкой прыгнул в лицо, солнце брызнуло в глаза алмазной россыпью и погасло. Миклош потряс головой. Все было прежним, только тревожно звенели вдали колокольчики, звали, требовали.

— *Иди*, — велел ветер, — *иди и увидишь... иди и найдешь... На грязи нет танца. Убери грязь и танцуй...*

— Гици! — Барболка! В черных глазах боль и сила. — Я знаю, где они... Это на лугу. Напротив кривой ракиты.

— Я тоже знаю.

И еще он знает, что они с Барболкой — одно целое. Жизнь Марицы и смерть ведьмы свяжет крепче обручального браслета и людской молвы.

3

Страшное место, роса сюда и та не падает. Какая роса, тут и травы-то нет, а есть наполовину заполненный серой пылью провал, из которого торчат трехрогие ветки. Здесь они и лежат. Оба. Отец да Феруш.

Легкий звон, словно струна скрипичная лопнула, и нет ни веток, ни пыли зыбучей, ни ямы. Только трава-белоцветка да веселая роса.

— Ничего не вижу, — пожаловался высокий воин с добрыми глазами, кажется, Янчи.

— Поверь на слово, — бросил Миклош Мекчеи, — здесь это.

Почему они с сыном господаря видят, а другие — нет? Барболке захотелось вцепиться в чье-нибудь плечо, а еще лучше, сбегать, но она только плотней запахла плащ.

Шестнадцать витязей встали по кругу, где велел Миклош. Они видели только траву, а внизу, под слоем холодного праха, шевелилось, исходя злобой, зеленое марево. Убить не убьешь, но прогнать в подгорные болота можно.

Шестнадцать знавших кровь сабель вошли в землю с четырех сторон, отделяя гнездо от чистого луга. В светлых клинках вспыхнуло солнце, превращая сталь в огонь. Резанул Миклош Мекчеи по руке ножом с роговой рукоятью, тронул кровавой ладонью четыре рябиновых кола, и вошли они в землю, как в масло.

Белая ель

Дальше — просто. Вырыть, выбрать до последней пылинки холодную мерзость, набить яму рябиновыми поленьями и четыре дня жечь костер, а выбранную погань смешать с толченым стеклом, рябиновым углем да кошачьей шерстью, забить в еловые сундуки и на закате утопить в горячем озере, чтоб ни следа, ни памяти. Холодные гости не терпят кошек и еловой смолы... Она уйдет, должна уйти!..

— Больно! — Пухленькая девчущка лет четырех поднялась из травы, по щекам текут слезы, на вышитом платьишке — мокрая земля. — Горячо!

— Пирошка!

— Мамка! — малышка заковыляла к Барболке. — На меня! Мамка! Живая! Господари розовые, живая!

— Стой! С ума сошла! — Кто-то ухватил Барболку, сжал до боли плечи. Пирошка замахала ручонками, за плечом сестренки поднялась насупленная Илька, тоже в земле. На щеке — синее пятно, три пятна на шее.

— Горячо, — пожаловалась старшая, младшая шмыгнула носом, глазенки совсем заплыли.

— Мертвые они, лица! Мертвые!

Широкая спина заслоняет и солнце, и сестренок. Резкий свист, рвущийся из-под земли протяжный ослиный рев. Миклош отступает... Какой он бледный! Безголовая Пирошка среди белой травы, рядом — Илька, худенькое тело разрублено пополам, но крови нет, у мертвых кровь не течет.

— Сжечь ведьму, — рычит кто-то под ухом, — и все семя ейное!

Ее дети тоже б стали ведьминым семенем, выйди она за Феруша. Но, выйди она за Феруша, отец бы его не убил, а мать не скормила бы обоих Холодной гостье, Пирошка была бы жива. И Илька...

4

Магнины работнички умерли второй раз. На солнце, от чистой стали. Теперь по ним можно плакать, их можно закопать на кладбище, посадить у изголовья калину и кошачьи розы. Больше сестричкам не носить воды, не таскать мешков, не искать золота, не уводить живых. Их нет в этом мире и не будет.

Миклош Мекчеи вложил саблю в ножны. Как же он испугался, когда Барболка позвала упыренка по имени. Хорошо, они с Янчи успели...

Вера Камша

— Больше тут искать нечего, — витязь старался говорить спокойно, — я отвезу гицу в Сакаци, хватит с нее. Янчи, приглядишь? К закату я вернусь.

— Да хоть бы не возвращался, — махнул рукой побратим. — Кто мог, тот вылез, а землю таскать — дело нехитрое.

— Я вернусь, — повторил сын Матяша. — Кто начал, тому и заканчивать.

Будь его воля, он бы поднял Барболку на руки и понес до коня и дальше, но жена Пала предпочла идти своими ногами. Аполка та бы повисла на нем не хуже повилики, хотя почему повисла бы? Уже висит! Вроде маленькое, слабенькое, а все соки высосет.

— Гици, — Барболка остановилась, — спасибо вам, только я сама дойду.

— В рубашке? — попробовал пошутить Миклош.

— Ну доеду, только лошадь дайте.

— А потом меня Пал убьет? — Как мерзко врать, но правду не скажешь, рано еще.

— Хорошо, — кивнула Барболка и замолчала. О чем она думала? Или о ком? Уставшая, растрепанная, молчаливая, она была в четыре, в восемь, в шестнадцать раз прекрасней приходящей к нему в снах красавицы.

Миклош вскочил на коня, принял из рук Янчи сакацкую господарку. Час на одной лошади и вечность врозь.

— Я скоро вернусь.

— Вернешься! — заголосила связанная мельничиха. Она больше не пряталась, не юлила. Зачем? Все равно на закате ждет костер. — Вернешься и останешься! Ой, останешься! Не в земле, не на земле.

— Замолчи! — зарычал мельник. — Всех нас загубить хочешь! Не слухай ее, господарь, ведьма она. У, проклятая! Сожгут тебя, и поделом! Золото ей занадобилось, работнички ей занадобились, а то жили мы плохо!

— Сказните ее! — рванулась к Миклошу красивая молодуха. — Гадюку проклятую!

— Мармалюцу родной кровью кормила, — завыл и сын. — И нас бы не пожалела...

— А чего вас жалеть? — прошипела ведьма. — Плесенью были, плесенью сдохнете! А вот ты, Барболка, долго жить будешь. И меня помнись! Чтоб тебя за чужое били, за твое плевали, чтоб...

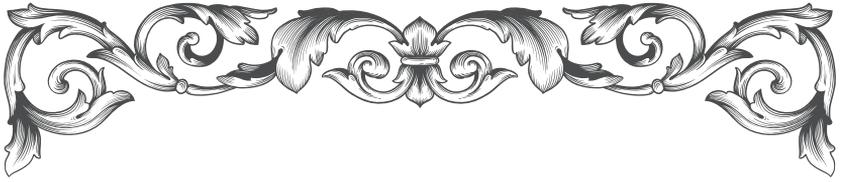
Миклош рванул повод, заорал, отползая в сторону мельник, кованые копыта обрушились на мельничиху, вколачивая подлые

Белая ель

слова обратно в оскаленную пасть. Рябина на закате, конечно, вернее, но и дать ведьме договорить было никак нельзя! Ничего, обойдется.

Дико завизжала молодуха, что-то мерзкое свилось дымной струйкой, утекло в лощину, захрапел и прынул назад жеребец, лопнуло, раскатилось по ягодке рябиновое ожерелье, смешалось с поганой кровью. Барболка молчала, только руки вцепились в конскую гриву да билась на шее голубая жилка.

— Сжечь гадюку, — рявкнул Миклош, — да не на закате, а сейчас! Вместе с домом... А этих — в село, пусть с ними люди решают.

ЧАСТЬ III

J. Brahms. Ungarische Tänz Nr 2¹

«В начале осени 330 года жена Миклоша Мекчеи родила сына, которого нарекли Лукач. Счастье господаря нашего Матяша при виде родимого пятна в виде летящего сокола на плече внука было безмерно, ибо такое же было на плече Гергея Великого и Иштвана Волчьего, и сулило оно великие и благие дела. Король Виктор-Антониан, узнав о том, что у его племянницы родился сын, прислал богатые подарки и пригласил Миклоша в Кфион вместе со всем семейством. Господарь наш Матяш заподозрил в сем приглашении предательство и, дабы оградить новорожденного наследника от участи заложника, не оскорбляя короля, отписал, что поклялся побратиму своему Палу Карои, что Миклош с женой и сыном встретят весну в Сакаци...»

*Хроника монастыря Святого
Ласло Алатского*

¹ Иоганнес Брамс. Венгерский танец № 2, ре минор.

— Как красиво! — сакацкая господарка набросила на плечи шаль с осенними листьями. Аполка вышивала ее для подруги с первого дня знакомства, тщательно подбирая шелка. И угадала! В вишневом, оранжевом и алом Барболка стала еще красивее, жаль, муж не оценит. Пал Аполке тоже нравился, хоть она и не могла понять, что нашла чернокудрая красавица в седом витязе. Однажды агарийка спросила об этом мужа, тот задумался и сказал, что не знает, но любовь и на воде горит, и в соломе гаснет. Может, и так, но как было бы страшно, если б ее отдали не за Миклоша, а за Пала Карои.

Устыдившись своих мыслей, Аполка порывисто обняла подругу, та ответила недоуменным взглядом и улыбнулась, в черных глазах блеснули золотые искры. В Сакаци про них с Барболкой говорят, что они словно весна с осенью, одна цветами да птицами хороша, другая — вином да охотой. Миклош любит весну, Пал — осень, и все счастливы.

— Не хочу домой, — призналась Аполка, — так бы и не уезжала.

— И не уедешь, — тряхнула кудрями сакацкая гица. — Пал говорит, Матяш... свекор твой пишет, чтоб не спешили вы. Боятся Лукача из Алати отпустить.

— И правильно делает! — Миклош вечно так! Подкрадется, как кот, и прыгнет. — Что мы в Агарии позабыли? Бабочек, так они и тут летают.

Любимый все помнит. Все! Старую акацию, ее признание, алую бабочку, нагадавшую им любовь... Аполка счастливо улыбнулась:

— Я Барболке шаль вышила. Тебе нравится?

— Как же иначе? — Миклош поднес к губам Аполкину руку. — Эти пальчики творят чудеса, но к такой шали нужны серьги. У тебя — серебряные лани, а гице нужны золотые лисицы! Аполка, подарим Барболке рубины?

— Не надо, — замотала головой подруга, — не люблю я золото.

— Эх ты, пасечница! Тебе волю дай, ты в рябиновых бусах будешь бегать, — укорил Миклош. — Пойду отпишу отцу, что мы остаемся, и про серьги не забуду.

Вера Камша

— Ты любишь рябину? — Аполка расправила шаль на плечах подруги, любуясь своей работой. — Жаль, я не знала, а то бы вышила.

— Рябина людям в помощь выросла, — тихо сказала Барболка. — Говорят, увидел в стародавние времена грозовой господарь девицу красоты неопишуемой, сошел к ней с коня. Полюбили они друг друга, а в благодарность из крови ее девичьей и своего огня вырастил грозовик рябину, оттого ее нечисть и боится. Рябина огнеплясок привлекает, а они из спутников самые сильные. С огнепляской только Смерть сладит, мармалюце там или упырю — конец.

— Огнепляски? — Аполка широко распахнула глаза. — Кто это?

— Было четыре господаря, — Барболка казалась удивленной, — над грозой, над камнем, над ветрами да над водами. Ну, а какой господарь без свиты? Вот и сотворили они себе спутников. И каменных, и водяных, и огненных, и ветровых. Господари сгнули, а спутников еще нет-нет да и встретишь. Особенно если места знать. Огнеплясок по осени в рябинниках искать надо.

— Я похожее про акацию слышала. И про розу кошачью, — призналась Аполка, — но не грозовой господарь их вырастил, а весенние охотники. У нас в замковом колодце статуи их спрятаны, только ты не говори никому. Знаешь, их ведь не всегда демонами считали...

— Да какие ж они демоны, Охотнички-то вечные? — всплеснула руками Барболка. — Смерть они гонят, а как останются, всему конец придет: реки загниют, леса высохнут, детишки родиться перестанут, ветер и тот умрет. Нет, нельзя им погоню бросать...

— Мне они снились, — зеленые глаза Аполки затуманились, — я тогда маленькой была. Они такие красивые... Демоны не могут быть такими.

— Я тоже их видела, — кивнула Барболка и замолчала, вспоминая о чем-то своем. — Знаешь, Аполка, а может, не стоит вам здесь оставаться? Нехорошие тут у нас дела бывают, а ты чужая здесь, гадюку от ужа не отличишь...

2

Барболка давным-давно убежала по делам, а Миклош не вернулся: то ли заговорился с Палом, то ли еще что. К полуночи Аполка не сомневалась, что муж заночует в холостяцких спальнях. Дурачок, боится, что не совладает с собой и она снова поне-

сет, вот и бывает у жены лишь в «пустые» дни. А вот она не прочь завести второго ребенка прямо сейчас.

Аполка давно поняла, что свекор только и думает, как бы отложиться от ненавистной ему Уэрты, но молодую женщину пугало не само предательство, а то, что Мекчеи проиграют. Дед Матяша пробовал восстать, а до него был еще какой-то Золтан Веселый, но Крион держал крепко. Мятежников казнили; раньше агарийку это не заботило, но страх за любимого заставил замечать все, и не только замечать, но и думать. Миклош не просто так всю осень и ползимы с местными господарями проохотился, дядюшка не зря тащит ее с сыном в Крион, а свекор прячет их в Сакаци. Что-то готовится, но это безумие. Уэрта сильнее и, если что, призовет на помощь церковь и Гайифу, а кто поможет алатам? Призрачные охотники?

Жена наследника отложила нитки и иголку. Будь что будет, но она скажет свекру, что он ничего не добьется и многих погубит. Миклош это тоже понимает, иначе откуда у него по утрам под глазами черные круги? Пусть в Алате и не привыкли перечить отцам, но муж должен сказать «нет»! Ради их любви. И хватит оттягивать разговор!

Аполка надела зеленое, отороченное куницей платье, переплела волосы, вдела в уши серьги с танцующими на усыпанных изумрудами шарах ланями. Зеркало отразило юную женщину с очень серьезным лицом; на бледном лице блестели зеленые глаза, и, словно отвечая им, загадочно мерцали изумруды. Аполка и раньше знала, что красива, об этом говорили мать и сестры, пели менестрели, намекали знатные гости, но в Алате светлые глаза и волосы были чудом. Что ж, чем прекрасней и желанней жена, тем сильней в споре с отцом муж. Агарийка нежно тронула обручальный браслет и вышла. Сакаци спал, только у ворот горели факелы да пылали четыре неизменных костра во дворе, отгоняя зимнее зло.

В здешних краях ложатся с курами, а встают с петухами. Если только не пляшут ночь напролет. Она тоже плясала в Темную Ночь, но быстро устала, да и пить кислое вино и целовать чужих мужчин было неприятно. Миклош посмеялся, на руках отнес ее в спальню, но потом ему пришлось вернуться. Будущий господарь не может все время сидеть с женой, как бы он ее ни любил, но... Но так ли уж ему хочется править Алатам? Да, он наследник, но случается, что от короны отрекаются, а у свекра двое взрослых племянников, есть кому оставить герцогство... И кому восстать,

Вера Камша

если уж они без этого не могут, тоже будет, но Миклошу этого не нужно, Миклошу нужна лишь его Аполка, а ей нужен он. Живой, свободный, счастливый!

Женщина перебежала мокрый неуютный двор, борясь с принесшим рваные тучи ветром. Скоро весна, в Агарии зацветут луговые примулы, но здесь горы и леса, а не дворцы и парки. В холостяцкой башне, где ночевал Миклош, горел голубоватый огонек, тянуло дымком, сухой лавандой и вином. Аполка расправила смявшиеся рукава, одернула платье и медленно поднялась по увешанной оружием лестнице. Двери в Сакаци не запирали, и женщина спокойно вошла в спальню мужа. Нет, в чужую!

Двое — мужчина и женщина — миловались на медвежьих шкурах. Догорали странные голубые свечи, на вспотевших телах танцевали блики, осыпали их прозрачными лепестками, двигались вместе с любовниками, загорались и гасли. Смеялась и стонала женщина, хрипло дышал мужчина, крыльями метались черные волосы. Нужно было бежать, пока ее не заметили, но Аполка сперва растерялась, а потом узнала Барболку. Сакацкая господарка любила не старого мужа, а молодого витязя, и как любила! Жена Миклоша в сладкой дрожи смотрела на запрокинутое лицо, прекрасное в своем безумии, полуоткрытые губы, отражавшие голубое мерцанье глаза. Такой алатку Аполка еще не видела, но она и себя не видела, когда с ней любимый. Каждый имеет право на счастье, она не выдаст Барболку и ее витязя, кем бы тот ни был...

Женщина звонко и счастливо вскрикнула, мужчина приподнялся на локтях и вскинул голову, темные пряди липли к высокому лбу, он победно улыбался, сверкая зубами. Это был Миклош!

3

Она не помнила, как выскочила из проклятой спальни. Мир рухнул, рассыпался на тысячи ядовитых острых шипов, впившихся в сердце, в глаза, в разум. Все было обманом, все с самого начала! Свекор ни при чем, это Миклош затащил их в Сакаци, а с черномазой грудастой тварью он спутался еще на ее свадьбе. Пал слеп, как крот, ему ли следить за прыгнувшей в господарки девкой с пасеки!

В плечи вцепился мокрый холод, и женщина, очнувшись, завертела головой. Как она оказалась на стене? Хотела броситься вниз? Ну нет, этому не бывать! Принцессы не кончают с собой, они мстят. Миклош и Барболка пожалеют, что они встретились, что они во-

обще родились на свет, но Пал ей в этом не помощник. Сакацкий господарь не пойдет против сына сюзерена или... уже не пошел?

Теперь Рафаэла понимала, почему слуги и витязи смотрят на нее с сочувствием. Любовники не таились, да и что таиться в краю, где взять невесту из-под господаря чуть ли не подвиг?! Создатель, как же она раньше не видела, ради кого позабыла себя? Дикарь! Сын Матяша Мекчеи! Создатель, да алаты предатели во всем, а Мекчеи — изменники даже по здешним меркам! Они носят эсперы и пляшут с демонами, присягают на верность и готовят мятеж, клянутся в любви и топчут ее вместе с пасечницами и скотницами.

Миклош предал не только жену, он изменил королю и Создателю, и он ответит за это! Вместе с отцом, Карои, всеми заносчивыми господарями и похотливыми господарками. Пусть свекровь всю жизнь глотает измены Матяша, Анна-Паола-Рафаэла Агарийская исполнит свой долг перед короной и Создателем. Дядя узнает не только то, что было и есть, но и то, что замышляется, но сначала нужно выбраться из пропитанного изменой и богохульством Алата. Лукача она не возьмет, что она скажет спящей с ним кормилице, да и с ребенком на руках далеко не уйти! Ничего, сына она вернет потом... Дядя сделает его алатским господарем, нет! Хватит с нее господарей! Лукач Мекчеи станет агарийским герцогом Лукой-Антонианом.

Рафаэла прислушалось, было тихо, только ветер тряс мокрые ветки да гнал через луну облака, обещая скорую оттепель. Ее никто не заметил, это был добрый знак. Женщина, срывая на ходу ставшие отвратительными серьги, бросилась в свои покои. Миклоша не было, а ведь, заметь он жену, торчал бы сейчас на пороге с какой-нибудь ложью, но куда там! Он был так занят! Примолкшая было ярость снова зарычала, но в этот раз Рафаэла не дала захлестнуть себя с головой.

Женщина тщательно и тепло оделась, затолкала сброшенное платье в сундук, смяла постель, разложила вышивки, пусть думают, что она ненадолго вышла. Кошелек с золотом Рафаэла спрятала под юбками, второй, с серебром и медяками, повесила на пояс. Главное, добраться до постоянного двора на тракте, но к утру она там будет. Недалеко от Яблонь есть святая обитель, ее настоятель — достойный и верный человек, как она могла о нем забыть?! А как она могла забыть о родителях, сестрах, дяде?! Как же она перед ними виновата, но она все исправит, она и так наказана за свою глупость и — это Рафаэла теперь понимала отчетливо — предательство!

Вера Камша

Жена Миклоша Мекчеи натянула меховые рукавицы и второй раз за ночь покинула спальню. Судьба, ударив наотмашь, сменила гнев на милость: ни на дворе, ни у конюшен никого не оказалось, а ворота стерегущиеся нечисти алаты оставили открытыми, и от суеверий бывает польза. Никем не замеченная, Рафаэла перешла мост и ступила на сплетенную из качающихся теней тропу. Страшно ей не было, чего бояться тому, кто потерял все, кроме мести? Зачем, ну зачем Миклош лгал?! Агарийские принцессы знают свой долг, она бы достойно приняла любого выбранного родными жениха, но алат заставил себя полюбить, а потом швырнул эту любовь в хлев!

Из омута горечи Рафаэлу вырвал тележный скрип и стук копыт. Кто-то ехал в сторону Яблонь. Нужно успеть! И жена Миклоша успела. По тракту неспешно ползла повозка с бочками, за которой трусила беспородная собачонка. Пегая длинногривая кобыла словно спала на ходу, возница, молодой круглолицый парень в щегольской шляпе, тоже клевал носом, рядом примостилась грудастая крестьянка средних лет в вышитом полушубке, а на бочках развалился черноусый здоровяк, явно подвыпивший.

Рафаэла закричала, и ее услышали. Баба ткнула возницу в бок, тот шевельнул поводьями, лошадка остановилась, уютно поведея ушами, отчаянно завилыла хвостом подбежавшая собачонка. Дочь герцога никогда не ездила на крестьянских телегах, но это было лучше, чем идти пешком. Агарийка приняла протянутую руку и в мгновение ока оказалась наверху рядом с черноусым. Тот равнодушно зевнул и вновь откинулся на спину, парень лениво шевельнул поводьями, лошадка тряхнула гривой и мерно затрусилась навстречу выплывшему из туч лунному огрызку.

Глава 2

1

— Гици! — донеслось сквозь дверь и сон. — Гици, тут... Беда вроде!

Зашевелился, осторожно разжимая объятия, Пал, но Барболка уже проснулась и села, обхватив руками плечи. Ночь и не думала кончаться, в окна хлестал нешуточный дождь. Зиме конец, но в эту пору по Алати лучше не ездить, завалит — не заметишь.

Пал уже вставал, Барболка вскочила, принялась помогать. Сперва муж от ее заботы терялся, теперь оба привыкли. Пал вы-

Белая ель

шел первым, Барболка наскоро натянула юбки, косы переплетать не стала — не до того, выбежала из спальни. Сакацкий господарь слушал дядьку Пишту. Рядом стоял Янчи, мокрый, как утопленник.

— ... не поверили, думали, перепил Мати-то, но пошли поглядеть. Точно, нет господарки! Оделась да ушла. Мы — в погоню. За мостом следы были, к тракту она бежала, а дальше как кошка слизала, а тут дождь еще. Вечер ясный был, и вдруг как из ведра.

— Миклош-то что говорит?

— Да не знал он ни кошки! Спал, насилу разбудили, а к сынку господарка не заходила. Кормилица б с нянькой заметили.

Пал потер переносицу, Барболка знала эту его привычку. Сейчас скажет седлать коней.

— Ума не приложу, что на нее накатило? — Миклош, краше в гроб кладут, стоял на пороге. — Вечером человек человеком была. Может, Барболка чего приметила?

— Ничего, — Барболка для вящей убедительности тряхнула головой. — Про рябину мы говорили, откуда она взялась, про Охотников вечных... Аполка веселая была, домой не хотела.

— Не хотела, а ушла, — пробормотал Пал. — Ладно, дождь не дождь, а искать придется. От собак толку мало, но все равно взять надо...

Барболка знала, что это за «все равно». Если Аполку засыпало хоть снегом, хоть камнями, псы почуют. Да и хозяев предупредят, что склон ненадежный или на дороге кто-то не тот. Темная Ночка давно миновала, до Серебряной — полторы луны, а нечисти по зиме удержу нет.

— Барболка, — Пал взял руки жены в свои, — ты иди, досыпай. Нечего зря свечки жечь.

— Хорошо. — Ужасно захотелось зареветь и повиснуть на шее у мужа, но Барболка сдержалась, не до нее людям сейчас. — Я лягу.

— Вот прямо сейчас и ложись, — распорядился Пал и вышел. Не знать, что слепой, нипочем не скажешь, да и не помогут сейчас глаза, разве в эдакой круговерти чего сыщешь?! Самим бы не пропасть.

2

Во дворе грохнул колокол, что-то громко проорал дядька Пишта, заскулили и взлаяли недовольные собаки. Барболка тихонько вернулась в спальню, но не легла, а села возле окна. Мешать она не станет, но как тут уснешь?

Вера Камша

Внизу метались, сражаясь с дождем и темнотой, факелы, потом выстроились в цепочку, рыжей живой ниткой потянулись во тьму и растаяли, оставив Сакаци во власти дождя и ночи.

— Мяу!

А это еще откуда? На кровати, поджав ножки и капризно отставив губку, сидела девчонка с ландышевой поляны.

— Мяу! — сказала она и хихикнула.

— Ты откуда? — нерешительно спросила Барболка.

— Из башни, — заявила гольшка, поправляя жемчужное ожерелье, которым можно было дважды обвязать ее вокруг пояса. — Все ушли... скучно... И ты скучная. Давай танцевать!

— Не до танцев нам, — вздохнула Барболка. — Аполка ушла.

— И пусть, — засмеялась девчонка. — Глупая она... Как дым... Как сухие листья... Они не летят, их несет. Крыльев нет, жизни нет, ничего нет... Не надо на них смотреть, не надо их ловить...

Почему она так? Она же Аполку не знает! Жена Миклоша такая добрая, так любит мужа и сына.

— Любовь — ветер, нелюбовь — дым, — теперь ведьмочка стояла на подоконнике спиной к ночи, — не летаешь — не любишь, не пускаешь — не любишь, не видишь — не любишь...

О чем она? Почему дым? Аполка пропала, остальное неважно!

— И ты глупая, — девчонка склонила голову на плечо, — не хочешь танцевать. А раньше хотела, помнишь?!

Ландыши, звезды, темная ель, звон родника и лучший сон в жизни.

— Пал, ты вернулся? Так скоро.

— Вернулся. Зачем гоняться за дымом? — Седой господарь улыбнулся и притянул Барболку к себе. — Мне нужна ты, а не улетевшие листья.

— Ты... ты видишь?!

— Тебя я всегда видел. — Пал подхватил жену на руки, его лицо было близко-близко. Родное, знакомое, любимое, но с шальными живыми глазами, в которых дрожали голубые огоньки. — Слепых больше, чем зрячих, но я вижу. И ты видишь... И Миклош, хоть и дышит дымом чужого костра.

Почему она забыла, как Пал красив? За делами это стало не так уж и важно. Но когда он прозрел и где Аполка?!

— Не думай о ней. — Горячие губы, сильные руки, дождевые капли в седых волосах. — Не забывай о себе — счастье упустишь... Не гляди лишь на себя — счастье задушишь... Радуйся, Барболка, радуйся...

Белая ель

— Пал, что с тобой?! Это не ты! Не ты! Охотнички вечные, кто здесь? Покажись! Кто б ты ни был, покажись, каким есть!

Ветер... Ветер и звезды с острыми синими лучами, смех колокольчиков, запах ландышей и калины. Крылатое создание, спутница, ветропляска, встает на цыпочки, вскидывает тонкие руки, закидывает назад юную голову, смеется весело и призывно. Не скажешь, девушка или парень, а может, сразу и то и другое. В черных с просинью локонах голубеют цветы. Нет, не цветы, святые эсперы, только почему они голубые?

— Весна возвращается. — Шалые глаза совсем близко, на губах тает поцелуй, легкий, как ветер, и звенят, звенят колокольчики. — Запомни, все возвращается, ты вернешься, и к тебе вернуться. Не бойся... У тебя крылья, у твоих двоих крылья... Не ломай их, не жалей дым... Не дыши дымом! Зачем горько, когда сладко? Не пускай дым назад. Дым не возвращается. Возвращается не дым...

— Уходи! Прошу, уходи... Оставь нас в покое, всех оставь, слышишь?!

— Оставлю. — Танцуют тени в углах, танцует пламя свечей, танцует дождь за окнами и серый робкий рассвет. — Ты не хочешь танцевать, зачем мне ты? Двое бегут за дымом, зачем мне дым? Скоро весна... Новая весна, новый танец... Я тебя вспомню... И твоих двоих вспомню... Может быть...

3

Барболка проснулась с жемчужным ожерельем в руке. Тем самым, из сна, который оказался правдой. Сакацкая господарка кое-как оделась и выглянула в окно. Пал с Миклошем не вернуться, пока не отыщут Аполку или пока не истает последняя надежда. Барболка не понимала, что нашло на подругу, разве что встретила с крылатой плясуньей да в рассудке помутилась, но чернявый перевертыш не казался ни страшным, ни злым... Так, котенок, хоть и с коготками.

Злиться на крылатую спутницу сакацкая господарка не могла, ведь та ее спасла, привела в Сакаци, да и с мармалоцей, видать, подсобила, только зря ветропляска прикидывалась Палом... Хорошо, что муж никогда не узнает, с кем спутала его жена, о ком плакала, проснувшись в свадебной постели. Барболка убрала нежданный жемчуг в шкатулку — будет время, отнесет его на ландышевую поляну, пусть на ели висит, лес да небо радует.

Вера Камша

Женщина наскоро обкрутила вокруг головы косы и побежала к маленькому Лукачу. Мальчик спокойно спал, зная не зная, что остался без матери. А может, с Аполкой все в порядке и ее везут домой? Барболка перекинулась парой слов с кормилицей, заглянула на поварню. Раскрасневшаяся Моника пугала товарок мармалюцей, уцелевшая внучка держалась за бабкину юбку, в печи горел огонь.

Поздоровавшись, господарка ухватила горячую горбушку, густо посыпала солью с перцем и плюхнулась на лавку, слушать женскую болтовню. Из поварни все виделось по-другому, казалось сказкой, глупой, но совсем не страшной. Барболка блаженно жевала теплый хлеб, когда вбежавший конюшонок завопил: «Едут!»

— Нашли, — провозгласила Моника, подняв палец, — гици б так быстро не вернулся.

— А то ж, — откликнулась Анелька, — господарь, он такой, его со следа не собьешь.

Господарка бросилась к воротам вместе со слугами. Всадники как раз въезжали на мост. Рыжий Пала и вороной Миклоша мерно шагали голова в голову, меж коней провисала ловчая сеть, в которой лежало что-то длинное, закутанное в плащ. Сзади, по трое в ряд, ехали витязи. С башни, хлопая крыльями, взвилась птичья туча, громко и отчаянно взвела дворовая сука, ей ответили десятки собачьих глоток.

— Не жилица, — перевела Моника. Остальные промолчали.

Пал спрыгнул с храпящего коня, потрепал по мокрой шее. Барболка не хотела при всех хвататься за мужа, но ноги сами сорвались с места. Женщина повисла на шее своего господаря, откуда-то взявшиеся слезы выплеснулись наружу, потекли по щекам.

— Что ты? — пробормотал Пал и повторил: — Что ты...

— Ты вернулся, — и плевать, что их видят все, — вернулся!

— Конечно, — муж быстро прижал ее к себе, — беды-то... Мы и Аполку нашли... Жива, хоть и без памяти. Повезло ей, еще два шага, и все!

Подруга была жива, но Барболку отчего-то это не обрадовало. Вцепившись в Пала, сакацкая господарка смотрела, как притихший Миклош несет на руках показавшийся страшным сверток. Собачий вой стал нестерпимым. Псаря силком затаскивали ошалевшую свору в замок, в небе толкались, сыпали снежными ошметками серые облака.

— Дым не возвращается, — прошептала Барболка, — возвращается не дым...

Бывает, человек то ли спит, то ли в обмороке, сердце бьется, грудь дышит, а не добудисься. Так и Аполка. Жила, как во сне, а теперь и вовсе уснула. Оставалась одна надежда — на ученых столичных лекарей, но до них еще нужно было добратся. Миклош почти не сомневался, что врачи только и смогут, что руками развести, зато в Крионе *скажут*, что сын алатского господаря уморил агарийскую принцессу. Ничего хорошего от этого ждать не приходилось, да и Аполку было жаль. Виноватым Миклош себя не чувствовал, другой на его месте от опущенных глаз да вышивок давным-давно бы десяток подружек завел, а он терпел, оттого, видать, и снилась ему Барболка. Жаль, больше не снится, как отрезало.

Смотреть на живую Барболку было мучительно, но расстаться с ней навсегда Миклош не мог. Вот и тянул с отъездом, пока не придумал, как цаплю с кречетом помирить, а заодно и отца успокоить. Надо оставить Лукача на попечение Пала и Барболки. Агарийскому королю до Сакаци не дотянуться, а спящую Аполку пускай забирают в Крион да лечат, авось вылечат. Миклош совсем было собрался идти к сакацкому господарю, просить за сына, и тут вбежал слуга. Господарка очнулась и зовет мужа. Миклош бросился в спальню.

В полумраке лицо жены казалось слепленным из снега, только глаза зеленели болотной травой. Агарийка еще никогда не казалась более красивой и менее желанной. Больше того, Миклошу мучительно захотелось оказаться подальше от утонувшей в лисших одеялах ослепительной красавицы.

— Увези меня отсюда, — Аполка рванулась навстречу мужу, огромные глаза заволоклись слезами, — я умру здесь! Меня убьют!

— Глупая, — Миклош мужественно поцеловал белую щеку, — кто тебя убьет? Пал и Барболка?

— Пал и Барболка нет, — затрясла головой Аполка, — я их люблю, они меня любят. Другие. Придут и убьют. Меня, тебя, Лукача, Миклоша...

Заговаривается, хотя чего тут удивляться. В здравом рассудке по ночам в горы не убегают.

— Зачем тебе два Миклоша? — Нужно погладить ее по волосам, но как же не хочется!

Вера Камша

— У нас будет сын, — прошептала агарийка, — Миклош. Его Моника отдаст мармалюце...

— Горюшко ты мое! — простонал Мекчеи. От сердца отлегло, от беременных какой только дури не услышишь. — Давно знаешь?

— Нет! — Аполка вскочила в постели, глаза ее блестели. — Миклош, я тут чужая! Моего сына зарежут, чтоб своих не трогали.

— Ты роди сперва, — пошутил Миклош. — Может, вообще девочка будет.

— Сын, — упрямо сжала губы жена, — он будет великим господарем. Если его не убьют... Моника меня ненавидит...

Моника? Миклош с трудом понял, о ком речь. Кажется, о стряпухе, у которой давешняя мармалюца утащила двух внучек. Дернуло ж его рассказать об этом жене. Наследник господаря сжал зубы и таки погладил больную по волосам. Это стало последней каплей: Аполка вцепилась в рубашку мужа и разрыдалась.

2

Грязный, слежавшийся снег, черные деревья, низкие облака, впереди — перевал, сзади — любовь. Аполка звала Барболку с собой, и он тоже звал, но чернокосяя гица гостевать у господаря отказалась, осталась в Сакаци. Кто знает, когда они свидятся и свидятся ли, а вот на законную жену придется любоваться день и ночь.

Миклош сам не понимал, с чего ему опротивела Аполка, а та, как назло, липла не хуже репья к собачьей шкуре. И ведь хороша до одури, а через порог и то смотреть тошно. Наследник Матяша подкрутил усы и уставился на дорогу. Говорить не хотелось ни с кем, даже с Янчи. Мекчеи не должен бросаться на людей, как цепной пес, но он может не сдержаться.

— Миклош!

— Что такое, милая?

— Миклош, мне... надо съехать с дороги.

Говорил же, незачем лезть в седло! И уезжать незачем, но с беременной спорить, что воду копать. Витязь хмуро послал вороного за соловой кобылкой, жеребец полностью разделял негодование хозяина, однако Миклош вынудил упрямяца подчиниться. Кони провалились по брюхо, но быстро выбрались на покрытую наледью тропу. Алатский наследник торжественно снял супругу с седла, едва не сплюнув от отвращения, когда маленькие ручки обхватили его шею. Аполка была зеленой, как покойница, и все равно прошептала:

Белая ель

— Не подглядывай!

Агарийка и есть агарийка! Умрет, но блевать на людях не станет. Витязь с готовностью отвернулся. С еще большей готовностью он вскочил бы на коня и поскакал в Сакаци. Или в Вешани. Или еще куда-нибудь, где нет зеленоглазой надоеды. Нет, не останется он с Аполкой до родов, пусть хоть изойдет на слезы, приставит к ней десяток лекарей, и бежать! Дело найдется. Хоть крепости приграничные проверять, хоть новых лучников до четвертого пота гонять.

— Миклош, помоги! — порозовевшая Аполка тянула к нему белые пуховые варежки. Рядом топталась кобылка, на которую столетняя бабка и та бы без помощи вспорхнула. Не можешь с лошадью управиться, лезь в телегу или сиди дома.

— Сейчас, любовь моя!

От поцелуя увернуться не удалось, и настроение испортилось окончательно. Супруги выехали на тропу, и тут откуда-то взялась белка. Зверушка громко цокнула и перескочила со ствола на ствол, обрушив вниз снежную шапку. Этого оказалось довольно: Аполкина кобыла испуганно шарахнулась от страшного зверя, наездница, завизжав, выпустила повод, соловая подскочила на всех четырех ногах и очертя голову помчалась по тропе, подгоняемая воплями очумевшей со страху дуры.

Миклош от души выругался и стремительно развернул вороного. Горе-наездницу следовало остановить, пока она не рассадит себе голову о какой-нибудь пень. А неплохо бы... Витязь поразился подлой мысли и торопливо послал коня за исчезающей в ельнике женой.

3

Ландышей не было, был слежавшийся синий снег, в котором тонула знакомая поляна. Ручей весело скакал по своим валунам, только никто на них не танцевал. А она чего ждала? Барболка сунула руку за пазуху, нащупав приبلудное ожерелье. Бросить в воду или на ель повесить?

Хорошо все-таки, что она не поехала с Аполкой в столицу, уж больно чудной та стала, когда проснулась. Вроде все как раньше, а муторно и дышать тяжело. Барболка терпела, сколько могла, но в последнюю ночь не выдержала, сказала Палу. Тот долго молчал, перебирая косы жены, потом махнул рукой:

Вера Камша

— Оставайся. Сердце, оно больше головы знает. Скажу, нельзя тебе.

И сказал. Миклош с Аполкой уехали, и тут сакацкой господарке приспичило ветряное ожерелье отвезти, а Пал с ней отправился. И хорошо.

— Барболка, — рука витязя легла на плечо жены, — родник я слышу, а что здесь еще?

— Ель, — принялась объяснять женщина, — посреди поляны. Большая, больше я и не видала. Камни серые, и в ручье, и рядом. Летом тут ландыши растут, а сейчас снег везде, только валуны голые.

— Один на лошадиную голову похож? — спросил Пал странным голосом. — И на нем трещина, словно молния?

— Да, — удивленно кивнула гица.

— Я видел это место. Во сне. И тебя тоже видел. Ты пела, в волосах у тебя были ландыши. Я тебя целовал, а ты смеялась.

Это был Пал, а не ветропляска! Пал! Им приснился один и тот же сон, в котором Пал был здоров, но сны уходят.

— Жизнь бы отдала за твои глаза, — прошептала женщина.

— Не говори так никогда! Слышишь, не говори! Да еще здесь! Что с ним? Он еще никогда на нее не кричал. Как же он ее любит! А она? Перевертыш совсем ей голову заморочил.

— Прости, — тихо сказал муж.

Он ее никогда не обидит, а вот она...

— Я, когда на пасеке жила, — торопливо затараторила Барболка, — часто сюда ходила.

— Не только ты. — Пал опустил на камень. — Непростая это поляна. Я слепой, а знаю, где — валуны, где — елка. На краю бересклет растет?

— Растет... Не осыпался еще.

— Он всегда в таких местах растет. Здесь охотники коней пойли да спутники плясали. Где они пляшут, ночь светлее, даже моя...

— Я видала ветропляску, — прошептала Барболка, — и здесь, и в Сакаци тоже. Пал, я люблю тебя. Ты даже не знаешь как.

— Знаю. — Черные глаза близко-близко, ну за что ему эта ночь вечная?!

— Спой, — попросил Пал, — что тогда, на дороге.

Барболка глянула в розовеющее небо и тихонько запела:

*— В алом небе молния, молния,
О тебе всегда помню я.
В синем небе радуга, радуга,
Ты целуй меня, целуй радостно...*

Проклятая кобыла оказалась на удивление выносливой и резвой. Миклош гнал вороного галопом, но единственное, что ему удавалось, — это не потерять Аполку из виду. Бросить бы дуру и вернуться, но есть вещи, которые убивают не хуже меча. Жил человек, жил, потом сотворил несотворимое и умер. Вроде ходит, говорит, ест, а на деле — упырь, мармалюца, гость холодный. Нельзя женщину в лесу бросать, даже если она тебе муторней жабь болотной. Нельзя, и все.

Соловая вскинула задом и снова свернула. Миклош и представить не мог, что в Черной Алати больше дорог, чем в Агарии. Аполка давно уже не кричала, но в седле каким-то чудом держалась, только долго так продолжаться не может. Вороной на пределе, еще немного, и упадет, да и смеркается уже. Через час себя не поймашь, не то что одуревшую лошадь. Путь перегородил сучковатый ствол, и витязь придержал жеребца, не будучи уверен, что бедняга с ходу перескочит преграду. И как только здесь прошла соловая? Взгляд Миклоша скользнул по дороге, впереди лежал нетронутый снег, на котором отпечатались цепочка следов, но какая-то странная. Словно у оставившей ее лошади была лишь одна нога. Морок одноногий! День по кругу водил, ночью за горло схватит!

Сын Матяша по праву считался отважным, но сейчас ему стало жутко. Лес стоял частоколом, небо темнело, только на западе багровела закатная стена. Куда его занесло, Миклош не представлял, но когда теряешь дорогу в дурном месте, доверься коню. Витязь отпустил поводья, вороной всхрапнул, свернул с тропы и, увязая в рыхлом снегу, бросился прочь от ошкетинившегося сучьями бревна и страшного следа.

Погони Миклош не боялся, время у него еще было, пусть и немного. Нечисть боится закатной бездны сильнее ночной тьмы и дневного света, но рябиновый час короток, и после него нет человеку защитника, кроме себя самого. Поддашься страху — тебе конец, не струсить — может, и доживешь до рассвета. Мекчеи был не из робких. Когда проклятая тропа скрылась из глаз, витязь остановил коня на какой-то прогалине, торопливо содрал подбитую мехом куртку, стащил рубаху, снова оделся, обтер теплым полотном взмыленного коня и вновь вскочил в седло. Жеребец тряхнул гривой, принюхался и уверенно порысил на закат. Судя по всему, ничего страшного рядом не бродило. Наоборот, было

Вера Камша

на удивление спокойно, а потом Миклош услышал песню. Кто-то пел прямо в лесу, чистый, звонкий голос сливался с ветром, а может, это пел ветер, обещая весну, птичьи стаи в синем небе, высокую радугу над зеленым юным лесом.

Песня рвалась сквозь сгущающиеся тени, разгоняя страх и одиночество. Замученный жеребец и тот вскинул голову и радостно заржал, и ему ответили другие кони. Выбрался! Вечные Охотники, выбрался!

5

Барболка смотрела на Миклоша Мекчеи и не верила своим глазам. Сын господаря уехал в полдень с женой, сыном и немалым отрядом, а вернулся один-одинешенек. Конь заморен, сам без плаща, и лицо какое-то странное.

— Кто здесь? — хрипло спросил муж.

— Я, дядька Пал, — пробормотал Миклош, глядя на Барболку, — заблудился...

— Поезжай вперед, птиченька, — бросил Пал, и Барболка тронула поводья. Недавняя радость сложила крылья, отчего-то стало страшно. Женщина глянула в догорающее небо. Как они задержались там, у ели. И ожерелье она повесить забыла. Барболка тронула теплый жемчуг, стало немного легче. Почему вернулся Миклош? Почему ее отослали? Она не Аполка, всякое повидала.

— Барболка! — вдруг крикнул Пал. — Поворачивай! Скачи к ели, нас не жди.

Назад? Почему? Ласка уже повернула, помчалась голова в голову с конем Пала. Вороному Миклоша было не угнаться за свежими лошадьми, и муж придержал Кремня. Ему, значит, можно! Барболка натянула повод, переводя кобылу в легкий галоп.

— Барболка, вперед!

— Нет, — дерзко выкрикнула господарка-пасечница, — взял за себя, так не гони!

Пал не ответил. Значит, услышал.

Конские копыта ломали ночную тишину, словно весенний лед, справа выплыл из-за иззубренной еловой стены умирающий месяц, полетел рядом с всадниками. Дурная примета. Как долго они скажут, целую вечность, но вот и поляна. Туманная дымка над неугомным ручьем, светлые камни, дерево рвется в небо черной диковинной башней.

Пал останавливает Кремня, прыгает на землю.

Белая ель

— Отпустите коней.

Барболка зацепила поводья за седельную луку. Ласка потянулась к хозяйке мордой и вдруг вскинула голову, захрапела от ужаса и бросилась к ручью. Кремень и вороной Миклоша кинулись следом и замерли посреди текущей воды.

— Где они?

— В ручье.

— Они знают, что делают. Барболка, живо на конский камень. Миклош, подсади ее.

Конский камень? Ах да... Сильные руки подхватывают женщину, ставят на валун среди ручья. Тот самый! Миклош помогает Палу взобраться на соседний, храпят и жмутся друг к другу забившиеся в воду кони. Охотнички вечные, Магна! С ребенком... Опять за свое взялась!

— Миклош, — кричит мельничиха, — где ты, Миклош? Почему ты меня убил? Почему забрал золото? Почему отпустил помощничков? Теперь тебе на меня работать не переработать...

6

— Миклош, — зовет Аполка, — где ты, Миклош? Почему все время уходишь?

— Миклош, — отец в иссеченном гайифскими саблями доспехе зажимает рану рукой, — где ты, Миклош?

— Миклош, — Янчи со связанными руками опускается на колени, на щеке рабское клеймо, — где ты, Миклош?

— Миклош, — Барболка тянет к нему обнаженные руки, — где ты, Миклош?

Барболка?! Но вот же она! Рассыпаются, стекают с трех лиц родные черты, три Аполки стоят и смеются, четвертая поднимает над головой белый сверток:

— Возьми сына, Миклош, мне тяжело его держать, я его сейчас уроню...

Весь мир заполняет отчаянный плач. Это не морок. Все, что угодно, только не это!

— Нет! — вскакивает Миклош. — Не смей!

— Я тебя вижу! — кричит первая Аполка.

— Поцелуй меня, — улыбается другая, сбрасывая с плеч сорочку.

— Накорми меня, — просит третья.

— Иди ко мне, — обещает четвертая, — иди, я отдам тебе сына.

— Будь ты проклята, ведьма!

Вера Камша

- Ты сам себя проклял!
- Ты меня обманул!
- Ты меня не любишь...
- Твоя клятва на твоей шее, твой грех на твоём сыне.
- Иди ко мне, Миклош... Ты — мой, сын — твой. Отдай себя, возьми его. Смотри, вот он, вот!
- Будь по-твоему, гадина!
- Стой! — Хватка у сакацкого господаря была все еще крепкой. — Не ходи... Себя погубишь, сына не спасешь.
- Пал, я должен!
- Нет!

7

Это сын Миклоша! Охотнички вечные, это сын Миклоша!

Пал держал господарского сына за плечи, хрипели, роняя ключья пены, ошалевшие от ужаса кони, а на краю поляны смеялась, трясла белым свертком Магна, поправляя шляпу Феруш, сунул брови папаша да крутила хвостом довольная Жужа. Отец, бывший жених, убитая ведьма, собака... Они знали Барболку Чекеи, они пришли забрать свое... Ну почему, почему за нее должны платить Миклош, Аполка, их ребенок? Она сама за себя ответит!

Барболка судорожно вздохнула и перекинула косы на грудь. Жить хотелось отчаянно, до воя, но ничего не поделаешь, сама во всем виновата. Взяла браслет из дури да корысти, отдавай теперь руку с головой.

Жужа шагнула вперед, из открытой пасти вывалился язык, словно в жару. Феруш поправил жилетку, Гашпар Чекеи ругнулся и поскреб голову, будто со сна. Магна осклабилась и еще выше подняла ребенка. Ведьма подлая, она же всегда всех ненавидела, такие только и умеют, что злобствовать да завидовать. Их хоть в золоте купай, хоть на облако посади, все одно ядом изойдут и все вокруг потравят.

Барболка снова глянула на разряженную мельничиху, слишком подлую, чтоб ее бояться, и рванула гребни, отпуская на свободу волосы. Таких кос у Магны на этом свете не было и на том не выросло.

Теплый водопад окутал плечи, стало легко и весело, словно в танце, и господарка сакацкая соскочила с камня и сперва пошла, а потом побежала вперед к упивающейся победой твари.

— Барболка! — крик Пала резанул по сердцу и стих.

Белая ель

— Барболка, нет! Не-е-ет!!! — Миклош, а ему-то что до нее? Сына б лучше стерег...

Плач Лукача, конское ржанье, шум ветвей, лунные искры в глазах, сзади ничего нет, впереди — ведьма. Глаза зеленые, словно зацветший, становящийся болотом пруд, богатые серьги, дареный знатным любовником золотой браслет... А жемчуга ветряного не хочешь, гадина ты ядовитая?!

Как втекло в руки белое ожерелье, Барболка не поняла, но изловчилась захлестнуть им полную белую шею. Мельничиха рванулась, заревела дурным голосом, выронила ребенка, замолотила по воздуху серыми копытами, в нос ударила вонь век нечищеного стойла. Исчезла Магна, ровно никогда не бывала, только седая ослица рвалась с жемчужного повода.

— Мармалюца! — Кто кричит? Миклош? Пал? Она сама?

Чудище из ночных мороков клацает бурыми зубами, из ноздрей валит ледяной пар, руки немеют, но она сдержит мармалюцу, ведь там, сзади, Пал...

Охотнички вечные, помогите! Как она оказалась на плешивой жирной спине? Как держится? Надо прыгать, только нельзя: ночь не кончилась, мармалюца вернется, второй раз ее не поймать. Холодное чудище визжит, бьет задом, скачет на четырех ногах, вскидывается на дыбы, но она не выпустит тварь, ни за что не выпустит! Мармалюца ревет, срывается с места, несется сквозь черный гниющий лес. Впереди — болото, голодное, страшное. Откуда оно? Рядом с Сакаци — горы, горы и лес...

Бесконечная бугристая равнина, жидкие камыши, под нечистым льдом — бездонная прорва, в ней так долго умирать... Трещит, ломается ненадежный предвесенний лед, чавкает под копытами проснувшаяся топь, всплывают со дна, лопаются черные пузыри. Не спрыгнуть, уже не спрыгнуть. Но и тварь упустила срок, ей теперь не найти путь назад, самой — не найти.

Глаза ест зеленый дым, сердце сейчас разорвется... Не сердце — связавшая тварь ветровая нить. Веером разлетаются в стороны белые теплые искры, наливаются рассветной кровью, падают на лед, в воду, в грязь. Вскрикивают и смолкают колокольчики, растет, приближается бурая полынья, длинная, похожая на сапог, над ней пляшет, кривляется зеленое марево. Мармалюца визжит, рвется вперед и тает, растекается липким гнилостным туманом.

Щетка болотной травы, несытая, холодная жижа, пустота, падень... Охотнички вечные, как же страшно! Мамочка, Пал!.. Всё...

ЭПИЛОГ

J. Brahms. Ungarische Tänze Nr 5¹

Одинокий крик, смерть, тишина и красное небо над черным зубчатым лесом. У любви, у счастья и у боли одно имя — Барболка. Теперь Пал Карои это знает, но почему?! Почему она, а не он...

— Пал! — Матяш, откуда он здесь? Сам молодой, а волосы вовсе белые. — Пал, что с Барболкой?!

— Умерла.

Она умерла, а он прозрел, когда Барболка на краю пропасти выкрикнула его имя. Прозрел, сквозь горы увидав ее смерть, узнав, что певунья с пасеки была именно такой, какой он видел ее в своих снах. До последней черточки! Старая поляна вернула ему свет и забрала Барболку. Зачем ему свет?

— Нет! — закричал побратим, сжимая кулаки. — Неправда, не верю!

Матяш может не верить. Счастливый, он не видел, как погибает его любовь, а он видел и ничего не мог... Ни остановить, ни прикрыть собой, ни хотя бы умереть вместе с ней.

— Это неправда, — повторял Матяш, — почему она?! Почему не я?

Так ты тоже ее любил, парень? Что ж, значит, и тебе теперь жить лишь половиной сердца.

— Бери лошадей, Мати, надо ехать.

— Дядька Пал, я не Матяш...

Миклош?! Сын Матяша? Конечно...

— Ты похож на отца, только Матяш так и не поседел.

¹ Иоганнес Брамс. Венгерский танец № 5, фа диес минор.

Белая ель

— Поседел. В той битве, когда тебя... Охотники вечные!

Пал обернулся. Миклош стоял и смотрел туда, где еще вчера зеленело могучее дерево. От вековой ели остался один лишь ствол, лишенный ветвей и коры. Заря заливала белую колонну кровью, острая черная тень казалась клинком, рассекшим поляну и их с Миклошем жизни на две неравные половины. С Барболкой и без нее.

Громко и требовательно заплакал ребенок, Миклош бросился к сыну. Не к сыну — у серого валуна заходила криком крестьянская девчушка. Миклош Мекчеи поднял малыша на руки. Ни одна смерть не станет концом для всего мира. Будут плакать дети, вставать и садиться солнце, ерошить конские гривы ветер, будет скакать по кругу вечная охота. Из весны в осень, из осени в весну.

*В синем небе радуга, радуга,
Кони пляшут, радуйся, радуйся.
В синем небе ласточка, ласточка,
Ты целуй меня, целуй ласково...*

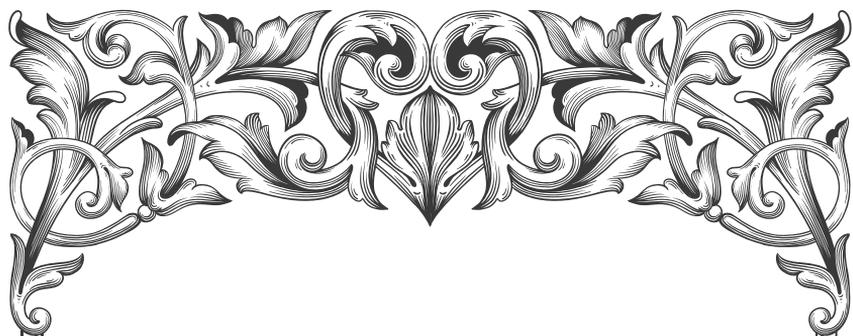
«Ты целуй меня, целуй ласково»... Черные крылья волос, алые зовущие губы, в глазах летят, смеются золотые искры, и звенят, звенят дальние колокольчики. Барболка! Жизнь...

* * *

«В 331 году умер государь наш Матяш Медвежьи Плечи, и по воле Создателя стал над нами сын Матяша, доблестный Миклош Белая Ель. В двадцатый день Весенних Молний въехал новый наш государь на вороном коне в свою столицу, и было с ним множество доблестных витязей, и первым из них следует назвать государя сакацкого Пала Карои, разбившего по осени безбожных гайифских разбойников к вящей радости своего государя и всех добрых людей...»

*Хроника монастыря Святого
Ласло Алатского*

ЛИҚ ПОБЕДЫ

Угрозам подчиняются только трусы.
И сдаются трусы. Такие, как вы...

Ответ САЛЬВАДОРА АЛЬЕНДЕ
на ультиматум генерала Пиночета

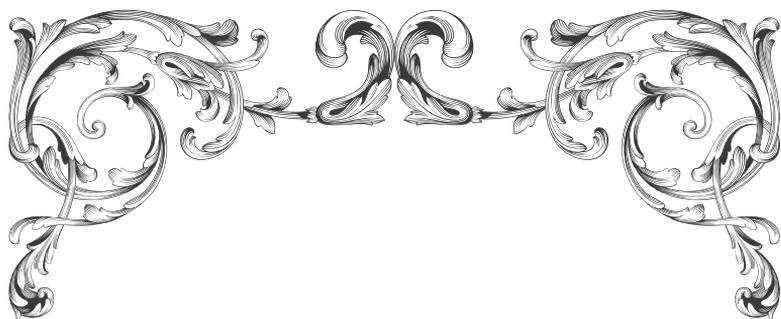

Я хотел бы улыбнуться,
отдохнуть, домой вернуться.
Я хотел бы так немного —
то, что есть почти у всех.
Но что мне просить у Бога,
и бессмыслица, и грех.

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

ЧАСТЬ I

«МАГ»¹

¹ Высший аркан Таро «Маг» означает Личность. Это воля к поступку, самовыражение, индивидуальность, мудрость, тирания, злоупотребление властью. Это человек, обладающий во всей полноте физическими и духовными способностями. Карта означает, что некто достиг желаемого в подвластных ему пределах. **ПК** (перевернутая карта) остается благоприятной. Ситуация под контролем, будущее в ваших руках. Может означать напрасную неуверенность в себе. Тем не менее не откладывайте на потом важное дело.

Мало обладать выдающимися качествами,
надо еще уметь ими пользоваться.

ФРАНСУА ДЕ ЛАРОШФУКО

ГЛАВА I

УРГОТСКИЙ ТРАКТ АГАРИЯ. КРИОН

*399 год К.С. 23-й день Весенних Молний —
1-й день Летних Скал*

1

Триада! Марсель Валме, не веря собственным глазам, воззрился на выпавшие карты. Закатные твари! Триада, впервые в жизни! Виконт с нежностью взглянул на соперника и твердо сказал:

— Удваиваю!

— Сударь!.. Сударь... Четыре часа!

Марсель с трудом приподнял голову, пытаясь понять, на каком он свете и что за мерзавец к нему пристает.

— Сударь, вставайте... Выезжаем.

Герард! Проклятье... Наследник Валмонов с тоской глянул на окно, за которым нагло сияла толстомордая луна. Ночью приличные люди или играют и пьют, или любят своих дам. На худой конец, спят, а тут! Вставать, одеваться, куда-то ехать...

— Сейчас... — Марсель зевнул и уткнулся в подушку.

— Сударь, не засыпайте... Монсеньор ждет...

Леворукий бы побрал Ворона! И его оруженосца заодно, то есть не оруженосца, а порученца... Вот уж где свила гнездо исполнительность! Поняв, что спать ему больше не придется,

Вера Камша

виконт сел на кровати. Четыре часа утра! Кошмар!!! Ложиться Марселию случалось и позже, но вставать?! Несчастный потянулся к разбросанной одежде, с тоской глядя, как его мучитель приводит в порядок бритвенный прибор. Чудовище. Старательное малолетнее чудовище...

— Герард, неужели нельзя хоть раз выспаться?

— Но, сударь, — воистину сей молодой человек уморит кого угодно, — ехать днем слишком жарко.

— Ну и ехали бы ночью, — Марселя разобрало желание поворочать, — зато вставали бы как люди.

— Мы же спешим, — напомнил сынок Арамоны и утешил: — Зато с полудня до шести будет привал.

— До полудня дожить надо, — простонал Валме, принимаясь за бритье. А ведь он мог остаться в Олларии, спать в своей постели... Или не в своей, но спать! В столице были цирюльники, портные, карты, вино, дамы, а тут... Десять дней в седле! Рокэ и его головорезы железные, но мальчишка! На дуралея к вечеру смотреть жалко, а терпит. И еще жара эта...

Марсель с отвращением провел рукой по развившимся взломаченым волосам и принялся одеваться. Первые два дня он еще старался выглядеть дворянином, но Ворон гнал свой отряд безо всякой жалости, и Валме сдался, прекратив завиваться и сменив приличествующий его положению костюм на кэналлийские тряпки. Правда, выглядел он в них не так уж и плохо, и все равно известному своей изысканностью кавалеру неприлично путешествовать без камзола и с разбойничьей косынкой на голове.

С сожаленьем оглянувшись на покидаемую кровать, виконт спустился в общий зал, где получил свою долю холодного мяса и вчерашнего хлеба. То, что шадди не дожидаться, было столь же очевидно, как и то, что вечером не будет вина. Первый изверг Талига заявил, что до Фельпа о выпивке лучше забыть. О выпивке, о женщинах, о сне... Война еще и не думала начинаться, а сколько трудностей!

Когда Валме проглотил то, что называлось завтраком, Ворон был уже в седле. Возле маршала крутились варастийцы и неизбежный Герард. В ответ на пожелание доброго утра Рокэ рассеянно кивнул: он отнюдь не казался сонным, но пускаться в светские разговоры не собирался. Виконт мысленно воззвал к разрубленному Змею, забрался на коня и покинул городок, имя которого тут же забыл.

Копыта монотонно били по пыльной дороге, всадники молчали — Валме подозревал, что кэналлийцы и варастийцы про-

Лик победы

сто-напросто дремлют. Сам Марсель спать в седле, к несчастью, не умел. Несмотря на ночь, которую только Алва мог обозвать утром, было жарко, и виконт старался не думать о том, что его ожидает к полудню. Маршал вел отряд, чередуя кентер и рысь; вдоль дороги тянулись живые изгороди, за которыми расстилались пастбища. Иногда из-за темной колючей стены доносилось мирное сонное блеянье, и наследник Валмонов впервые в жизни подумал, что быть овцой не так уж плохо.

Алва обещал к полудню добраться до Эр-При. Там можно будет что-то съесть и проспать до вечера. Из Эр-При до Ургота рукой подать, то-то Фома удивится! Он ждет Ворона с армией к концу лета, а он тут как тут, правда, без войска. Марсель так и не понял, есть ли у Рокэ план и за какими кошками он спешит, как какой-то курьер. Поход оказался не столь приятным, как думалось, но виконт жалел о принятом решении, только когда его будили. Мужчина, не побывавший на войне — мужчина лишь наполовину! К тому же была надежда, что папенька зачтет воинские подвиги за исполнение сыновнего долга и можно будет увильнуть от очередного посещения отчего дома. Почтительный сын принялся сочинять письмо дражайшему родителю, но тут Рокэ придержал коня и поднес руку ко лбу, взглядываясь в сумеречную даль. Виконт проследил за взглядом маршала и вполне сносно присвистнул — к ним на рысях приближалось десятка полтора конных. Это было поводом для разговора, и Марсель подъехал к Ворону:

— Кому-то не спится.

— Будем надеяться, урготам. Лучшего места для встречи не придумаешь.

— Урготам? — не понял Валме.

— Виконт, — вздохнул Рокэ, — вам ли не помнить, какой сейчас час? Эти люди спешат. На купцов и погонщиков они не похожи, а на гонцов — очень даже. В Эр-При вряд ли случилось нечто важное, зато Ургот и Фельп ждут нападения. Ваши выводы?

Ответить Марсель не успел — Алва дал шенкелей полумориску, кэналлийцы и варастийцы последовали примеру вожака. Гонцы, если это и вправду были гонцы, смешались, явно не зная, что делать: бежать, драться или разговаривать. Их можно было понять, на встречу с Вороном они вряд ли рассчитывали. По всем воинским законам Первый маршал Талига должен быть при армии, которая хорошо если успела выползти из Оллари. И это не говоря о том, что завязанная под грудью рубаха, черная косынка и метательные ножи превратили герцога в сущего разбойника.

Вера Камша

Всадники, однако, пришли к какому-то решению. От общей кучи отделился один и медленно поехал вперед. Еще пятеро выстроились в ряд и подняли мушкеты, недвусмысленно показывая, что намерены защищать парламентаря.

— Они прелестны, — заметил Ворон. — Валме, прошу со мной.

Герцог лениво шевельнул поводом, Марсель, предвкушая роскошный разговор, скопировал движение маршала. Все-таки Алва — аристократ до мозга костей: какая небрежность и вместе с тем какое изящество!

Всадники съехались у облезлого деревца, с которого сорвалась недовольная птица. Чужак и вправду оказался в мундире, видимо урготском, он уже открывал рот, собираясь что-то сказать, но Рокэ его опередил:

— Итак, бордоны расколотили флот славного города Фельпа.

— Сударь, — офицер производил впечатление человека, которому только что дали по голове, — вы... Откуда вы знаете?! Нас никто не мог опередить!

— Успокойтесь, вы первые. Так как прошла битва?

— С... с кем имею честь?

— Герцог Алва, — охотно представился Ворон. — Он же Первый маршал Талига и властитель Кэналлоа, но последнее в нашем случае несущественно.

— Монсеньор... — Гонец чуть было не упал в обморок, но передумал. Окажись перед урготом Леворукий со всеми своими кошками, и то бедняга вряд ли бы потрясся сильнее. Тем не менее офицер поверил, кто перед ним, немедленно и безоговорочно. Алва улыбнулся:

— Вы удивлены?

— Монсеньор, мы не ждали вас так скоро... Ваше появление — такая неожиданность.

— Разумеется, — согласился Ворон, — если едешь на войну, постарайся обогнать шпионов.

— Но... Монсеньор... Где же ваша армия?

— Армия подойдет, — махнул рукой Рокэ, — а флот приплывет. К концу лета.

Валме едва сдержал хохот, вспомнив, как задал тот же вопрос в Летнем лагере и в ответ услышал, что армия, конечно, выступит, но уважающий себя полководец в случае необходимости обойдется и без оной.

Лик победы

— О, — несчастный офицер смотрел на Ворона, как на багряноземельского крокодила, — разумеется... Это такая честь... но... вас так мало...

— Любезный, — Алву урготское бляенье откровенно забавляло, — армия — вещь полезная, но медленная. Пока ее нет, обойдемся тем, что есть. Так что же все-таки осталось от фельпского флота?

— Восемнадцать галер. Джильди застали врасплох... Бордоны привели сотню вымпелов, из них десять галеасов, а у Джильди были только галеры... Двадцать тысяч «павлинов»¹ и десять тысяч бордонов высадились в бухте... Монсеньор, кто вам сообщил?

— Убийцы.

— Монсеньор?! — Офицер уставился на Рокэ с таким ужасом, что Валме пожалел несчастного. Ничего, Фома еще узнает, что такое Ворон. Хвост «павлину» он, само собой, выдерет, но для начала отделает союзничков.

Алва над урготом сжалился. Или не сжалился, а решил проверить, как действуют его откровения на незнакомцев.

— Меня, как вы знаете, — герцог был сама куртуазность, — не одобряют многие, но убивают далеко не каждый день. Если меня пытаются прикончить, значит, я кому-то мешаю сверх обычного. В данном случае я мешал Бордону, а значит — Гайифе. Ваш Фома жаден, как сто гоганов: прежде чем купить мою шпагу, он долго страдал. «Павлины» догадались, в чем дело, и приняли меры, вернее, попытались принять, а кто-то из академиков подметил, что каждое действие рождает противодействие. Короче, господа, мы едем в Фельп.

— Но... — дернулся гонец, — я еду в Талиг.

— А поедете с нами. Как, кстати, вас называть?

— Капитан Финелли. Бенито Финелли. Я — патриций Фельпа на службе герцога Урготского.

— А это — виконт Валме, он вас развлечет. Прикажете своим людям занять место в строю.

2

Ричард Окделл остановил мориску и огляделся. Вокруг было очень мирно и очень сонно: тонущие в зелени домики, дремотные улочки, пологая гора, увенчанная старинной эсператистской

¹ «Павлины» — презрительное прозвище гайифцев. На гербе Гайифы изображен павлин в венке из роз.

Вера Камша

обителю. Из уроков землеописания Дик знал, что Крион славен фруктовыми садами, монастырем Святого Танкреда и осенней ярмаркой. В древности город был столицей королевства Уэрта, затем двор перебрался в Гарикану, а после Двадцатилетней войны Уэрта распалась на Агарию и Алат. Вот и все, что рассказывал господин Шабли о Крионе, но сегодня чужое прошлое занимало Повелителя Скал меньше всего...

Прямо перед мордой Соны выскочила кошка, на мгновенье замерла, выгнув спину, и бросилась к дому, в котором Дик заподозрил гостиницу. Чутье не подвело, похоже, юноша незаметно для себя самого превратился в бывалого путешественника.

Заметив всадника на чистокровной мориске, зевавший на пороге слуга бросился на добычу. Окделл позволил взять Соны под уздцы, а в ответ на уговоры отобедать в «Чаше паломника» прыгнул на землю. Кобылой занялся узколицый конюх, а юноше не оставалось ничего другого, как войти в услужливо распахнутую дверь.

Опрятная лестница напомнила о Фрамбуа и дядюшке Эркиле. Святой Алан, как же хорошо тогда все было! Ну почему вместо мира и всеобщей радости начался сплошной кошмар?! Выстрелы из-за угла, спешный отъезд в Надор, еще более спешное бегство в столицу, октавианская резня, нелепая попытка отравить эра... Теперь Дик не сомневался — Ворон цел и невредим, иначе б Хуан его живым не выпустил.

Красивый полный трактирщик при виде гостя проявил бурный восторг. Бедняга чуть не бухнулся на колени, умоляя благородного господина остаться на ночь, и Дик покорно занял лучшую комнату с видом на монастырь. Ему предложили вина, и юноша спросил «Вдовью слезу». Кэналийского в гостинице не нашлось, и Ричард равнодушно согласился на агарийскую лечуза вянка — не все ли равно.

Хозяин умчался резать цыплят, а герцог Окделл примостился у опрятного стола. Он прибыл на место, оставалось вскрыть пакет. Или не вскрывать.

Повелитель Скал мог выбросить зашитую в кожу вещь в придорожную канаву, сжечь, утопить, потерять — и ехать куда душе угодно, но юноша исполнил приказ даже не эра, а бывшего работорговца. Герцога Окделла послали в Крион, и он в каком-то полусне ехал в Крион. Дважды Дик сбивался с пути, потом ему помешали дожди. Тем не менее любой дороге приходит конец.

Принесли вино. Оно могло быть любым: хорошим, сносным, отвратительным — вкуса Ричард не почувствовал. Юноша смотрел

Лик победы

на лежащий на столе черный предмет и пил стакан за стаканом, но голова кружиться не желала, хотя обычно хватало пары бокалов.

Появился слуга — не тот, что караулил на улице, другой, худой и ушастый. Спросил, подавать ли обед, и Ричард велел подавать. Курицу зажарили отменно, хлеб был горячим, овощи — сочными. Нужно было есть, и Дик ел, и ел долго, потому что обед тоже был отсрочкой. Затем Повелитель Скал долго мыл руки, объяснял трактирщику, что желает сменить одежду, разговаривал с портным и белошвейкой. В конце концов ушли и они, наступал вечер, запахло ночной фиалкой и другими цветами, которых Дик не знал, в монастыре зазвонили к вечерней службе. Здесь не воевали и не убивали, а молились...

Назойливый колокольный звон напомнил об Октавианской ночи, Дикон с силой захлопнул ставни и зажег свечи. Дольше тянуть было некуда, и юноша подцепил знакомую печать синего воска принесенным хозяином ножом.

Внутри пакета оказалась плоская шкатулка черного дерева, запертая на изящный замочек, к которому на цепочке крепился резной ключик. Изысканно и дорого, как и все в доме Ворона. Ричарду показалось, что он видел эту вещицу на столе эра, но полной уверенности не было. Юноша поставил шкатулку на стол и задумался. Он слышал и о ключах с заусенцами, на которые наносили смертельный яд, и о выскакивающих из замков отравленных иглах. Неужели его отпустили, чтобы убить здесь, в Крионе? Рокэ на такое не способен, Рокэ, но не работороговец. Если эр мертв, Хуан будет мстить, и мстить жестоко, а что может быть горше смерти на пороге свободы? Именно так погиб Конрад Придд, вырвавшийся из тюрьмы и надевший отравленную женой рубашку.

Дик больше не сомневался: Ворон мертв, а шкатулка отравлена. Ее надо сжечь! Юноша отодвинул опасный ящичек, налил себе вина, поднялся, подошел к окну, выпил, вновь ничего не почувствовав. Может, потребовать касеры? Или заказать заупокойную службу, хотя Алва был оларианцем, если не кем-то похуже. В душах потомков предателя Рамиро горит вечный закат, а сила и непобедимость кэналлийских повелителей — дар Леворукого! Равно как и красота, и власть над женщинами. Только ангелы могут отказать избранникам Чужого. Катарина Ариго — ангел, ее жизнь дороже жизни убийцы и безбожника, но Повелитель Скал оказался плохим защитником. Теперь остается лишь молить Создателя за Катари, больше ее величеству никто не поможет, она совсем одна в своей убранной шелками клетке...

Вера Камша

Колокольный звон просачивался даже сквозь закрытые ставни. Он звал, требовал, напоминал о высшем долге. Матушка, окажись она в Крионе, первым делом отправилась бы в монастырь, но Ричард молиться не мог. Он понимал, что это грех, но, видно, не зря говорят, что убийцы и предатели слышат не Создателя, а Леворукого. А кто он, если не предатель и не убийца?

Он приносит несчастье. Из-за него погибло или вот-вот погибнет множество прекрасных людей, а он прохлаждается в Крионе! У него есть лошадь, золото и свобода, но что с ними делать? Кому здесь нужен Ричард Ожделл, кому он вообще нужен?! Его выбросили как ненужную вещь!

Дик бросился к столу, схватил шкатулку, вставил ключ в замок и резко повернул. Что-то щелкнуло, но никаких отравленных иголок не выскочило. Юноша медленно поднял крышку: внутри на синем бархате лежал отцовский кинжал, а рядом поблескивал перстень Эпинэ. Больше в шкатулке не было ничего.

3

Бенито Марселю нравился, чего нельзя было сказать о дороге. Пастбища и виноградники скрылись в пыльном мареве, знаменуя приближение плоскогорья Гальбрэ, и более мерзкого местечка Валме в своей жизни еще не видал. Смутные воспоминания о недоученных уроках нашептывали, что раньше здесь плескалось море, потом оно отступило, оставив победившей суше мертвые озера, окруженные белоснежными воротниками соли.

Тут даже места для привала не было, разве что свернуть с тракта и поискать тени в дальних пятнистых скалах, но там, без сомнения, водились змеи, а змей Марсель не одобрял. Так же как скорпионов и прыгучих ядовитых киркорелл, которыми славились здешние края. Казалось невысказанным, что из-за столь гнусных земель то и дело вспыхивали войны. Одна так и вошла в историю под именем Соляной, и было это лет через пятьдесят после падения Раканов.

Соль принесла Урготу неисчислимые богатства, по сути, герцогство на ней и поднялось. На соли, меди, серебре и свинце, добываемых в невысоких выветренных горах. Чем кончались старые войны, виконт не помнил — история и землеописание наследника Валмонов не занимали, — но тридцать тысяч болтавшихся на берегу теперешних врагов определенные опасения вызывали. В осажденный Фельп пробьется только сильная армия,

Лик победы

а Савиньяк подоспеет не раньше осени. Валме с сомнением по-матривал на Рокэ, невозмутимо покачивавшегося в седле. С Алвы станется бросить лошадей и полезть в город ночью сквозь вражеские позиции. Марселья подобное приключение не вдохновляло абсолютно.

— Бенито, — Валме постарался, чтоб его голос звучал как можно спокойнее, — вы полагаете, дорога свободна?

— Конечно, — заверил фельпец на урготской службе, — ее так просто не пережешь. Увидите сами, не хочу портить удовольствие рассказом.

— Удовольствие?

— Прибрежная стена по праву считается чудом. — В голове офицера слышалась гордость. — Она идет от Веньянейры до самого города, прикрывая тракт слева, а справа нас защищает море.

Валме уже ничего не понимал. Если враги высадились на берег в одном месте, кто мешает им высадиться в другом и перерезать дорогу?

Фельпский ургот рассмеялся:

— Гадаете, почему дожди с двух сторон не лезут? Да потому что на западе кошки с две высадишься: и рифы тебе, и мели, и зыбуны, да еще и дозоры стоят. К Фельпу иначе как Приморским трактом с суши не добратся...

— А чего они стену не ломают?

— Не готовы. Ничего, пусть копаются, чем дольше, тем лучше. Конечно, до осени, когда подойдет армия, они не провозятся, а жаль...

Тут пришел черед улыбнуться Валме. Алва не для того загонял коней, чтобы ждать Савиньяка. Ворон что-то задумал, а значит, будет весело. Скрывая усмешку, Марсель уставился на ухо собственной лошади. Он немного успокоился, и жара, отступившая не то чтоб перед страхом, но перед обоснованным беспокойством, взяла свое. Виконт не знал, что хуже: беспощадная ярость солнца или вязкая духота, изливавшаяся из низких густых облаков, и не думавших облагодетельствовать путников дождем.

Облака были такими же обманщиками, как и проклятые озера, которые отряд никак не мог миновать. Издали вода казалась обычной, но не годилась ни для питья, ни для купанья, а в темных глубинах не плескалась даже самая завалиющая рыба. Умом Марсель это понимал, но любоваться на блестящую водную гладь и изнывать от жары и жажды — увольте!

Вера Камша

Неожиданно Рокэ Алва поворотил коня к одному из озер, на взгляд Марселя, ничем не отличавшемуся от других. Герард, разумеется, увязался за «Монсеньором», хотя проявленное маршалом любопытство по такой духоте было явно излишним. Кэналлицы и адуаны просто придержали лошадей, а вот урготы забеспокоились. Бенито прищипорил жеребца и помчался наперерез Рокэ, Марсель за какими-то кошками последовал за ним. Алва, услышав топот, обернулся и натянул поводья:

— В чем дело, господа?

— Монсеньор, — казалось, молодому офицеру неловко, — это... Это, конечно, ерунда, но... Это озеро... К нему никто не спускается... Дурная примета...

— Как мило! — Ворон сощурил глаза, всматриваясь в окружающий мертвое зеркало соляной вал. — И почему же?

— Не знаю, — честно признался ургот. — Толком не знает никто, но Литта не терпит чужого любопытства.

— Хорошо, — усмехнулся Алва, — пощадим чужую скромность. Оскорбления озер в мои планы не входят никоим образом.

Герцог учтиво наклонил голову, словно принося извинения не слишком красивой и не слишком молодой даме, и вернулся на тракт. На лице Бенито отразилось нескрываемое облегчение.

Больше в этот день не случилось ничего примечательного, а к ночи отряд добрался до Ограмика. Марсель надеялся обрести там кровать и много-много воды, но Алва отвел на отдых лишь полтора часа. Ворон спешил, и дела до чужих немых голов ему не было.

ГЛАВА 2

ФЕЛЬП

399 год К.С. 3-й день Летних Скал

1

В славный город Фельп Первый маршал Талига въехал затемно. На дорогу ушло четырнадцать с половиной дней. Это было недурно даже для курьера, но Алва, дай ему волю, ехал бы еще быстрее. Марселя спасло лишь то, что Ворон знал людей и лошадей и загонял их всего лишь до полу-смерти.

За время пути Валме трижды прокручивал в поясе новые дырки. С одной стороны, это не могло не радовать: Валмоны отличались склонностью к полноте, а виконт не желал отъедаться до состояния дражайшего родителя. С другой стороны, отощавший, дурно выбритый кавалер в кэналлийских тряпках не мог рассчитывать на успех у фельпских красавиц. Особенно если рядом Рокэ. Маршалу черная рубаха и разбойничья косынка только прибавили загадочности, которую так ценят женщины. Если б Марсель не боялся показаться смешным, он бы попросил остановиться, чтоб привести себя в порядок, но, представив, как Алва с ухмылкой поднимает бровь, выбрал меньшее из зол и выбросил из головы мысли об абрикосовом камзоле и чистых завитых волосах.

К счастью для виконта, первая встреча обошлась без дам. Отправленный вперед Финелли осчастливил Дук-

сию¹ известием о прибытии высокого гостя, и невыспавшийся гран-дукс² с дурацким именем Ливио Гампана перехватил герцога у городских ворот. Дукс был высок и довольно красив, но все портил нелепый балахон, несмотря на жуткую жару, отороченный седоземельскими соболями, и еще более дурацкий колпак, украшенный, однако, весьма недурной пряжкой с изумрудом. По лицу Гампаны струился пот, но отец города терпел, страстно заверяя прибывших в пламенной любви к великому Талигу, его величеству Фердинанду Оллару и величайшему полководцу Золотых Земель.

Величайший полководец слушал торжественную речь с каменным спокойствием, если, разумеется, слушал, а Марсель тарашился на темневшие на фоне испятнанного звездами неба стѣны. Ночью они казались несокрушимыми, но день менее снисходителен к стенам и женщинам. К мужчинам, увы, тоже. Виконт ерзал в седле, с отвращением глядя на укутанного в меха фельпца: не хватало проторчать у городских ворот до рассвета, а потом небритым ехать по запруженным толпой улицам. В Фельпе жило, и неплохо жило, около сотни тысяч человек, хотя, по мнению виконта, поселиться в подобной печке мог только безумец или больной серой горячкой³. И еще больший безумец мог битый час молотъ языком о своей неземной радости, когда гостям требовались вода, приличный цирюльник и крепкий шадди.

Гран-дукс наконец возвысил голос и сообщил, что не сомневается в грядущей победе над коварным и вероломным врагом. Рокэ вежливо наклонил голову и предложил перенести обсуждение кампании в более подходящее место. Гран-дукс сначала опешил, потом улыбнулся изысканной шутке великого воина и сообщил, что Дуксия соберется в полдень, пока же герцога и его свиту ждет палатца Сирен.

— Мы просим прощения. — Ливио Гампана опустил глаза, словно невеста, уличенная в отсутствии девственности. — Мы не ожидали вас так быстро и потому не успели перетянуть обивку и сменить гербы на фронтоне.

¹ Дуксия — коллегиальный орган власти в Фельпе и ряде других свободных городов. Дуксы избираются голосованием из числа достойных и богобоязненных горожан, кои имеют достаточно имущества, чтоб внести должный залог.

² Глава совета дуксов.

³ Больные серой горячкой испытывают постоянный озноб.

Лик победы

— Ничего страшного, — Марселю показалось, что Алву душил смех, — я переживу любую обивку, только бы она не была розовой в зеленую полосочку.

Валме едва не взвыл, представив рожи многочисленных Манриков, которые, к сожалению, Первого маршала не слышали. Гран-дукс шутки не понял, да и не мог понять.

Бедняга бросился заверять Алву, что палаццо выдержан в морских тонах. Валме навострил уши, ожидая, что Ворон перейдет к спрутам и медузам, но тут, как назло, возникло новое лицо, по виду совершенно военное.

— Господин герцог, — Марселю показалось, что Гампана не слишком рад вновь прибывшему, — позвольте представить вице-командующего гарнизоном Фельпа генерала Массимо Варчезу.

— Я рад, что вы приехали, — не стал ходить вокруг да около генерал. — Наше положение, прямо скажем, не из легких...

— Не стоит утомлять гостей! — вскинулся гран-дукс, утомлявший их добрых полчаса. Генерал нахмурился, однако смолчал. По мнению Марселя, из вежливости. Рокэ улыбнулся самым светским образом.

— Господа, я не хотел бы предстать перед отцами города Фельпа в облике разбойника с большой дороги. Можем ли мы с моими офицерами отправиться в палаццо Сирен?

— О да, — заверил Ливио Гампана, — я буду счастлив сопровождать вас. Нас ждут конные носилки.

— Благодарю, сударь, — заупрямился Ворон, — но я предпочитаю седло или собственные ноги. Надеюсь, славный город Фельп простит мне мои привычки.

Славный город Фельп простил, а что ему оставалось?

2

Палаццо Сирен было роскошным — с фонтанами во дворе, скульптурами на крышах и лестницах и живыми цветами, где можно и где нельзя. Это была не талигойская роскошь, но Марселю понравилось. Куда меньше ему нравились собственная загоревшая физиономия и прямые волосы. Конечно, в Фельпе есть и куаферы, и парфюмеры, но не искать же их прямо сейчас! Валме с тоской зачесал незавитые патлы назад, стянув их на затылке черной лентой. Уж лучше так, чем липнущие к щекам сосульки. Немного утешил гвардейский мундир: у того, кто его придумал,

безусловно, имелся вкус. Затянув пояс и пару раз повернувшись перед огромным зеркалом, виконт Валме вышел в приемную.

Рокэ стоял у раскрытого, доходящего до самого пола окна. Он и вправду соизволил одеться, как положено талигойскому маршалу. Летний белый мундир и черная рубашка подчеркивали диковатую красоту кэналлийца. Марсель не то чтобы позавидовал, но пожалел, что к роду Валмонов природа не столь щедра. Виконт тоже не отказался б произойти от Леворукого, но, увы, Повелителя Кошек прабабки Марселя не вдохновили...

Алва зевнул и отошел от окна.

— Я решил не приводить сюда Моро, — сообщил он вместо приветствия. — В Фельпе кровная лошадь нужна в последнюю очередь. Да, Валме, вы не забыли, что вы мой офицер для особых поручений? Надо полагать, его величество уже подписал ваш капитанский патент. Он любит подписывать офицерские патенты...

— То есть я теперь капитан? — приосанился Марсель. — А я думал, Савиньяк шутит.

— В Фельпе правильной быть капитаном, а не виконтом. — Рокэ по-кошачьи потянулся. — Жители вольного города не одобряют чужие титулы — за неимением своих. Сейчас мы отправляемся в Дуксию на военный совет. Там соберутся те, кто нам нужен, и те, кто не нужен. Очень удобно...

— Будете стрелять? — Шутка сорвалась с языка Марселя случайно, но показалась удачной. Рокэ улыбнулся:

— Не сегодня... Хотя, прежде чем заняться врагами, и впрямь придется привести в порядок союзников. В нынешнем виде они меня не устраивают.

Марсель промолчал, ожидая продолжения, но его не последовало. Рокэ взял со стола шляпу с белым пером и нахлобучил, даже не подумав глянуть в зеркало. Герцога меньше всего волновало, как он выглядит: еще бы, ведь он выглядел великолепно.

— Как офицер по особым поручениям вы должны знать, — сообщил маршал, надевая перчатки, — что из-за мелководья дуксы не держат не только парусных кораблей, но и галеасов, за что и поплачались. Бухта блокирована, а гайфицы по всем правилам обкладывают город. Варчеза рассказал, что «павлины» выкопали ров, насыпали вал и разбили укрепленные лагеря. Замкнуть кольцо мешает только прикрывающая тракт стена, ызаргу ясно, что начнут с нее... Дело скверное, но до дуксов сие пока не дошло. Герард, вы готовы?

— Да, Монсеньор!

Еще бы это ходячее усердие оказалось не готовым!

Талигойцам отвели вызолоченную, обитую бархатом скамью под огромной птице-рыбо-девой, красовавшейся на гербе славного города Фельпа. Еще одна крылатая и хвостатая красotka кокетливо взирала с потолочного панно на рассеявшихся внизу мужчин, и Марсель задумался о возможности любви с подобным созданием. Валме прикидывал и так, и эдак, но не мог придумать позу, в которой не мешали бы ни крылья, ни хвост.

Не выдержав, виконт поделился сомнениями с Рокэ, благо совет еще не начался. Алва с ходу понял, что смущает новоявленно-го капитана, и меланхолично заметил:

— Дорогой Валме, именно потому она и дева.

Марсель не свалился со скамьи лишь потому, что вовремя вспомнил, где находится. Чтобы подавить излишнюю смешливость, пришлось прикусить щеку — стало больно, но помогло. Виконт справился с неуместным весельем как раз вовремя: началось пресловутое сортэо¹. Шестьдесят восемь важных, гладко выбритых мужчин в долгополых, отороченных седоземельскими соболями одеяниях по одному запускали холеные руки в мраморную чашу, вытаскивали золотой бочонок с номером и занимали соответствующее место за массивным дубовым столом. На первый взгляд смешно, зато отцам города² не грозит передрасться из-за мест — на жребий не обижаются. После сортэо в зал впустили тестиго³ и слуг города⁴, среди которых виконт узнал генерала Варчезу. Рядом держался крепко сбитый человек с красивым, но столь обветренным лицом, что даже Марсель понял: моряк.

Гран-дукс Гампана выждал, когда все рассядутся, и тронул золотой — здесь все было золотым — колокольчик. Толстый эсператист с эмалевым голубем на груди пробормотал молитву

¹ Жеребьевка (*ургот.*).

² Дуксов также называют отцами города.

³ **Тестиго** избираются состоятельными жителями Фельпа, их обязанность — присутствовать на заседании совета дуксов и доносить до граждан все там происходящее. Права голоса тестиго не имеют, но они весьма влиятельны, так как от них во многом зависит, сколько голосов наберет претендент на звание дукса на очередных выборах.

⁴ **Слугами города** называют управленцев и военачальников, получающих жалованье из городской казны. Слуг города нанимает и освобождает от должности совет дуксов большинством в три четверти голосов.

Вера Камша

о благоденствии и процветании великого Фельпа и его жителей, благословил присутствующих, и понеслось!

Ливио Гампана начал с представления Первого маршала Талига и добрый час его расхваливал не хуже продающего редкий камень ювелира. Наконец зануда заткнулся, однако легче не стало: за дело взялся другой дукс, худой как щепка, но с низким утробным голосом. Этот принялся расписывать, как счастливы он и его собратья зреть столь великого полководца, который, вне всякого сомнения, посрамит супостатов славного города Фельпа.

После дукса худого поднялся дукс ушастый. Талигойская прическа могла бы скрыть этот недостаток, талигойская, но не фельпская! Подобных ушей Марсель еще не видел, они живо напомнили виконту о кошмарах, связанных с уроками геометрии, когда злобный ментор объяснял, что есть круг и перпендикуляр. Наследник Валмонов понял и теперь ясно видел, что уши дукса Андреатти являют собой два круга, перпендикулярных к голове. Стоило удирать из Оллари, чтоб вляпаться в эдакую тоску!

Марсель покосился на Рокэ — герцог, похоже, дремал с открытыми глазами. Еще бы, если умудряешься спать в седле, почему б не уснуть на удобной лавке? Валме так не умел, пришлось вновь во всех подробностях рассматривать птице-рыбо-деву. На этот раз с сочувствием. Просиди тут парочку веков и послушай всю эту муть — еще и не такой хвост вырастет! Да и желания расстаться с девственностью поубавится. Уж лучше на потолке в одиночестве, чем в кровати с такими вот... дуксами.

Задумавшись о хвостах, виконт почти позабыл об ушах и не заметил, когда Андреатти уступил место седому толстяку. Этот, хвала Леворукому и его кошкам, не стал лить воду, а принялся представлять адмиралов и генералов:

— Командующий армией вольного города Фельпа генералиссимус Титус Ванжи.

Генералиссимус выглядел весьма внушительно, почти так же, как почтенный родитель Марселя, но папенька казался бодрее и... умнее.

— Вице-командующий генерал Проспéро Фра́ки.

Просперо носил совершенно роскошный мундир и был недурен собой, хотя против Рокэ не выгребал. Марсель готов был поклясться, что местный красавец свою несостоятельность уже осознал и сие его заботит сильнее всех бордонов мира.

Лик победы

— Вице-командующий генерал Массимо Варчеза.

Варчеза казался довольным. В отличие от вице-командующего генерала Крótало, вызвавшего у Валме живейшее сочувствие. Судя по всему, хмурый вояка последний раз выпался тогда же, когда и сам Марсель, то есть недели три назад.

Главный инженер господин Гракка походил на плохо выбритого ежа, но ежа умного, хитрого и веселого. Главный артиллерист господин Кáнцио сиял не хуже Варчезы. Марсель решил, что они приятели и их тошнит от гран-дукаса и генералиссимуса. Парочка явно ожидала, что Рокэ примется вытаскивать из-за пазухи кошек и девственниц. Марсель, впрочем, ждал того же.

— Старший адмирал Бáрбаро Кимарóза.

Любопытно, когда старший адмирал в последний раз выходил в море, до рождения Рокэ или все-таки позже?

— Адмирал Фóккио Джíльди.

Обветренный хмуро кивнул. А чего радоваться — сражение проиграно, и наверняка все свалили на адмирала.

— Адмирал Мúцио Сквáрца.

Скварца был молод, весел и бесшабашен. С ним стоило познакомиться поближе. Наверняка знает, где в этом городе найти красивых женщин, хорошее вино и сносного портного.

Муцио был последним, кого называли. Толстый дукс, отдуваясь, плюхнулся в кресло, зато вновь поднялся Гампана.

— Господа, — произнес он, с отеческой укоризной глядя на военных, — мы должны поведать нашему гостю подробности постигшего нас несчастья.

Генералиссимус Титус важно наклонил огромную голову. Что он, что старший адмирал вполне могли сойти даже не за отцов города Фельпа, а за его дедов.

— Будет говорить Фоккио Джильди.

Разбитый адмирал встал и подошел к высокому столику, на котором красовалась еще одна хвостатая хранительница Фельпа. Джильди было хорошо за сорок, и он как нельзя лучше соответствовал облику морского волка. Подходящим был и голос — хриплый, низкий и зычный.

— Нас разбили, — просто сказал моряк, — иначе и быть не могло. Пятьдесят наших галер против почти сотни бордонских, не считая десятка галеасов. Не знаю, говорит ли это что-нибудь нашему гостю, ведь раньше он воевал на суше...

— Господин адмирал, — ровным голосом осведомился Рокэ, — знаете ли вы, чем отличается мул от коня?

Вера Камша

Джилди озадаченно воззрился на маршала, тот лукаво улыбнулся:

— Знаете, хоть вы и не кавалерист. А я знаю, чем отличается галера от галеаса.

Адмирал шумно втянул воздух и неожиданно громко расхохотался. Шутка явно пришлась ему по вкусу.

— Что ж, тем лучше! Значит, вам не нужно объяснять, почему я сижу в бухте, а «павлины» и «дельфины»¹ хозяйничают на берегу.

— Дельфины на берегу — это извращение, — заметил Рокэ. — Адмирал, как по-вашему, деблокировать бухту извне можно?

— Еще бы, сотня крабов им в... — Джильди осекся и смущенно оглянулся на птице-рыбо-деву. — Только в нашем море парусным тяжко.

— Да, место для города вы выбрали странное, — согласился Рокэ. — Что ж, раз о море можно забыть, поговорим о суше. Что «дельфины» и «павлины» в количестве тридцати тысяч хвостов гуляют вокруг Фельпа, я знаю. Равно как и то, что они действуют по всем правилам военного искусства.

— Дорогой друг, — гран-дук приложил руку то ли к сердцу, то ли к желудку, — мы уверены, что осаждающая армия не намерена штурмовать город, так как этому противится сама природа, бывшая первым фортификатором Фельпа.

— О да, — генералиссимус хлопнул по столу пухлой ладонью. — Командующий бордонами маршал Капрас полностью раскрыл свои намерения. Он хочет замкнуть кольцо осады и вынудить нас сдаться под угрозой голода, но у нас достаточно сил и припасов, чтобы дожидаться подхода деблокирующей армии. Тем не менее, если мы позволим противнику перерезать Приморский тракт, наше положение станет... м-м-м... сложным. Это понимает и Капрас.

Еще бы не понимать! Странно, оказывается, воинские премудрости не такие уж и сложные. Марсель с ходу разобрался, что имеют в виду военачальники, и это доставляло виконту истинное наслаждение. В самом деле, штурмовать расположенный на обрывистом прибрежном холме Фельп трудно, а вот перерезать единственную ведущую к городу дорогу весьма соблазнительно, хотя тоже непросто.

¹ «Дельфины» — презрительное прозвище бордонов. На гербе Бордонской республики изображен коронованный дельфин.

Лик победы

— Будущей ночью мы улучшим наше положение, — заключил Титус. — На примыкающей к основному вражескому лагерю территории находится Паучий холм. Мы его захватим и установим на нем пушки, после чего сможем обстреливать вражеский лагерь и отвлечем противника от защищающей тракт стены.

— Прошу простить мою неосведомленность, — Рокэ вежливо улыбнулся. — Почему этот холм носит столь неприятное название? Там водятся пауки или же он формой напоминает паука?

— Киркореллы там водятся, — буркнул Варчеза.

— Да они здесь везде водятся, — громыхнул адмирал Джильди, — брюхо с кулак и волосатые, как моя жизнь!

— Будем надеяться, они осчастливят своим присутствием бордонский лагерь, — улыбнулся Рокэ. — Жаль, Капрас не взял на войну супругу. Женщины обычно не дружат с пауками.

— Киркореллы не совсем пауки, — растянул губы кто-то из дуков, — а что до жен бордонов... Капрас явился без супруги, а сестра одного из самых влиятельных дождей не взяла на войну мужа. За неимением такового. Спросите при случае Джильди, кто потопил его галеру.

— Мне скрывать нечего, — ноздри адмирала угрожающе раздулись, — дожиха и потопила. Дожили, бабы на корабле!

— Дама командует кораблем? — поднял бровь Рокэ. — Какая пошлость!

— На «Морской пантере» три десятка дам. Все офицерские должности прихватили, да еще и называют себя на мужской лад.

— Чего только не бывает... — задумчиво протянул Алва. — Как я понимаю, вы намерены взять Паучий холм?

— Да, — кивнул генералиссимус. — И мы возьмем его. Это упрочит наше положение.

— Я против, — поднял руку фортификатор. — Холм слишком близко к лагерю, и если маршал Капрас не даст маху, «павлины» появятся раньше, чем мы успеем его укрепить, кроме того, Паучий обращен к осаждающим пологой стороной, а к городу — крутой. В итоге Капрас холм легко отобьет, а мы только зря потеряем людей.

— Не согласен, — сверкнул покрасневшими глазами генерал Кротало. — Где сказано, что нельзя оборонять пологий склон? Нам нужно укрепить дух горожан. После разгрома на море многие усомнились в победе и не верят ни Дуксии, ни слугам города. Это дурной признак.

Просперо Фраки поднял руку, и генералиссимус важно кивнул. Марсель знал фельпского генерала всего полчаса, но уже понял:

Вера Камша

бедняга при виде Ворона изревновался, как стареющая красotka при виде семнадцатилетней блондинки.

— Я возьму Паучий, господа. Поручкой тому моя репутация.

— Я хотел бы узнать мнение нашего гостя, — не сдавался фортификатор.

Рокэ пожал плечами:

— Судя по тому, что здесь прозвучало, я не советовал бы атаковать. Конечно, если ваше предприятие увенчается успехом, граждане города обрадуются, но что будет, если оно провалится?

— Решение принято, но я удивлен, услышав такие слова от вас, господин маршал. — Фраки попытался испепелить Алву взглядом, но неудачно. Марселю пришел на ум свечной огарок, бесславно угасший в лохани с водой.

Рокэ опять улыбнулся:

— Когда мои советы перестанут удивлять, я подам в отставку. Успешной охоты на киркорелл, господа.

ГЛАВА 3

ФЕЛЬП

399 год К.С. 3-й — 4-й день Летних Скал

1

О морском деле Марсель имел весьма смутное представление — в отличие от Герарда, знавшего и то, что Фельп начинался как центр мелкой прибрежной торговли, и то, что флоты в Померанцевом море были по большей части галерными. Сначала потому, что «негребных» кораблей просто не придумали, потом из-за местных особенностей. Летом и зимой парусникам мешали штили, весной и осенью — бури.

Мелководье, изрезанное побережье, множество островов, островков и островочков, не дающих крупным судам маневрировать. Морские гиганты могли разве что добираться до внешнего рейда, а дальше за дело брались плоскодонные трудяги. И, несмотря на это, город и порт процветали, а на противоположной стороне Урготского полуострова, где и климат получше, и море поглубже, отчего-то никто не селился. По мнению Марселя, это было глупо, но в жизни глупостей хватает, а виконт придерживался мнения, что везде следует выискивать розы, а не жаб. В данном случае талигоец вознамерился раздобыть куафера и портного, что и проделал с помощью Бенито и его приятеля Луиджи Джильди. Старший сын разбитого адмирала и капитан «Влюбленной акулы» возлагал на талигойского маршала кучу надежд и пытался говорить с Валме как с моряком. Марсель чувствовал

себя совершеннейшим дураком, но прогулка все равно вышла отменной.

Приведя шевелюру в пристойное состояние и заказав полдюжины рубах, виконт почувствовал себя почти хорошо и с удовольствием принял предложение посмотреть город. Наутро Бенито отбывал в Урготеллу с известием об очередной выходке Алвы, но вечер был в его распоряжении. Порт в Фельпе имелся лишь один, зато трактиров и харчевен хватало, так что до палатцо Сирен офицер для особых поручений добрался лишь к вечеру. Подмигнул хвостатой красотке на фронтоне, едва не сбил с ног усатого варастийца и ввалился к Рокэ. Тот пристально посмотрел на виконта, но ничего не сказал.

— Да, — заявил отчего-то обидевшийся Марсель, — я выпил. Ну и что? Мы в Фельпе, а в Фельпе можно.

— А кто говорит, что нельзя? — пожал плечами Алва. — Как вам местные красоты?

— Красоты? — возмутился Марсель. — Эти колонны и дуры с крыльями?

— А дуры без крыльев здесь разве не водятся?

Марсель захохотал и рухнул на роскошный диван. Рокэ тоже усмехнулся:

— Идите спать, капитан.

— А вы? — Виконту показалось несправедливым, что маршал лишает себя прорвы удовольствий. Они сейчас вполне могли бы...

— Мне надо разобраться с этим, — Алва тряхнул кипой каких-то бумаг, — и дожидаться, чем закончилась схватка за киркорелл.

— А, — вспомнил виконт и зевнул, — холмик...

— Он самый. Что-то мне подсказывает: взять его не удастся, а жаль. Пауканы — твари полезные, они бы намгодились.

— Зачем? — потряс стремительно тяжелеющей головой Марсель. — Гран-дуксу за шиворот сунуть?

— Лично я бы посадил их в чашу для сортэо, — возразил Алва.

— Тогда дуксы разбегутся. С визгом...

— Именно. Идите спать, Валме, — Рокэ склонился над бумагами, — а то еще свалитесь. Вы, конечно, малость похудели, но таскать вас на руках я тем не менее не намерен.

2

Алва — и кто бы сомневался? — оказался прав: Паучий холм взять не удалось. Высота оказалась укреплена, кроме того, нападения явно ждали. Красавца Просперо встретили мушкетным

Лик победы

огнем и гранатами, бравый генерал, поняв, что с наименьшими затратами выиграть не получается, решил победить красиво. Он лично возглавил атаку, под барабанный бой добежал до середины склона, нарвался на рогатки и отошел, чтоб не сказать — отлетел, назад. Уже без барабанного боя.

На сегодняшнем совете Фраки выглядел отнюдь не столь уверенно, как на вчерашнем, а генералиссимус и гран-дукс относились к побитому красавцу куда менее отечески. Скорее наоборот.

— Вы обманули Дуксию, — гремел Ливиио Гампана, — вы обманули граждан города, которые из-за вашей самоуверенности и непродуманности ваших действий решат, что Дуксия и слуги города не способны их защитить...

Ну, положим, они и не способны, странно, что при таких правителях Фельп до сих пор никто не захватил. Хотя бордонские дожи вряд ли лучше.

— Вы не вняли совету нашего гостя, — не мог успокоиться гран-дукс, — хотя лучший полководец Золотых Земель недвусмысленно дал понять, что атака на Паучий холм лишена смысла и обречена на провал!

— Я не генералиссимус, — огрызнулся Просперо, — а талигойца слышали все.

— Отцы города Фельпа склонны доверять своим слугам, — вывернулся Гампана, — а вы поклялись, что возьмете высоту.

— И ваша клятва сыграла роковую роль, — внес свою долю генералиссимус, — ибо плох тот командующий, который не верит своим генералам.

— Господа, — поднял руку кто-то рыжий и носатый, — случившееся ночью весьма прискорбно, но надо смотреть вперед. Наш гость обещал ознакомиться с положением вещей и высказать свое мнение.

— Город Фельп будет счастлив принять совет Рокэ из Кэналлоа, — провозгласил гран-дукс, с обожанием глядя на Ворона. Тот поднялся и коротко поклонился присутствующим. Синие глаза смотрели прямо и жестко, почти так же, как в Нохе перед дуэлью. Марсель непроизвольно поджал ноги, хотя понимал, что это глупо и лично ему ничего не угрожает.

— Господа! — ровный голос обдавал зимней стужей. — Я не хотел бы обсуждать дальнейшую кампанию здесь и сейчас. Вчера у меня возникло подозрение, что нас слушает предатель, и хорошо, если только один. После ночного происшествия я в этом уверился окончательно. Здесь про меня было сказано много